

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ

**ХАРКІВСЬКА НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ
МІСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА**

**МЕТОДИЧНІ ВКАЗІВКИ
до організації самостійної роботи
з дисципліни**

ФІЛОСОФІЯ ГОСПОДАРЮВАННЯ

*(для студентів 2, 3 курсів денної та заочної форм навчання за
напрямами підготовки 6.030504 «Економіка підприємства»,
6.030509 «Облік і аудит»)*

Харків ХНАМГ 2011

Методичні вказівки до організації самостійної роботи з дисципліни «Філософія господарювання» (для студентів 2, 3 курсів денної та заочної форм навчання за напрямками підготовки 6.030504 «Економіка підприємства», 6.030509 «Облік і аудит») / Харк. нац. акад. міськ. госп-ва; уклад.: Г. Г. Фесенко, О. Л. Рябченко, М. В. Яцюк, Л. М. Жванко. – Х: ХНАМГ, 2011. – 136 с.

Укладачі: к.філос.н., доц. Г. Г. Фесенко,
к.і.н., доц. О. Л. Рябченко,
к.і.н., доц. М. В. Яцюк,
к.і.н., доц. Л. М. Жванко

Рецензент: к. філос. н., доц. І. М. Рассоха

Рекомендовано кафедрою історії і культурології,
протокол № 4 від 7 листопада 2011 р.

© Г. Г. Фесенко, О. Л. Рябченко,
М. В. Яцюк, Л. М. Жванко, 2011
© ХНАМГ, 2011

ВСТУП

Особливе значення самостійної роботи у підготовці сучасних фахівців підтверджується багатою практикою вищої школи. Самостійна робота розвиває індивідуальні форми навчання, уміння творчо мислити, орієнтуватися в потоці наукової інформації, самостійно ставити і вирішувати принципово нові завдання. Без самостійної роботи важко набути поглиблених знань. Оволодіння навичками самостійної роботи дає студентові змогу виконувати необхідну роботу якісно і у мінімальний термін.

При вивченні матеріалу навчальної дисципліни «Філософія господарювання» значна увага приділяється самостійній роботі: вивченню додаткової літератури; підготовці до практичних занять; підготовці до проміжного й підсумкового контролю¹. Крім того, враховується, що процес навчання у вищій школі все більше спирається на самостійну, близьку до дослідної, роботу студента.

Вища школа покликана розвивати у студентів смак до творчого пошуку, виховувати прагнення до постійного ооновлення набутих знань. Отже майбутні фахівці мають набути знань та умінь, що дозволять їм самостійно вирішувати професійні завдання і проблеми. Самостійна робота студента, як основний спосіб оволодіння навчальним матеріалом у час, вільний від обов'язкових аудиторних занять, передбачає самостійне опрацювання джерел та літератури за окремими темами. Для опанування теоретичного матеріалу навчальної дисципліни

¹ Програма навчальної дисципліни і робоча програма навчальної дисципліни «Філософія господарювання» (для студентів 3 курсу денної та заочної форми навчання спеціальності 6. 030504 – «Економіка підприємства», 6. 030509 – «Облік і аудит») / Укл.: Фесенко Г.Г. – Х.: ХНАМГ, 2010. – 27 с.

«Філософія господарювання» пропонується джерелознавча робота з філософськими текстами-фрагментами з праць філософів різних епох. Тексти підібрані так, щоб були висвітлені основні проблеми філософії господарства (див. Додатки). Зосереджується увага на основоположних філософсько-господарських ідеях від доби античності до сьогодення, репрезентовано сучасний критичний, духовно-практичний зміст світової філософської думки. Виклад текстів-фрагментів супроводжується короткими вступами, що вміщують біографічні і творчі дані про авторів. У цілому матеріали до самосійного вивчення навчальної дисципліни «Філософія господарювання» призначені для ознайомлення студентства з досягненнями філософії у сфері дослідження проблем господарства в цілому та їхніми конкретними проявами в людині як суб'єкті господарювання.

РОЗДІЛ 1

Методика самостійної роботи з вивчення навчальної дисципліни «Філософія господарювання»

1. Місце самостійної роботи у навчальному процесі.

Самостійна робота студентів, як органічна і невід'ємна частина навчального процесу, має наступне значення:

- формує потребу і навички систематичного і обґрунтованого вивчення джерел та літератури;
- дозволяє напрацювати навички наукового пошуку;
- створює сприятливі умови для повного використання індивідуальних особливостей людини у навчанні;
- є найважливішою умовою формування світоглядних засад;
- сприяє набуттю таких якостей, як наполегливість та системність у виконанні роботи.

Метою самостійної роботи з вивчення дисципліни «Філософія господарювання» є вироблення здатності студента самостійно розмірковувати над актуальними соціально-економічними проблемами, свідомо засвоювати теоретичні положення, що відбивають діалектику господарського буття.

Багато залежить від самого студента, від його ставлення до навчання, до виконання своїх обов'язків. Щоб навчитися самостійно засвоювати філософсько-теоретичний матеріал, він повинен проявити наполегливість і цілеспрямованість, виробити і дотримуватися розумного режиму навчання і відпочинку. Важливим є навчитися їх у всьому поводитися самостійно - мислити, планувати свою роботу, тобто цінити свій час і уміти розподіляти його, бачити перспективу в роботі, передбачати

можливі труднощі тощо. При цьому необхідно чітко уявляти, які види самостійної і у якому обсязі можна виконати, а саме:

- слухання і конспектування лекцій;
- вивчення рекомендованої літератури, джерел та їх конспектування;
- підготовка до практичних занять;
- участь у роботі наукового гуртка при кафедрі, підготовка наукових доповідей і повідомлень на студентські науково-практичні конференції;
- підготовка до поточного контролю успішності, заліку.

На позааудиторне вивчення «Філософії господарювання» програмою передбачена відповідна кількість годин (таб 1, таб 2).

Таблиця 1

Структура навчальної дисципліни «Філософія господарювання»

Спеціальність, спеціалізація, (шифр, аббревіатура)	Всього, кредит/ годин	Тримістр /Семестри	Години							Екзамен (семістр)	ПМК (тримістр) / Залік (семістр)
			Аудиторні	у тому числі			Самостійна робота	у т. ч.			
				Лекції	Практичні, семінари	Лабораторні		Контр. роб.	КП / КР		
6. 030504 – «Економіка підприємства» - ЕП (денна форма навчання)	3/ 108	9	33	11	22	-	75				9
6. 030509 „Облік і аудит“ - ОіА (денна форма навчання)	3/ 108	9	33	11	22	-	75				9
6. 030504 – «Економіка підприємства»- ЕП (заочна форма навчання)	3/ 108	5	8	4	4	-	100	15			5
6. 030509 „Облік і аудит“ - ОіА (заочна форма навчання)	3/ 108	5	8	4	4	-	100	15			5

Таблиця 2

Розподіл годин з самостійної роботи студентів

№	Зміст	Кількість годин	
		Денне навчання	Заочне навчання
Модуль. Філософія господарювання.		75	100
ЗМ 1.1. Господарство як предмет філософського аналізу		24	33
1.	Підготовка до практичних занять	12	3
2.	Вивчення додаткової літератури.	8	28
3	Виконання тестових завдань контрольної роботи	-	2
4.	Підготовка до проміжного контролю	4	-
ЗМ 1.2. Історія філософсько-господарської думки		23	33
5.	Підготовка до практичних занять	8	3
6	Джерелознавча робота	12	30
7	Підготовка до модульного контролю	3	-
ЗМ 1.3. Господарство і господарювання: фундаментальні принципи організації		28	34
8	Підготовка до практичних занять	14	6
9.	Написання розгорнутої відповіді на одне теоретичне питання	-	4
10	Вивчення додаткової літератури. Підготовка до підсумкового контролю	14	24

В організації самостійної роботи особливу роль відіграє *лекція*, виконуючи установчо-методичну функцію - знайомить з ключовими проблемно-концептуальними методологічними аспектами навчальної дисципліни. У лекційному курсі окреслюється зміст і теоретична спрямованість усього навчального процесу, визначаються питання, які потребують поглибленого вивчення. Студент мусить уважно стежити за логікою викладання матеріалу лектором.

Лекції слід уважно слухати, стисло й чітко записувати їх основні положення, а також перемальовувати схеми, діаграми, таблиці. Конспект лекцій стане корисним під час підготовки до семінарських занять та особливо під час самостійного вивчення предмету в міжсесійний період. Напередодні наступної лекції корисно відновити в пам'яті зміст попередньої, ознайомитися з літературою до нової теми. Це значною мірою полегшує сприйняття наступної теми.

Участь у *семінарських заняттях* має бути спрямована не просто на набуття певної суми знань, а головним чином на вироблення умінь і навичок за допомогою отриманих знань самостійно розбиратися в складних процесах суспільного розвитку. Одним з ефективних засобів активізації студентів на семінарських заняттях є проблемне навчання, що сприяє розвитку творчої думки і процесу пізнання.

Семінарські заняття в умовах проблемного навчання можуть набувати різних організаційних форм – «круглий стіл», ділова гра, диспут, прес-конференція, конкурс на кращі знання першоджерел та ін. У їх основі - інтенсифікація навчального процесу через змагальність, поглиблення якісної підготовки, підвищення відповідальності за ефективне вирішення питань семінару, вироблення вміння відстоювати власні переконання, вести творчі дискусії, набувати навичок організаторської роботи.

2. Методика вивчення першоджерел

Вивчення «Філософії господарювання» передбачає особливі вимоги до аналітичної роботи над першоджерелами, оволодіння навичками поглибленого вивчення філософських текстів.

Працюючи над першоджерелами, рекомендується спочатку звернути увагу на загальну характеристику джерела (автор, повна назва книги або брошури, місце і рік видання, видавництво), його структуру (прочитати підзаголовки, у яких відбито основні ідеї твору) та обсяг. Це дає можливість відразу скласти загальне уявлення про першоджерело, його зміст, визначити для себе план його вивчення.

Наступний етап в роботі над текстом – знайомство з переднім словом чи вступом, які дозволяють скласти більш повне уявлення про задум автора, мету його твору. Робота з першоджерелами також вимагає знання соціокультурного контексту (історичних умов, конкретних обставин епохи тощо) проблем, що розглядаються автором. Необхідно також ознайомитися з науковим апаратом твору: посиланнями на джерела, додатками та ін.

Після попереднього ознайомлення з філософським твором слід перейти до наступного етапу в роботі - безпосереднього знайомства з текстом, аналіз проблем, які в ньому ставляться. У процесі читання рекомендується дотримуватися таких вимог: читати першоджерела не поспішаючи, уважно, ретельно обмірковуючи його зміст, намагатися дістатися глибокого розуміння й засвоєння прочитаного, виділяючи найважливіше, найсуттєвіше. Конспект має бути за обсягом меншим за твір у 10-15 разів. Особливу увагу слід звертати на ті текстуальні фрагменти, які виділені курсивом, жирним шрифтом, розрядкою. Таким чином підкреслюється значення важливих положень у роботі, ідей, думок автора. Не рекомендується переривати читання в середині речення, абзацу, параграфу, тому що незакінчена думка не засвоюється.

Опрацьовуючи філософський текст, не можна залишати поза увагою незрозумілі, незнайомі слова, для з'ясування їх змісту необхідно користуватися словниками. Постійна й кропітка робота з довідковим матеріалом (філософські, економічні енциклопедичні видання) сприяє набуттю термінологічної ерудиції та постає індикатором загальної освіченості фахівця.

Необхідно обов'язково прагнути до осмисленого читання, усвідомлення кожної фрази, при цьому слід перечитувати незрозуміле, шукати відповіді на питання, що виникають у процесі читання, знаходити в тексті суть, головні думки та ідеї. Усвідомлене читання дозволить знайти відповіді на питання про те, яке значення мають теоретичні положення твору у сучасних умовах.

Розглянувши основний зміст першоджерела, можна переходити до заключного етапу аналітичної роботи над ним - конспектування. Запис прочитаного дозволяє зрозуміти і точно сформулювати положення, засвоїти ідейний зміст твору. Основні ідеї першоджерел мають бути викладені своїми словами. У конспектуванні слід уникати простого переписування твору, цитати виписувати за ознакою їх змістовного навантаження.

РОЗДІЛ 2. ДОДАТКИ

Ксенофонт
(430 – 355 рр. до н.е.)

- давньогрецький філософ, учень Сократа. (Залишилась легенда про їхню першу зустріч: Сократ одного разу зупинив Ксенофонта, запитавши про те, де продаються різні харчі. Коли Ксенофонт відповів, Сократ запитав його знову, де люди стають доброчесними. Ксенофонт не знав, що відповісти. Тоді Сократ сказав: «В такому разі, йди зі мною і навчайся»).

Ксенофонт багато в чому спирався на філософську традицію «сократичних діалогів».

Ойкономія – книга про господарство (гр. *Oikonomikos*) – поради для раціонального ведення домашнього господарства.

Ксенофонт Афинский. Ойкономия (Домострой)

Ксенофонт. Сократические сочинения. Киропедия.

– М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2003.;

Ел. ресурс: <http://ancientrome.ru/antlitr/ksenoph/socratic/ds-f.htm>

Глава 1

[Определение понятия о хозяйстве]

(1) Однажды я слышал, как Сократ вел разговор и о домашнем хозяйстве – приблизительно такой.

– Скажи мне, Критобул, не правда ли, домоводство – это название какой-то науки, так же, как медицина, кузнечное дело, плотничье дело?

– Думаю, что так, – отвечал Критобул.

(2) – Можем ли мы сказать, в чем состоит предмет домоводства, подобно тому, как мы могли бы сказать, в чем состоит предмет каждой из тех наук?

– Мне кажется, – отвечал Критобул, – дело хорошего хозяина состоит в хорошем управлении хозяйством.

(3) – А если бы мы ему поручили управлять чужим хозяйством, смог бы он так же хорошо управлять им, как своим, если бы захотел? – спросил Сократ. – Ведь плотник, хорошо знающий свое дело, так же мог бы и для другого делать то, что делает для себя; подобным же образом мог бы и хороший хозяин.

– Думаю, что так, Сократ.

(4) – В таком случае, может ли человек, знающий это дело, хотя бы он сам не имел состояния, получать плату за управление чужим хозяйством подобно строителю? – спросил Сократ.

– Да, клянусь Зевсом, и большую плату будет получать, если сможет, взяв в свои руки хозяйство, не только исполнять все что следует, но еще на излишки обогащать хозяйство, – отвечал Критобул.

(5) – А как мы определим хозяйство? То же ли это, что дом, или же и все, что человек имеет вне дома, тоже составляет часть хозяйства?

– Мне кажется, – отвечал Критобул, – все, что человек имеет, хотя бы оно находилось даже не в одном городе с владельцем, составляет часть хозяйства.

(6) – Но ведь и врагов люди имеют?

– Да, клянусь Зевсом, некоторые даже многих.

– Неужели и врагов мы назовем их имуществом?

– Это было бы смешно, – отвечал Критобул, – если бы человек, увеличивающий число врагов, сверх того еще получал бы плату за это.

(7) – Ведь мы решили, что хозяйство человека есть то же, что имущество.

– Клянусь Зевсом, – отвечал Критобул, – имущество – это то, что у человека есть хорошего; но если он имеет что дурное, того я не называю имуществом.

– По-видимому, ты называешь имуществом каждого вещи, полезные ему.

– Конечно, – отвечал он, – а то, что вредит, я считаю скорее убытком, чем приобретением.

(8) – Значит, если человек, купив лошадь, не умеет ею пользоваться, а падает с нее и получает вред, то лошадь для него бесполезна?

– Да, коль скоро приобретение есть нечто хорошее.

– Значит, и земля бесполезна для человека, который так возделывает ее, что получает убыток?

– Да, конечно, и земля бесполезна, коль скоро она его не кормит, а заставляет голодать.

(9) – Но ведь и овцы тоже, если бы кто от неумения пользоваться овцами получал убыток, и овцы для того не были бы полезны?

– Мне кажется, нет.

– Значит, ты, по-видимому, полезные вещи считаешь приобретением, а вредные – нет.

– Верно.

(10) – Итак, эти вещи, хоть они одни и те же, для умеющего пользоваться ими – приобретение, а для неумеющего – нет: например, флейта для того, кто умеет искусно играть, – приобретение, а для того, кто не умеет, она ничем не лучше бесполезных камней, разве только он ее продаст.

– Да, если он ее не продаст.

(11) – Вот именно: для того, кто не умеет пользоваться флейтой, она – приобретение, если он ее продает; а если не продает, а владеет ею – нет.

– Мы рассуждаем последовательно, Сократ, раз уже признано, что полезные предметы – приобретение. И в самом деле, если не продавать флейту, то она – не приобретение, потому что она совершенно бесполезна; а если продавать, то приобретение.

(12) На это Сократ заметил:

– Да, если умеешь продавать. А если продавать ее в обмен на вещь, которой не умеешь пользоваться, то и продаваемая флейта не есть приобретение, по твоему рассуждению.

– Видно, ты хочешь сказать, Сократ, что и деньги ничего не значат, если не умеешь пользоваться ими.

(16) ... какое мы выскажем мнение по поводу того, что у некоторых, как мы видим, есть и знания и средства, при помощи которых они могут, работая, обогащать свое хозяйство, а между тем они не хотят этого делать, и потому, как мы видим, знания для них бесполезны? Не правда ли, для них тоже ни знания, ни имущество – не приобретение?

(17) – Ты хочешь, Критобул, говорить со мною о рабах? — спросил Сократ.

– Нет, клянусь Зевсом, нет, – отвечал Критобул, – а о некоторых особах очень даже хорошего рода: как я вижу, одни из них обладают знаниями, пригодными на войне, другие — знаниями, пригодными в мирное время, но они не хотят

применять их на деле по той именно причине, думается мне, что у них нет господ.

(18) – Да разве возможно, – отвечал Сократ, – чтоб у них не было господ? Они мечтают о счастье, хотят делать то, от чего могли бы нажить состояние, но им мешают это делать их властители.

– Кто же они, — спросил Критобул, – эти невидимые господа, которые властвуют над ними?

(19) – Клянусь Зевсом, – отвечал Сократ, – они не невидимые, но даже очень видимые. И что они очень скверные, это и для тебя не тайна, раз ты считаешь пороком ничегонеделание, душевную дряблость, нерадивость. (20) Да есть и другие госпожи, обманщицы, носящие личину радостей: азартные игры, вредные знакомства; с течением времени и самим жертвам обмана становится ясно, что это – печали, лишь окруженные корочкой радости, которые подчинили их своей власти и мешают им заниматься полезным делом.

(21) – Однако, Сократ, – сказал Критобул, – другим эти госпожи не мешают работать: напротив, они выказывают много энергии в работе, много изобретательности по части доходов; и тем не менее они доводят до разорения свое хозяйство и попадают в безысходную нужду.

(22) – Да ведь и они – рабы, — возразил Сократ, – и притом рабы очень суровых господ: у одних это – любовь вкусно поесть, у других – сладострастие, у иных – пьянство, у других – какое-нибудь глупое и разорительное тщеславие; эти господа властвуют над людьми, которыми овладеют, очень сурово: пока люди молоды и в силах работать, они заставляют их платить дань и расходовать весь заработок на свои страсти; когда же заметят, что они не в силах работать от старости, то оставляют их в жертву лихой старости и стараются еще других сделать своими рабами. (23) Нет, Критобул, с этими врагами надо вести не менее решительную борьбу за свободу, чем с теми, которые стараются поработить нас силой оружия. Но неприятели, если они – люди благородные, поработив какой-нибудь народ, многих образумят, принудят исправиться и дадут им возможность остальную жизнь прожить легче; а такие госпожи, пока властвуют над людьми, никогда не перестают мучить тело и душу и разорять их хозяйство.

Глава 2

[Важность науки о хозяйстве. Богатство Сократа и бедность Критобула. Желание Критобула изучить эту науку]

(1) После этого Критобул сказал приблизительно так:

– Твоих рассуждений на эту тему, пожалуй, я вполне достаточно слышал; но, обращаясь к самому себе, я нахожу, что довольно сильно могу противиться подобным порокам. Поэтому, если бы ты посоветовал мне, что делать, чтобы обогатить свой дом, то эти госпожи, как ты их называешь, кажется, не помешали бы мне в этом. Нет, не бойся, подай мне добрый совет, какой можешь. Или ты решил, Сократ, что мы достаточно богаты и в увеличении состояния, по-твоему, нисколько не нуждаемся?

(2) – Что касается меня, – отвечал Сократ, – если ты и меня при этом разумеешь, то, мне кажется, я нисколько не нуждаюсь в увеличении состояния: я достаточно богат. А ты, Критобул, думается мне, очень беден, и, клянусь Зевсом, иногда бывает очень даже жаль тебя.

(3) Тут Критобул засмеялся и сказал:

– Ради богов скажи, Сократ, сколько можно было бы выручить, по-твоему, от продажи твоего имущества и сколько – от продажи моего.

– Я думаю, – отвечал Сократ, – если бы мне попался хороший покупатель, то за мой дом со всем, что у меня есть, вполне свободно можно бы было выручить пять мин; а за твое имущество, это я наверно знаю, можно бы было выручить с лишком в сто раз больше этого.

(4) – И ты, зная это, думаешь, что тебе нет надобности в увеличении состояния, а меня тебе жаль, что я беден?

– Да, – отвечал Сократ, – потому что моего состояния хватает на то, чтобы у меня было все в достаточном для меня количестве. А для того образа жизни, который ты ведешь, и для поддержания твоего имени тебе не хватит, хоть бы втрое больше прибавилось у тебя к тому, что ты теперь имеешь.

(5) – Почему же? – спросил Критобул.

— Потому что, во-первых, тебе приходится приносить много жертв, и больших: иначе, пожалуй, ни боги, ни люди не стали бы терпеть тебя; затем, по своему положению ты должен принимать много чужестранцев, да еще роскошно; затем, угощать сограждан и оказывать им одолжения: иначе лишишься их поддержки. (6) Кроме того, как я вижу, и государство уже теперь налагает на тебя большие повинности — на содержание лошадей, на постановку хоров, на устройство гимнастических игр, на покровительство метекам; а если уж война случится, то, наверное, тебя заставят

еще столько снаряжать судов и платить военных налогов, что тебе нелегко будет нести это бремя. А если афиняне найдут, что ты исполняешь что-нибудь из этого неудовлетворительно, то, без сомнения, накажут тебя ничуть не меньше, чем если бы они уличили тебя в краже их собственных денег. (7) Сверх того, я вижу, ты воображаешь, что ты богат, и не думаешь о добывании денег, а всецело занят любовными делами, как будто это тебе позволительно. Вот почему мне жаль тебя, как бы с тобою не случилась какая непоправимая беда, — не попасть бы тебе в крайнюю нужду. (8) У меня, если бы даже мне и понадобилось что-нибудь, — наверно, и ты это знаешь, — есть люди, способные мне помочь, так что даже совсем ничтожные пожертвования с их стороны переполнили бы меня богатством; а твои друзья, хоть имеют гораздо больше средств для своего образа жизни, чем ты для своего, все-таки смотрят, как бы от тебя поживиться.

(9) Тогда Критобул сказал:

– Против этого, Сократ, я не могу ничего возразить. Однако пора тебе приняться за руководство мною, чтобы мне на самом деле не стать жалким.

Выслушав это, Сократ сказал:

– Ты не находишь странными свои слова, Критобул? Немного раньше, когда я говорил, что я богат, ты посмеялся надо мной, что, дескать, я даже и не знаю, что такое богатство, и в конце концов уличил меня в ошибке и заставил сознаться, что у меня нет даже сотой доли твоего состояния; а теперь просишь меня руководить тобой и заботиться, чтобы и в самом деле тебе не стать совсем бедным.

(10) – Да, я вижу, Сократ, – сказал Критобул, – ты знаешь одно средство к обогащению: ты умеешь жить так, чтоб оставался излишек. Поэтому я надеюсь, что человек, у которого остается излишек от небольшого, еще легче может сделать так, чтобы оставался большой излишек от многого.

(11) — Разве ты не помнишь, как сейчас в нашем разговоре ты не давал мне даже пикнуть, утверждая, что для неумеющего пользоваться лошадьми лошади не приобретение, точно так же, как земля, овцы, деньги, – словом, все то, чем не умеешь пользоваться? Конечно, получается доход от таких вещей; но я-то как, по-твоему, мог бы дойти до умения пользоваться чем-нибудь подобным, когда у меня решительно ничего из этого никогда не бывало?

(12) – Однако мы решили, что хоть бы у кого и не было имущества, все-таки возможно какое-то знание хозяйства. Так что же мешает и тебе его знать?

– Клянусь Зевсом, то именно, что помешало бы человеку также уметь играть на флейте, если бы ни сам он никогда не владел флейтой, ни другой не доставил бы ему случая учиться играть на своей. (13) Так вот, и я нахожусь в таком положении относительно хозяйства: и сам я никогда не владел состоянием, на котором я мог бы изучить хозяйство, и другой никто не давал мне управлять своим имуществом; только ты хочешь теперь дать. А конечно, кто в первый раз учится играть, портит и лиру; и я, если бы вздумал на твоём хозяйстве учиться хозяйничать, пожалуй, вконец разорил бы твоё хозяйство.

(14) На это Критобул заметил:

– Как хочется тебе, Сократ, увернуться и не помочь мне нести легче бремя неизбежных трудов моих!

– Нет, клянусь Зевсом, – возразил Сократ, – вовсе нет: что могу, я очень охотно сообщу тебе. (15) Если бы ты пришел ко мне за огнем, а у меня его не было бы, думаю, ты не стал бы укорять меня, когда бы я повел тебя в другое место, где ты мог бы достать его. Точно так же, если бы ты просил у меня воды и я, не имея ее сам, повел бы тебя в другое место за нею, и этого, наверно, ты не поставил бы мне в укор. Равным образом, если бы ты хотел научиться музыке у меня, а я указал бы тебе людей, гораздо более меня искусных в музыке, которые к тому же были бы благодарны тебе за то, что ты желаешь у них учиться, в чем ты стал бы укорять меня в таком случае?

– По справедливости, ни в чем, Сократ.

(16) – Если так, то я укажу тебе, Критобул, других, гораздо более меня сведущих во всем том, чему ты жаждешь учиться у меня. Признаюсь, меня интересовало, кто у нас в городе является главным знатоком в той или другой области. (17) Я заметил как-то, что от одного и того же занятия одни бывают чрезвычайно бедны, другие чрезвычайно богаты. Это меня страшно удивило, и я решил, что стоит посмотреть, в чем тут дело. Я стал наблюдать и нашел, что это вполне естественно: (18) кто занимается делом кое-как, тот, я видел, терпит убыток; а кто с напряженным вниманием заботится о нем, тот исполняет его и скорее, и легче, и прибыльнее. Если ты захочешь поучиться у них, и если бог не будет против тебя, то, думаю, и ты станешь ловким дельцом.

Глава 3

[Хозяйство у дурных и хороших хозяев]

(1) Выслушав это, Критобул сказал:

– Теперь, конечно, я уж тебя не отпущу, Сократ, пока ты не докажешь мне того, что обещал в присутствии этих друзей.

– Ну что, Критобул, – отвечал Сократ, – если я тебе докажу сперва то, что одни на большие деньги строят дома никуда не годные, а другие на деньги гораздо меньшие — дома, в которых есть все, что нужно, признаешь ли ты, что это — одно из дел, касающихся домоводства?

– Да, конечно, – отвечал Критобул.

(2) – А что, если после этого я докажу тебе то, что находится в связи с этим, а именно, что они имеют множество домашних вещей всякого рода и все-таки не могут пользоваться ими, когда они нужны, и даже не знают, целы ли они у них, а потому и сами видят много горя, и слугам много горя доставляют; а у других, у которых вещей несколько не больше, но даже меньше, чем у тех, тотчас все, что им нужно, готово к употреблению?

(3) – Так какая же причина этого, Сократ, как не та, что у одних вещи брошены где попало, а у других каждая вещь лежит на месте?

– Да, клянусь Зевсом, – заметил Сократ, – и даже не на первом попавшемся месте, а все вещи разложены там, где им следует быть.

– И это, мне кажется, – сказал Критобул, – тоже относится к хозяйству.

(4) – А что, – продолжал Сократ, – если я тебе покажу, что и слуги в одном месте все почти закованы и все-таки часто убегают, а в другом месте ходят на свободе и желают работать и оставаться, не найдешь ли ты, что это – хозяйственное дело, на которое стоит посмотреть?

– Да, клянусь Зевсом, – отвечал Критобул, – и очень даже.

(5) – А если я покажу тебе еще, что, обрабатывая похожие земельные участки, одни жалуются, что разорились от земледелия и бедствуют, а у других благодаря земледелию есть все, что им нужно, в изобилии и в прекрасном виде?

– Клянусь Зевсом, правда, – отвечал Критобул. – Быть может, они тратят деньги не только на то, что нужно, но и на то, что приносит вред и хозяину, и хозяйству.

(6) – Может быть, есть и такие, – отвечал Сократ. – Но я не про них говорю, а про тех, у которых нет средств даже на необходимые расходы, хоть они и занимаются земледелием, как говорят.

– Какая же может быть причина этого, Сократ?

– Я тебя и к ним поведу, – отвечал Сократ, – а ты, смотря на них, конечно, поймешь.

– Да, клянусь Зевсом, если только смогу.

(7) – В таком случае тебе надо посмотреть, чтобы испытать себя, поймешь ли ты это. А то, я знаю, ты встаешь очень рано,

чтобы посмотреть трагедии и комедии, идешь очень далеко и изо всех сил стараешься уговорить меня идти смотреть вместе с тобою; а на такое зрелище ты никогда меня не приглашал.

– Так я кажусь тебе смешным, Сократ?

(8) – А самому себе еще смешнее, клянусь Зевсом, – отвечал Сократ. – А если я покажу тебе, что и содержание лошадей одних довело до того, что они не имеют куска хлеба, а другие благодаря содержанию лошадей очень богаты и рады, что наживают деньги?

– Так и я вижу и знаю и тех и этих, но от этого нисколько не попадаю в число получающих прибыль.

(9) – Да, потому что ты смотришь на них, как на актеров в трагедии и комедии: на актеров ты смотришь не за тем, думаю, чтобы стать поэтом, а чтобы усладить зрение или слух. Это, пожалуй, правильно, потому что поэтом стать ты не хочешь; но если держать лошадей тебя заставляет необходимость, то не глупо ли с твоей стороны не стараться не быть профаном в этом деле, тем более что одни и те же знания полезны для ведения дела и дают прибыль при продаже?

(10) – Ты советуешь мне объезжать молодых лошадей, Сократ?

– Нет, клянусь Зевсом, нисколько не больше, чем покупать рабов и обучать их с детства земледелию. Но, мне кажется, что и лошади и люди достигают такого возраста, когда они уже полезны и в то же время постепенно делаются все лучше. Я могу показать, что и по отношению к женам одни мужья держат себя так, что в женах находят себе помощниц для умножения состояния, а другие, огромное большинство, так, что разоряют хозяйство.

(11) – А кого винить в этом, Сократ, – мужа или жену?

— Если овца плоха, – отвечал Сократ, – то обыкновенно мы виним пастуха, и если у лошади есть недостатки, мы брачим всадника; что же касается женщины, то, если муж ее учит добру, а она дурно ведет хозяйство, тогда, конечно, по справедливости на жену падает вина. Но если он не станет учить ее хорошему и она ничего не будет знать, тогда не падет ли по справедливости вина на мужа? (12) Вот мы все здесь друзья, – продолжал Сократ, – так скажи-ка нам всю правду, Критобул: есть ли кто на свете, кому ты поручаешь больше важных дел, чем жене?

– Никому, – отвечал он.

– А есть ли кто, с кем ты меньше разговариваешь, чем с женой?

– Есть, но не много.

(13) – А когда ты женился на ней, она была совсем молоденькой девочкой, которая почти ничего не успела увидеть и услышать?

– Конечно.

– Так гораздо удивительнее, что она умеет сказать или сделать хоть что-нибудь нужное, чем если сделает промах.

(14) – А у кого хорошие жены, как ты говоришь, Сократ, те сами их обучили?

– Самое лучшее – рассмотреть этот вопрос. Я познакомлю тебя еще с Аспасией, которая все это тебе покажет с большим знанием дела, чем я. (15) Если женщина — хорошая помощница в хозяйстве, то, я думаю, она одинаково с мужем способствует благополучию. Средства входят в дом обыкновенно благодаря деятельности мужа, а расходуются большей частью под надзором жены; если ее распоряжения хороши, состояние умножается; если дурны, состояние уменьшается. (16) И во всех других видах знания, думаю, я мог бы показать тебе, если ты находишь это нужным, людей, работающих с успехом.

Глава 6

[Общие выводы. Исхомах]

[***]

(4) – Итак, – сказал Сократ, – мы решили, что домоводство (οἰκονομία – *ред.*) есть название какой-то науки, а эта наука, как мы определили, есть такая, при помощи которой люди могут обогащать хозяйство, а хозяйство, согласно нашему определению, есть все без исключения имущество, а имуществом каждого мы называли то, что полезно ему в жизни, а полезное, как мы нашли, – это все, чем человек умеет пользоваться. (5) Так вот, все науки изучить невозможно, как мы решили, и надо по примеру городов отвергнуть так называемые ремесленные науки, потому что они, по общему мнению, и телу вредят, и душу расслабляют. (6) Самым ясным способом доказать это, как мы говорили, было бы при наступлении врагов на страну посадить земледельцев и ремесленников отдельно и спросить у тех и у других, находят ли они нужным защищать страну или, бросив ее на произвол судьбы, охранять городские стены. (7) В этом случае, думали мы, люди, связанные с землей, подали бы голос за то, чтоб защищать, а ремесленники — за то, чтоб не сражаться, но, как они приучены с детства, сидеть без труда и опасности. (8) Мы пришли к заключению, что для человека благородного самое лучшее занятие и знание — земледелие, посредством которого люди добывают себе все, что нужно для жизни. (9) Этому занятию, как мы решили, очень легко научиться и очень приятно ему предаваться; оно делает тело очень красивым и сильным, а душе оставляет очень

много свободного времени для заботы о друзьях и отечестве. (10) Вместе с тем, как мы решили, земледелие до известной степени побуждает человека быть храбрым – тем, что вне укреплений производит полевые плоды и кормит скот – то, что нужно земледельцу. Вот почему такой образ жизни и пользуется величайшим почетом у городов, – потому что признано, что он делает людей самыми лучшими гражданами, наиболее любящими отечество.

(11) Тогда Критобул сказал:

– Сократ, что самое благородное, выгодное и приятное дело в основу своей жизни положить земледелие, в этом, кажется, я вполне убедился; но, как ты говорил, ты подметил причины, почему одни обрабатывают землю так, что благодаря земледелию у них есть в изобилии все, что нужно, а другие работают так, что земледелие им не приносит выгоды: вот о причинах того и другого мне хотелось бы услышать твое мнение, чтобы нам хорошее делать, а вредного не делать.

(12) – В таком случае, Критобул, – отвечал Сократ, – не рассказать ли тебе с самого начала, как я однажды встретился с человеком, который, казалось мне, поистине был одним из людей, по праву носящих название «прекрасный и хороший человек»?

– Мне очень хотелось бы об этом послушать, – отвечал Критобул, – тем более что я и сам страшно желаю сделаться достойным этого названия.

(13) – Так вот, я расскажу тебе, – сказал Сократ, – даже как я пришел к мысли исследовать этот вопрос. Что касается хороших плотников, кузнецов хороших, живописцев хороших, хороших скульпторов и им подобных, мне бы понадобилось очень мало времени, чтобы обойти их и посмотреть их работы, признанные прекрасными. (14) Но для того чтобы изучить также и людей, носящих это великое имя «прекрасный и хороший», узнать, что они делают, почему удостоиваются этого названия, – для этого душа моя жаждала с кем-нибудь из них познакомиться. (15) Ввиду того, что к слову "хороший" прибавляется слово «прекрасный», я стал подходить ко всякому красавцу, какого видел, и старался подметить, не увижу ли, что в нем «хорошее» привешено к «прекрасному». (16) Но оказалось, было не так; напротив, я замечал как будто, что у некоторых красавцев по виду душа очень скверная. Поэтому я решил оставить в стороне красивую внешность и пойти на поиски за кем-нибудь из тех, кого называют «прекрасными и хорошими». (17) Слыша, что все – и мужчины и женщины, и чужестранцы и горожане – называют Исхомаха «прекрасным и хорошим», я решил попробовать познакомиться с ним.

Глава 11

[Деятельность Исхомаха]

[***]

(9) Выслушав это, я сказал:

– Как видно, Исхомах, ты интересуешься тем, как быть богатым и, имея большое состояние, много хлопотать и заботиться о нем?

– Конечно, я интересуюсь тем, о чем ты спрашиваешь, – отвечал Исхомах. – Приятна, мне кажется, пышность в служении богам, приятно и помогать друзьям в случае нужды, приятно и отечество не оставлять без денег, насколько это от меня зависит.

(10) – Да, действительно, хорошо все это, о чем ты говоришь, Исхомах, – сказал я, – и доступно только чрезвычайно богатому человеку, не правда ли? Когда много на свете людей, которые не могут жить без помощи других, много и таких, которые рады бывают, если им удастся добыть хоть столько, чтоб самим хватало на жизнь. Значит, кто может не только справляться со своим хозяйством, но и иметь излишек, чтоб и родной город украшать и друзьям облегчать нужду, как же тех не считать богатыми и сильными? (11) Но, – прибавил я, – хвалить таких много нас найдется. А ты, Исхомах, расскажи мне, с чего и начал: как о здоровье ты заботишься? Как о телесной силе? Как удастся тебе даже с войны с честью возвращаться? А о способах обогащения твоего, – сказал я, – достаточно будет времени послушать и потом.

(12) – Все это, Сократ, – сказал Исхомах, – как мне кажется, связано одно с другим. Так, когда у человека есть питание в достаточном количестве, то, зарабатывая его трудом, он вернее, мне кажется, сохранит здоровье; зарабатывая его трудом, скорее разовьет силу; занимаясь военными упражнениями, с большей честью уцелеет на войне; заботясь надлежащим образом и не предаваясь лени, надо думать, скорее увеличит состояние.

(13) – Все, что ты говорил до сих пор, Исхомах, я понимаю, – заметил я. – Ты хочешь сказать, что благодаря труду, заботе и упражнению человек скорее достигнет благосостояния. Но какого рода труд применяешь ты для того, чтоб быть здоровым и сильным, как упражняешься в военном деле, как заботишься о получении излишка, дающего возможность и друзьям помогать и город усиливать, – вот о чем хотелось бы мне знать.

(14) – Так вот, Сократ, – отвечал Исхомах, – вставать с постели я привык в такой час, когда могу еще застать дома кого мне нужно повидать. Если у меня есть какое дело в городе, то исполнение его служит мне прогулкой; (15) а если в городе у меня

нет никакой надобности, то слуга мой отводит лошадь вперед меня в поле, а мне прогулкой служит дорога к полю, – это, пожалуй, полезнее, Сократ, чем гулять в галерее. (16) По приходе в поле, сажают ли там у меня деревья, или поднимают пар, или сеют, или подвозят хлеб, я смотрю, как идут работы, и приказываю работать по-иному, если знаю какой лучший способ. (17) После этого по большей части я сажусь на лошадь и упражняюсь в верховой езде, по возможности сообразуясь с тем, что нужно на войне: не избегаю ни косогоров, ни подъемов, ни оврагов, ни канав; стараюсь только по возможности не искалечить лошадь при таких упражнениях. (18) По окончании этого слуга, дав лошади выкататься, отводит ее домой и вместе с тем несет из усадьбы в город что нам нужно; а я то шагом, то бегом возвращаюсь домой и чищу себя скребницей; потом завтракаю, Сократ, и ем столько, чтобы весь день не быть ни голодным, ни слишком сытым.

(19) – Клянусь Герой, Исхомах, – сказал я, – мне нравится твой образ жизни: такое одновременное сочетание способов для укрепления здоровья и силы с военными упражнениями и заботами о богатстве, – все это, по-моему, восхитительно. (20) И действительно, ты представляешь веские доказательства того, что ты идешь правильным путем для достижения всех этих целей: благодаря богам мы видим тебя обыкновенно и здоровым и сильным и знаем, что ты считаешься одним из самых искусных наездников и богатых людей.

(21) – И вот, Сократ, из-за такого моего образа жизни очень многие доносят на меня; а ты, наверное, думал, я скажу, что многие называют меня прекрасным и хорошим.

(22) – А еще вот о чем я хотел спросить тебя, Исхомах, — сказал я, – заботаешься ли ты еще о том, чтобы быть в состоянии дать отчет кому понадобится и потребовать его от других?

– А разве, по-твоему, Сократ, – отвечал он, – я не готовлюсь постоянно именно к этому, к защите, тем, что никому не делаю зла, а делаю добро многим по мере возможности? А к обвинению разве, по-твоему, не готовлюсь тем, что замечаю, как многие делают зло отдельным гражданам, а некоторые и всему государству, а добра не делают никому?

(23) – А готовишься ли ты к тому, – спросил я, – чтоб такие мысли выразить словами? Вот это еще, Исхомах, расскажи мне.

– Да, Сократ, – отвечал он, – я не перестаю упражняться в произнесении речей. То заслушав обвинение или защиту со стороны кого-нибудь из слуг, я стараюсь доказать, что он не прав; то в разговоре с друзьями браню или хвалю кого-нибудь; то мирю каких-нибудь знакомых, стараясь доказать, что им полезнее быть друзьями, чем врагами; (24) то, собравшись у стратега, мы

выражаем порицание кому-нибудь или заступаемся за кого-нибудь, если на него несправедливо жалуются; то между собою обвиняем кого-нибудь, кто не по заслугам пользуется почетом. Часто и на совещании мы желательное нам хвалим, а нежелательное браним. (25) Много раз, Сократ, я и сам попадал под суд: разбирали, какому наказанию или штрафу меня подвергнуть.

– Кто же это, Исхомах? – спросил я. – Я этого не знал.

– Жена, — отвечал он.

– Ну, и как же ты защищаешься? – спросил я.

– Когда правду полезно говорить, очень хорошо; а когда ложь, то, клянусь Зевсом, Сократ, не в силах я дело неправое изобразить как правое.

Тут я сказал:

– Да, пожалуй, Исхомах, из лжи не сделаешь правды.

Глава 20

[Заботливые и нерадивые земледельцы]

(1) Тут я сказал:

– Если земледелию так легко научиться и все одинаково знают, что надо делать, отчего же это бывает, Исхомах, что не все преуспевают одинаково: одни живут богато и имеют излишки, другие не только не могут добыть себе необходимых средств, но даже еще впадают в долги?

(2) – Это я скажу тебе, Сократ, – отвечал Исхомах. – Не знание и не незнание делают одних земледельцев богатыми, других – бедными. (3) Не слышно таких разговоров, будто хозяйство разорено оттого, что сеятель посеял неравномерно, что садовник посадил деревья не в ряд; что хозяин не разобрал, какая земля годится для винограда, и посадил его в неподходящем месте; что он не знал, что для посева полезно предварительно обработать новь; что он не знал, что полезно к земле примешивать навоз. (4) Нет, гораздо чаще приходится слышать вот какие толки: такой-то не получает хлеба от своего имения, потому что не заботится, чтобы поле у него было засеяно или чтобы оно было унавожено. Или: у такого-то нет вина, потому что он не заботится о посадке новых виноградных лоз и о том, чтобы имеющиеся у него приносили плод. Или: у такого-то нет ни масла, ни смокв, потому что он не заботится и не принимает мер к тому, чтоб это было у него. (5) Вот, Сократ, какое различие между земледельцами, почему гораздо благополучнее тот, кто не придумывает какое-

нибудь мудрое, как он воображает, изобретение по части земледелия. (6) Равным образом и полководцы в некоторых военных делах бывают одни хуже, другие лучше не потому, чтобы они отличались друг от друга талантом, но несомненно заботливостью: одни начальники исполняют, а другие не исполняют то, что и всем начальникам известно и большинству рядовых. (7) Так, например, все знают, что, идя по неприятельской стране, лучше идти таким строем, при котором, в случае надобности, было бы выгоднее всего сражаться. Так вот, зная это правило, одни его соблюдают, другие не соблюдают. (8) Стражу ставить и днем и ночью лучше перед лагерем: это все знают, но и об этом одни заботятся, чтоб оно исполнялось, а другие не заботятся. (9) Точно так же очень трудно найти того, кто бы не знал, что, когда бывает нужно идти где-нибудь по узкому проходу, лучше заранее занимать выгодные позиции. Тем не менее одни заботятся об исполнении этого, другие – нет. (10) Вот и про навоз все говорят, что это — превосходная вещь для земледелия, и видят, что он получается сам собою: и все-таки, хоть и прекрасно знают, как он получается, и хоть легко наготовить его большое количество, одни заботятся, чтобы и он собирался, другие относятся к этому небрежно. (11) А между тем дождь бог посылает с неба, и все углубления обращаются в лужи, а земля производит всякого рода сорные травы; землю должен очищать всякий, кто хочет сеять, и если бросать в воду сор, удаляемый с земли, то время уже само сделает из него то, что любит земля: какой сор, какая земля в стоячей воде не обратится в удобрение? (12) Все знают, как сильно нуждается в уходе земля, слишком сырая для посева или слишком соленая для садоводства; знают и то, как отводить воду канавами и как исправлять солончаковую почву, примешивая к ней разные вещества, жидкие и сухие, не содержащие соли. Однако и об этом одни заботятся, а другие — нет. (13) Но даже если кто-нибудь совершенно не в состоянии разобрать, что может производить земля, не может увидеть ни плода ее, ни растения и ни от кого не может услышать правду о ней, то не гораздо ли легче всякому испытать землю, чем лошадь или человека? Земля ничего не показывает с целью обмана, но с простотою открывает, на что она способна и на что она не способна, и говорит правду. (14) Мне кажется, земля служит превосходным средством отличить дурного человека от хорошего благодаря тому, что все дары ее легко понять и изучить: не работающему нельзя оправдываться незнанием, как в других занятиях, так как всем известно, что земля за добро платит добром. (15) Земледелие — лучший обвинитель дурной души; что человек мог бы жить без хлеба насущного, в этом никто не уверит

себя; стало быть, кто не хочет заниматься земледелием и не имеет никакой другой профессии, дающей средства к жизни, тот, очевидно, думает жить воровством, или грабежом, или попрошайничеством, или уж он — дурак набитый. (16) Большое влияние на выгодность или убыточность земледелия, — продолжал он, — оказывает то, когда один хозяин, имея большее или меньшее число работников, прилагает некоторую заботу, чтобы они у него были вовремя на работе, а другой не заботится об этом. Ведь и среди десяти человек один уже замечен тем, что работает все свое время, а другой — тем, что уходит раньше времени. (17) А если позволить людям целый день работать кое-как, то разница, пожалуй, окажется в половину всей работы. (18) Подобно этому бывает, что во время пути на протяжении двухсот стадий один обгонит другого на сто стадий, хотя оба путника и молоды, и здоровы, если при этом один идет целеустремленно, а другой с легким сердцем отдыхает и около источников, и в тенистых местах, смотрит по сторонам, ловит мягкий ветерок. (19) Точно так же большая разница и в исполнении полевых работ между работниками, делающими дело, к которому они приставлены, и не делающими его, а находящими предлог не работать, когда им дозволяют бездельничать. (20) Между хорошей работой и плохим выполнением ее такая же большая разница, как между настоящей работой и полным ничегонеделанием. Например, когда при вскапывании для очищения винограда от сорных трав рабочие вскапывают землю так, что сорные травы растут обильнее и пышнее, как не назвать это ничегонеделанием? (21) Вот эти изъяды гораздо больше разоряют хозяйство, чем полное незнакомство с делом. Когда деньги полностью уходят из хозяйства, а работы исполняются не так, чтобы приход перевешивал расход, ничего мудреного нет в том, что вместо излишка получается недостаток. (22) Но для людей, умеющих заботиться о деле и усердно обрабатывающих землю, земледелие — самое быстрое средство обогащения. Мой отец и сам так вел хозяйство и меня научил. Он никогда не позволял мне покупать землю хорошо обработанную, но ту, которая по небрежности ли хозяев или по недостатку средств у них не обработана и не засажена — такую он советовал покупать. (23) Обработанная, говорил он, и стоит дорого, и улучшать ее нельзя; а если нельзя ее улучшать, то она не доставляет столько удовольствия; напротив, всякая вещь и скотина, которая идет к улучшению, очень радуется хозяину. Так вот, нет ничего способного к большему улучшению, как земля, которая из запущенной становится в высшей степени плодородной. (24) Уверю тебя, Сократ, — продолжал он, — что благодаря нашим стараниям стоимость многих участков земли

стала во много раз больше первоначальной. Эта мысль — такая драгоценная и так легко ее понять, что хотя ты ее только сейчас услышал, но будешь ее знать не хуже меня и другого научишь, если захочешь. (25) Да и отец мой не у другого научился и пришел к этому не путем долгого размышления, но, как утверждал он, по любви своей к земледелию и труду; он захотел иметь подобный участок, чтобы и руки приложить к нему и получать удовольствие от доставляемого им дохода. (26) Да, Сократ, — прибавил он, — мой отец по природе своей, как мне кажется, любил сельское хозяйство больше всех афинян.

Выслушав это, я спросил его:

– Что же, Исхомах, отец твой сам владел всеми этими именениями, которые он привел в цветущее состояние, или также и продавал, если мог получить хорошую плату?

– Да, клянусь Зевсом, и продавал, – отвечал Исхомах, – но тотчас же, по своей любви к труду, взамен одного покупал другое имение, но запущенное.

(27) – Судя по твоим словам, Исхомах, – сказал я, – отец твой действительно по природе своей любил сельское хозяйство не меньше, чем купцы любят хлеб. Ведь и купцы, по своей чрезвычайной любви к хлебу, как прослышат, что где-нибудь его очень много, так и едут туда за ним, переплывают и Эгейское, и Эвксинское, и Сицилийское море. (28) Потом наберут его как можно больше и везут по морю, да еще на том судне, на котором сами едут. Когда им понадобятся деньги, они не выбрасывают хлеб зря и как попало, а, напротив, где, по слухам, цены на хлеб всего выше и где больше всего им дорожат, к тем и везут его на продажу. В таком же роде, должно быть, и отец твой был любителем сельского хозяйства.

(29) На это Исхомах сказал:

– Ты шутишь, Сократ, а я ничуть не меньше считаю даже любителями строительства тех, которые, выстроив дом, продают его, а потом строят новый.

– Нет, клянусь Зевсом, Исхомах, – возразил я, – я верю тебе: это так естественно, что все любят то, из чего надеются извлечь себе выгоду.

**Поджо Браччоліні
(1380 – 1459)**

Видатний італійський гуманіст, письменник і збирач античних рукописів. У ідейному плані Браччоліні близький до громадянського гуманізму, в етиці домінували принципи спільного блага, а моральний ідеал пов'язувався з активною участю у житті суспільства.

Його світогляд носить явно світський характер, а його філософські твори відрізняються іронією, дотепністю та злободенністю. Трактат «Про жадібність» написаний у формі діалогу.

Поджо Браччолини
**Застольный спор о жадности, расточительстве,
о брате бернардино и других проповедниках**

*Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)
/под ред. Л.М. Брагиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С . 72-73;*

*Електор. ресурс: <http://renaissance.rchgi.spb.ru/Bracciolini/opus1.htm>
<http://bspu.unibel.by/pages/obschixxi/source/0910.html>*

...Бартоломео, человек здравомыслящий и разумный, сказал: «Действительно, поскольку наша жизнь бывает подвластна чему угодно, а также различным болезням, их следует исцелять, Однако, как мы знаем, некоторые пороки свойственны не всем людям, другие же, как, например, расточительство (*luxuria*) и жадность (*avaritia*), являются наиболее общими и пагубными, и их зараза так велика, что трудно остаться не запятанным. Это две столь жестокие язвы человеческого рода, что заражают поистине всех. Однако лечить их легко, хотя необходимо сильное лекарство. Проповедники же не рассуждают ни об одном из этих пороков, лишь вскользь говорят о них. В самом деле, если когда-либо они и осуждают эти пороки, то делают это сухо, скупно, грубо, не находя достойных и содержательных слов, и лучше всего им было бы молчать. Они так наглядно описывают порой недостойные

поступки, что порождают не ненависть к прегрешениям, а желание их совершить. Я знал многих проповедников, которые, ведя со старанием и тщательностью длительные беседы на эти темы, совсем не приносили пользы ни нравам людей, ни их жизни. И это справедливо. Поистине они не озабочены тяжестью своего недуга. Разве пойдет на пользу средство, не подходящее для раны? И люди забывают то, что выслушали, прежде, чем уходят, «напрасно трудясь», как говорят. Если бы проповедники порицали эти два порока, которые мучают большую часть смертных, если бы они эти пороки неустанно преследовали и проклинали их, то их проповеди принесли бы больше пользы слушателям. Ибо я считаю жадность и расточительство источником и основой всех зол, как справедливо утверждал ученейший муж Приск Катон.

Общество страдает от расточительства и жадности. Эта зараза сокрушает все большие государства. Один из этих пороков ведет свое происхождение от природы. Наконец, проявляя разумную умеренность, можно сдерживать этот порок, ограничивая его в известных пределах. Другой порок не может управляться никаким разумом, поскольку он противоестественен. И следует не сдерживать этот род зла, а искоренять его. Мудрецы говорили, что расточительство может быть причиной многих зол. Однако к этому следует добавить, что это какое-то заманчивое зло, оно рождается вместе с появлением человека на свет и наносит вред только ему, а не другим людям, что не мешает сохранению человеческого рода. А жадность – проклятое преступление, пагубное для людей, вредящее всем, оскорбляющее всех, всему враждебное. Это – огромное, привязанное к людям чудовище, в котором ничто не может быть достойно похвалы и уважения. Оно ужасно, оно рождается на погибель человечеству и служит взаимному истреблению людей. Ничего, поверьте мне, нет позорнее, постыднее и ужаснее, чем жадность. Если лицо ее можно было бы увидеть, то это испугало бы нас больше, чем толпа бесноватых, вышедших из самых глубин Тартара.

Я не хочу приводить примеров, чтобы мои слова никого не обидели, но если бы мне позволили, я бы указал и разъяснил на деле, что нет такого зла, такого позора, который ни вызвала бы жадность. Она лишает всей доброты того, кем она овладела. Жадность лишает человека всяких добродетелей, лишает дружбы, благосклонности и милосердия. Она наполняет его гневом, ложью, коварством, нечестием, делая человека глашатаем всего преступного и жестокого, словно бы все остальные пороки соединились в одном, хотя и не знаю, что возможно сравнивать с этим единственным пороком, столь он чудовищен. Столь ужасного порока никогда не касается твой Бернардино, которого ты,

Антонио, так расхваливаешь. Один раз он выступил против ростовщиков, возбудив в народе больше смех, чем ужас перед таким преступлением. Однако он не касается жадности, которая побуждает ростовщика брать проценты. А на нее надо было нападать. Против нее надо было направить силу ума, если таким образом можно было бы ограничить и укротить ее.

Впрочем, поскольку наши адвокаты в своих речах умалчивают об упомянутых пороках или же говорят о них, вызывая смех, то нам, раз мы насытились, не мешало бы поразмышлять об обоих пороках или об одном, поскольку мы всячески стремимся их избегать и творить добро. Это обсуждение принесло бы пользу душе, если бы не наступала ночь и мы не должны были бы возвратиться к служебным делам, которые нам поручены папой римским».

«Кроме того, - сказал Антонио, - у нас осталось мало времени для беседы. И пока мы это делаем и вместе с тем занимаемся служебными делами, не следует придавать этому обсуждению большого значения. Превосходно сказал нравоучитель Сенека в книге, которая умиротворяет души, что пользу государству приносят не только те, кто помогает другим, защищает обвиняемых, выносит решение о войне и мире, но также те, кто вселяет в душу добродетель, кто удерживает от расточительства и траты денег. Давайте же испытаем сами, можем ли мы принести нашей беседой какую-то пользу, если не другим людям, то по крайней мере самим себе».

[Тогда Бартоломео сказал:] «Право, я рад, что мы вспомнили слова Сенеки, прежде чем немного обменяться мнениями о силе этих пороков, а также об их природе, познав которую мы легче сможем избежать их. Однако я признаюсь откровенно, что избежать один из них мешает возраст, а другой – как природа, так и ученые занятия. Но я предпочитаю выступить против жадности, так как опасаясь, что мы станем жадными из-за незначительного дохода, по вине которого мы едва можем поддерживать достоинство своего положения».

[Антонио добавил:] «Итак, Бартоломео, продолжай и доведи до конца то, что ты начал».

«Пусть это не останется скрытым от тебя и Чинчо, - сказал тот [Бартоломео], - но я заботился о том, чтобы накормить вас на славу. Вы столь любезны, что хотите, чтобы обед был сочтен удавшимся. А трапеза обычно проходит в речах и спорах. Древние знали, если хорошо дуть во флейту, она производит лучший звук. Справедливо сказал Чинчо, который как глава трапезы шутил и угощал, заботясь о сотрапезниках: «Теперь давайте воздадим должное душе».

«Итак, пусть это будет твоя обязанность, - сказал Антонио, - так как ты предлагаешь свой порядок».

«Я вижу, - сказал Чинчо, - что, наевшись досыта, ты уклоняешься от трудной беседы. Я могу освободить тебя от этой обязанности, но и я тоже плотно поел. И да не покажется это неучтивым нашему гостю - человеку знаменитому, ученость которого требует, чтобы забота о подкреплении духа обнаруживалась бы не в меньшей степени, чем старание насытить плоть. Если душа, которой тебе необходимо воздать должное, также вкусит что-нибудь, трапеза будет наполнена для тебя всеми видами наслаждений».

А Бартоломео возразил: «Я уступаю вам, хотя я по своему праву мог бы заставить вас говорить. Давайте я выскажу свое мнение по этому поводу. Однако прежде всего условимся, чтобы Антонио выступил с речью сразу после меня. И потом, вы не должны ждать от меня изысканной речи или серьезных суждений. Ведь после обеда нельзя требовать слишком разумного и серьезного разговора и продуманной речи»;

Когда он говорил это, пришел Андреа Константинопольский, человек образованный и благочестивый. Он также был приглашен к обеду, но пришел позже, так как был занят. Встреченный всеми с восторгом, он сказал, что уже отобедал, а сюда пришел, гуляя, для беседы. При всеобщем молчании он добавил: «В чем дело? Наступила ли такая тишина из-за обеда или это я вызвал ваше молчание?»

Тогда Антонио ответил: «Беседуя, мы остановились на том, что Бартоломео пообещал высказать некоторые доводы против жадности. После такого решения и слов его, направленных против жадности и расточительства и бичующих оба порока, но особенно жадность, так как она обычно бывает связана со старостью, я сказал, что предпочитаю послушать о том пороке, который наиболее опасен. Однако при твоём появлении мы замолчали от стыда, боясь придиричивого разбора наших нелепых суждений. И все же нас следовало бы простить за неизящность и нелепость выражений, так как Бартоломео угостил нас итальянским вином».

Андреа ответил: «Так можно было бы говорить Антонио, если бы вы уподобились тем, о которых сказано в «Пире» Платона: зевающие, пьяные, сонные. Но вы совсем трезвы, поэтому, Бартоломео, продолжай и сделай так, чтобы я тоже мог выслушать твое мнение».

А тот возразил: «Мы молчим потому, что увидели тебя – ученого и богослова».

Андреа сказал: «Но я же пришел не внезапно и помню, что это место не для споров, а для пиров».

Антонио же спросил: «Неужели ты думаешь, что мы готовы к беседе, когда наелись и напились? Мы стремимся не к философскому и доскональному рассмотрению вопроса, а к такому, которое отвечает этому месту и времени».

Так как Андреа стал совсем отказываться, Антонио сказал:

«Время, которого у нас мало, мы тратим без пользы на пустые препирательства. Поэтому, Бартоломео, продолжай то, что ты начал. Он [Андреа] слишком заставляет себя упрашивать».

Тот ответил: «Давай я сделаю то, что ты требуешь, но не столько для диспута, а больше для того, чтобы вызвать на спор или тебя, или его, пока, как сказал Андреа, я буду тебя слушать. Поскольку это уже часто обсуждалось, как самыми учеными христианскими мужами, так и языческими, греческими и латинскими авторами, разговор на эту тему может показаться излишним, и в особенности нам, чьи слова не будут иметь большого веса. Но после того, как мы решили обсудить этот вопрос между собой и для нашей же пользы, мне кажется необходимым в первую очередь выяснить, откуда берется название «жадный» (*avarus*) и откуда вытекает понятие «жадность». Я думаю, что некоторые люди названы жадными потому, что они жадны до денег – ведь чересчур охваченных к ним страстью людей, прилагающих слишком много усердия. и стараний для того, чтобы добыть деньги, мы называем жадными».

«Если это действительно так, - сказал Антонио, улыбаясь, - жадных вовсе не существует. Ведь люди нашего времени охвачены страстью к золоту и серебру, а не деньгам».

«Однако, - сказал Бартоломео, - это название тогда давалось людям, когда в употреблении еще не было ни золотых, ни серебряных монет. У римлян вплоть до 1-й Пунической войны" только медь имела стоимость. Лишь за 5 лет до этой войны - в 585 году от основания города [Рима] – были отчеканены серебряные монеты, отмеченные изображением биг и квадриг, а через 62 года появились золотые монеты. Медную монету Сервий Туллий впервые поместил изображением скота (*nota pecundum*). Отсюда идет название «*pecunia*», а до этого была в употреблении необработанная медь.

Так, хотя монеты были из разнообразных материалов, но название «жадный» оставалось одним и тем же: если кто-либо охвачен страстью к золоту, серебру, деньгам, богатству до такой степени, что поглощен лишь заботой о накоплении, постоянно старается и всегда стремится приобретать, сокращать расходы, не гнушается никакими источниками дохода, лишь бы насытиться прибылью, все делает ради своей пользы, все измеряет собственной выгодой, - то всех таких людей правильно называют

жадными. Поэтому жадность – это всегда необузданная страсть приобретения, или, лучше сказать, жажда приумножать свое богатство. Ибо мысли жадных заняты поиском путей к увеличению своих сокровищ, они подчинены этой страсти, они – рабы денег, неустанная забота о которых гложет их днем и ночью.

Как вы знаете, эта властная страсть не имеет предела, она безгранична, неумна, никогда не удовлетворяется. Старая поговорка гласит, что чем больше имеет жадный, тем больше ему не хватает. Жадного человека всегда обуревают жажда накапливать сокровища, и у него не бывает ни одного дня, ни одного часа, свободного от этих размышлений. Он всегда взволнован, возбужден и озабочен тем, как бы утолить свое безмерное стремление к золоту. Следовательно, жадный будет заботиться о своей пользе, призвав на помощь все свое красноречие, поступки и размышления; он будет заботиться только о себе и личных делах, забыв об общественном интересе. Поэтому жадность является пороком и противоречит природе, чье предписание и закон гласят, что мы должны предпочитать личной пользе общую и что необходимо приносить пользу многим людям.

Недаром у Цицерона стоик Катон настаивал: «Предателя родины следует порицать не более, чем человека, предпочитающего собственную пользу общей». Так как жадный предан только самому себе и заботится лишь о своей особе, то он не просто изменник, а скорее враг и противник общей пользы. В целях собственной выгоды он мало что не приносит никому пользы, но вредит всем, и его, разумеется, следует считать предателем, изменяющим естественному закону. Потому-то жадность сама по себе враждебна общественной пользе, для всемерной охраны которой мы рождены, и далека от нее. Отсюда следует, что никто из жадных не может быть добронравным человеком, ибо тот, кто больше всего занят мыслями о личной выгоде, менее всего может быть добронравным – об этом говорит наш Туллий в своей книге «Об обязанностях». Нет никакого сомнения, что жадный человек делает все для своей пользы и поэтому никогда не будет добродетельным: его нельзя назвать добрым мужем, а можно только – дурным человеком. Уже само понятие “жадный” указывает на порок и говорит о том, что это есть зло, поскольку невозможно, чтобы человек, охваченный жадностью, не приносил бы вред и не оскорблял бы многих людей. Особенно он оскорбляет царицу добродетелей – справедливость, так как все действия и поступки жадного человека происходят от его несправедливости. Пока он охвачен страстью увеличить богатства, накопить деньги, захватить чужое имущество, он, по утверждению святого Амвросия, лишен всякой справедливости. А

так как ему чужда справедливость, он совершит любое преступление: в расчете на выгоду он будет обкрадывать бедняков, интриговать против богачей, разорять сотоварищей, притеснять незнакомых, мучить слабых, обманывать невежд. Надеясь извлечь для себя пользу, он совершит и не осудит любой безнравственный и дурной поступок, бесславное деяние. Он не может ни помышлять о дружбе, ни испытывать желание делать добро.

Действительно, какая может быть доброжелательность у того, кому деньги милее всего? Разве может любить кого-нибудь тот, кто ненавидит самого себя? Очень верна старая пословица:

«Жадный не желает добра никому; по отношению к себе он - просто злодей». Как может поддерживать дружбу человек, измеряющий все свои поступки и мысли собственной пользой? Как поможет деньгами другому человеку тот, кто из-за них калечит свою жизнь? Каким образом облегчит бедность другого тот, кто считает себя беднейшим? Его не тронут ни просьбы, ни слезы, ни плач, и ради накопления богатства он пренебрежет горем страждущих. Если жадный поверит в возможность что-либо получить, то грубо, жестоко, бессовестно растопчет тела несчастных. За это он достоин всеобщей ненависти смертных, и как враг всех людей и источник зла он заслуживает изгнания из человеческого общества.

В самом деле, разве можно любить того, кто лишает нас, не говоря уже об остальном, любви и доброжелательности – общественных уз, без которых не-может быть ни личных, ни гражданских дел? Что же это, если не полное уничтожение человеческого рода? Лучше погубить жадного, отлучить от огня изводы того, кто не приносит пользы обществу и несет гибель государству. Было бы несправедливо позволить жадному жить в обществе, так как оно перестанет существовать, если все начнут подражать ему. Действительно, люди из-за жадности, когда исчезнет доброжелательность, станут враждовать между собой и совершать убийства и грабежи. Обрати, пожалуйста, внимание на то, насколько это зло серьезно и как необходимо бояться его в любом возрасте. В старости люди становятся более опытны и мудры, чем в предшествовавшей жизни. Поистине, благодаря опыту во многих делах, которыми мы занимаемся в нашей жизни, мы приобретаем благоразумие, а чтение и длительное учение приводят нас к мудрости; так что чем дольше мы будем жить, тем большей мудрости сможем достичь. Поэтому один греческий мудрец, умирая, жаловался, что лишь, когда уходишь из жизни, - начинаешь кое-что понимать. Но жадность – это клеймо завладевает чаще всего старцами, одолевая тот возраст, в котором

у человека должно быть больше силы противостоять ей. Немоощь совращает их разум таким образом, что чем меньше им требуется, тем они большего желают, хотя им достаточно немногого, ибо путь их близится к концу.

Поэты описывают многих чудовищ, которые были на земле, однако жадный старик превосходит своим уродством любое чудовище. Но чтобы вы яснее представили себе лик и образ жадных, приведу превосходные стихи Вергилия, в которых он описывает Гарпий, отмечая в них характерные свойства жадности. Думаю, что ты их помнишь: Лица у птиц, как у дев, течет извержение из чрева Гнусное, руки с когтями и образ от голода вечно Бледный...

Разве можно дать лучшее описание образа животного, чем сделал Вергилий в своих стихах, говоря об этом пороке? Он говорит о птицах с лицом девушки, чтобы показать, что жадный – не человек, а чудовище, под человеческим ликом которого скрывается дикое животное, готовое совершить любое преступление. Облик девушки свидетельствует о страсти, которая возгорается сама собой. В самом деле, она постоянно растет и постепенно набирает силы, день ото дня усиливается и возрастает, не ослабевая с годами, а, наоборот, увеличиваясь, тогда как тело иссыхает. Он изобразил пернатых из-за их подвижности и прожорливости, ибо разум жадного всегда необуздан, не знает отдыха и покоя, с вожделением взирая на богатство, строя в душе различные планы, чтобы его присвоить. Говоря об «извержении», Вергилий находит удачное выражение для безмерной страсти жадного, поэтому и стали крылатыми эти стихи. Душа жадного не удовлетворяется никакой прибылью, не насыщается никаким запасом и изобилием, она слишком прожорлива. Не голодный, но бешеный, как Цербер, жадный готов схватить и сожрать все, что попадает. И Вергилий говорит о всеобщем отвращении к жадному не только из-за гнусности этого порока, но и из-за нечестивой жизни, которую ведет жадный человек, и его грязных привычек.

Жадные порочны, грубы и небрежны настолько, что носят, как правило, дешевую и грубую одежду, настолько боятся любого расхода, что даже обходятся без цирюльника. Мы видим, что люди, известные своей жадностью, отпускают бороду и волосы длиннее, чем носят обычно, и не стриглись бы совсем, если – бы их не заставляли и не стыдили другие. Мы часто их высмеиваем, когда они предстают перед нами с отпущенной бородой, как крестьяне. А насколько верно Вергилий изобразил их руки с когтями, чтобы показать хищность жадного: ведь жадный крадет, вырывает, похищает и присваивает все, к чему бы он ни

прикасался, разоряя всех знакомых и незнакомых. И насколько правдиво это поэтическое описание бледного от голода лица! Прежде всего жадного мучает страсть к накоплению сокровищ, и эти беспокойные хлопоты изнуряют. Постоянно охваченный этой единственной заботой, он не позволяет себе никакой передышки – чем больше у него денег, тем больше возрастает его страсть. Он терзается, от жажды и голода, которые утоляет редко и притом грубой и простой пищей. В самом деле, как же сможет этот жалкий человек есть изысканные блюда?

Рассказывают, что один' очень богатый и знатный флорентийский скряга, когда ему однажды принесли на ужин пару цыплят, приказал унести оставшегося и сохранить его до следующего дня, упрекнув прежде управляющего в расточительности. Более того, один наш знакомый вполне серьезно говорил, что когда он ест у себя дома, а не в гостях, то довольствуется луком и чесноком. Другой же, заболев, на вопрос врача о том, какую пищу он ел, ответил, что съел бычье мясо и телятину. На упрек, почему он не ел цыплят, ответил, что они не отвечают природе его болезни, так как дорого стоят. Но цыплят, присланных потом в качестве подарка-одним его другом, который узнал об этом, он ел с жадностью. Следовательно, жадный всегда будет так же бледен от голода, как и от обжорства. Что касается описанных трех Гарпий, я думаю, что подразумевались Высокомерие, Жестокость, Зависть. И верно, жадные страдают не одним пороком – много пороков свойственно им, и они лишены всех добродетелей.

Перед вами своего рода «портрет» жадности, и если бы ее можно было увидеть воочию – большой страх овладел бы человеческим сознанием, и представшее перед взором показалось бы ужаснее описанных Гарпий. Однако сам Вергилий понимал, что этими стихами он недостаточно точно выражает испорченность жадных, и поэтому в предыдущих строках сказал: Чудища горестней их иль какой-нибудь язвы жесточе иль наказания богов.

Действительно, какое чудовище может быть ужаснее вора, обкрадывающего общество, жертвы необузданного стремления? Он-всегда будет рад получить доход, будет жадно взирать на золото, не откажется ни от какой прибыли, будет выпрашивать, хватать, отнимать, вырывать, жить, объятый безудержной страстью. Он копит деньги не зная меры, с тревогой хранит их собранными в кучу, делая лишь небольшие расходы, голодая, терзаясь страхом. Он все тянет к себе ради собственной выгоды, страшный, грубый – он всех подавляет и никому не помогает. Я готов признать, что жадный превосходит зверской жестокостью

всех чудищ Геракла, и если вы внимательно отнесетесь к сказанному мной, то, конечно, сделаете вывод, что жадных, этих чудовищ в образе человеческом, действительно лучше удалить от нас и изгнать в другое место, как самых грязных подонков общества, откуда они не распространяли бы зловоние и не заражали нас.

Когда Бартоломео закончил свою речь, Андреа сказал: «А как ты думаешь, Антонио? Согласен ли ты с ним и одобряешь его рассуждения? Что тебя волнует? Я видел, что ты был погружен в какие-то размышления в то время, как он говорил».

И Антонио ответил: «Ты интересуешься моим мнением? Слушай же. Я полагаю, что Бартоломео высказал ряд положений, заслуживающих внимания, и поистине за этот талант я его хвалю. Хотя он очень занят делами курии, он уделяет столько времени науке, что может изысканно рассуждать об этих вещах. Однако я не уверен, следует ли мне согласиться с некоторыми его положениями. Так вот, в соответствии с логикой его рассуждений, - по обычаю академиков, - которые, как правило, разбирали мнения других, я все же выскажу свою точку зрения, которая не совпадает с его, а вы посмотрите, стоит ли вам ее принять».

Я слушал многих людей, взглядами которых не следует пренебрегать, и они никогда не согласились бы с Бартоломео. В своих рассуждениях он, по моему мнению, представил ничтожное слишком значимым. А также сверх меры заклеил в своих речах нечто, не заслуживающее такого большого внимания. Так, если мы обратимся к мнению толпы, то, без сомнения, почти все будут рассуждать иначе, чем мы. Ибо, несмотря на множество решений, вынесенных против расточительства на основе народных законов, против жадности не было принято никаких постановлений. Однако, даже и не прибегая к народному приговору, а руководствуясь только разумом, скажу, почему расточительство мне кажется преступлением, а жадность – нет.

Наиболее серьезным и ужасным следует считать тот порок, который потрясает душу и разрушает наше тело. Но расточительство, безусловно, больше, чем жадность, обессиливает тело и вызывает расстройство души. Следовательно, расточительство порок более мерзкий. Общеизвестно, что расточительство сокрушает и тело, и добродетель души. Оно губит силу ума и тела до такой степени, что ты можешь убедиться, насколько расточительные бестолковы, слабы и трусливы. Оно вредит природным дарованиям, разрушает здоровье, лишает ум его равновесия, отнимает рассудок. Поэтому верно отметил Сенека в предисловии к «Диалогам», что нет ничего более губительного для природного дарования, чем расточительство. Оно

препятствует занятию науками, ослабляет тело, делает из мужчины женщину, из знающего – невежду, мудреца превращает в глупца и очень вредит памяти.

В самом деле, вы видите, что расточительствующие лишены силы духа, опыта, что это – унылые, презренные и отверженные люди. Жадные в противоположность им – сильны, опыты, деятельны, энергичны, уверены, полны душевных сил и рассудительности. Кроме того, расточительство вредно всегда, а жадность иногда полезна. Первое непозволительно ни в каком возрасте, другое же кажется обычным трудом старости и в этом возрасте достаточно терпимо. Жадность не губит душу, не мешает проявлению дарования, не препятствует занятию науками и достижению мудрости.

Действительно, мы знаем, что люди, особо прославившиеся во всех науках и в государственных делах, были жадными. Мы знаем также, что короли и знаменитые правители, которые славилась большой добродетелью, были жадными, так что, если мне нужно было бы выбирать удел одного из двух, я предпочел бы быть жадным, но не расточительным человеком. И не было бы стыдно мне присоединиться к тем, в числе коих много королей.

По свидетельству греческого писателя Лукиана, среди жадных были и ученейший философ Аристотель, и многие другие превосходные мужи его школы, посвятившие себя философии; их авторитет и достоинство таковы, что лишь упоминания их имени без других доказательств достаточно для защиты полезности жадных. Но мы оставим все обращения-к авторитетам и обсудим доводы, выдвинутые тобой.

Вначале ты утверждал, что жадные называются так потому, что они чересчур одержимы страстью к деньгам, золоту, серебру. Но если и в самом деле следует так называть всех имеющих непреодолимую страсть к деньгам, то почти все люди заслуживают такого названия. Все делается людьми ради денег, и все мы охвачены страстью получить прибыль и побольше. А если эту страсть уничтожить, то все дела совсем остановятся. И кто занимался бы какой-либо деятельностью, если бы не надеялся получить от нее пользу? И чем более очевидна эта польза, тем охотнее мы беремся за любые дела; за ней все следуют, все к ней стремятся.

Если ты рассмотришь военную карьеру, торговлю, земледелие, ремесла или так называемые свободные искусства, то окажется, что любое из них направлено на получение денег, и благодаря этому мы преодолеваем трудности и опасности, которые встречаем в жизни. Все, что мы обсуждаем, чем занимаемся, что делаем, имеет своей целью извлечение наибольшей выгоды. И чем

она значительнее, тем мы больше радуемся и оцениваем нашу выгоду деньгами. И отсюда все делается ради денег, то есть из-за жадности.

Действительно, что еще руководит поведением людей, влечет их (не говоря уже о ремеслах более низких, цель которых очевидна), если не страсть к деньгам и возможность получения наибольшей прибыли? Что движет врачами и другими людьми, посвятившими себя изучению свободных искусств? Разве не из жадности доходов они сразу демонстрируют в обществе свои способности, выставя их на продажу? Разве люди не подтверждают, что они занялись достойными изучения делами исключительно из жадности, то есть из-за страсти к золоту и серебру? Обратись к священным наукам – философии и теологии: ради знания или главным образом из-за получения прибыли люди прилагают усилия для их изучения? И что можно сказать о наших священниках, усердие которых слишком явно? Разве они под покровом веры имеют другую цель, стремятся и желают чего-либо иного, кроме как стать богатыми, затратив меньше труда? Отнюдь не из беспокойства, но ничуть не стесняясь они ради обогащения нагло стремятся к тому, что называется благодеянием, а я, наоборот, назову это злодеянием для души. И мы видим, что люди тем охотнее устремляются к благим делам, чем больше богатство. Может быть, ты думаешь, что они так настойчиво стремятся к этим делам ради спасения души, а не ради того, чтобы жить в роскоши? Те самые люди, которые лицемерно притворяются презиращими роскошь, делают вид, что не они добиваются ее, а сама она присовокупляется к их добродетельным заслугам.

Рассмотри любую-деятельность: духовную или физическую – нет ничего, что было бы лишено огромной страсти. Ты видишь, что все, чем заняты смертные и из-за чего они рискуют, направлено на добывание золота”- или серебра. Мне кажется, что это никоим образом не следует порицать. И в самом деле, деньги очень удобны для общественного употребления и в гражданской жизни. Аристотель рассказывает, что люди по необходимости изобрели их для торговли и обмена. Осуждая влечение к деньгам, ты можешь порицать и другие стремления, одинаково данные нам природой. В самом деле, скажи мне, почему надо меньше • желать золота и серебра, чем напитков, еды и остального, что поддерживает нашу жизнь.

Природа наделила множество живых существ стремлением к самосохранению. Из-за этого стремления мы добываем пищу и заботимся о теле. Все это нам доставят деньги, если мы не хотим прослыть явными ротозеями. Что же удивительного, если я

страстно стремлюсь к деньгам, золоту, серебру, без которых невозможно что-либо иметь. Если это значит быть жадным, то жадность не противоречит природе, как утверждалось чуть раньше, но она заложена в нас природой с самого рождения совершенно так же, как и другие влечения. То, что заложено в нас от при-- роды, никоим образом нельзя .порицать. Ты должен согласиться, что это стремление к деньгам всем дано от природы, так как все люди любого возраста, положения, чина и достоинства одержимы - страстью к золоту, то есть жадностью, и радуются золоту, словно вещи родной и близкой. Посмотри на детей: они радуются, получив в подарок монету, взгляни на молодых людей, на зрелых, старых, богатых и бедных, королей и правителей — все равным образом рады деньгам и идут за богатством, и это происходит лишь по той причине, что природа их образовала и выучила так, чтобы они умели приобретать себе при помощи денег предметы, необходимые для поддержания и сохранения жизни. Так как все, принуждаемые и поощряемые природой, следуют такой страсти, то жадность не заслуживает осуждения.

Однако ты можешь сказать, что были же и такие люди, которыми никогда не руководила страсть подобного рода. Были и некие люди, родившиеся с головой свиньи, однако же мы созданы природой с головой человека. Нам надо думать не о том, что творит иногда уродливость или глупость неких неотесанных невежд, а изучать повседневные требования самой жизни, которую мы должны поддерживать и сохранять.

И для лучшего пояснения моей мысли добавлю следующее. Святой Августин, человек ученейший среди латинян, в книге «О свободе воли» выразил сказанное тобой более мягко: «Жадность заключается в желании иметь более, чем необходимо». Если это верно, то мы должны сделать вывод, что мы жадны от природы. Нужно признать, что цель всеобщего стремления обусловлена природой и возникает по ее внушению. Ты не найдешь ни одного человека, который не желал бы себе сверх необходимого, никого, кто не хотел бы иметь как можно больше. Следовательно, жадность – свойство природное.

Обойди, если хочешь, весь город: рынок, улицы и храмы; если кто-нибудь тебе скажет, что ему не требуется ничего сверх необходимого, то тогда на самом деле его природа довольствуется малым, и ты можешь считать, что обнаружил феникса.

Ты только мне не возражай! Я хочу напомнить, что среди таких людей есть пустые и грубые лицемеры и праздношатающиеся шуты, которые, прикрываясь религиозностью, домогаются жизни без труда и пота, которые

проповедуют для других людей бедность и презрение к собственности, тогда как сами получают богатейший доход.

Нам же следует основывать государство не с этими праздными людьми в личинах, которые живут нашим трудом и в полном бездействии, но с теми, кто приспособлен к сохранению человеческого рода. Если каждый не будет трудиться сверх своей потребности, то всем нам придется обрабатывать поля, не говоря уже об остальном. Ведь тогда никто не станет производить больше того, что необходимо для него и его семьи.

Посмотри, какой всеобщий беспорядок начнется, если люди не захотят иметь более, чем им достаточно. Народ лишится самых необходимых добродетелей, то есть сострадания и милосердия, никто не будет отличаться ни благодеяниями, ни щедростью. В самом деле, что может дать другому человеку тот, у кого нет ничего лишнего? Разве может быть благотворителем человек, владеющий лишь тем, что достаточно для него одного?

Если каждый будет довольствоваться лишь необходимым, исчезнут весь блеск городов, красота и пышность, не будут сооружаться никакие храмы и портики, прекратят существование все искусства, наша жизнь и общественный порядок расстроятся. Но мы знаем, что это стремление существовало и раньше, и теперь оно присуще человеку в любом возрасте, любому сословию, любому народу в такой степени, что все хотят и ищут больше того, что им необходимо, на случай неблагоприятной перемены судьбы в будущем и для помощи близким и друзьям. Кто же усомнится в том, что, согласно такому определению, данному [Августином], всех следует называть жадными? Ими населены села, местечки, города. Если ты полагаешь, что надо изгнать жадных из этих мест, то лучше скажи – покинуть и уничтожить города. Ты на самом деле так считаешь – но кто там будет жить, если изгнать жадных? Мы сами будем изгнаны, ибо, согласно твоему суждению, среди нас нет никого, кто не был бы охваченным страстью, или жадным. Жители должны покинуть город и уйти за городские стены, если твое мнение верно.

Но что я говорю об отдельных людях? Чем иным, при внимательном рассмотрении, являются города, государства, области, страны, если не общественной мастерской жадности? И так как она руководствуется общим принципом, то она получает силу на основе общественного согласия.

В твоей древнеримской республике, как и при другом государственном строе, возникшем после нее, существовали столь разнообразные виды налогов, которые платили подданные, столь замысловатые повинности, которые бременем лежали на побежденных людях, столь изощренные способы добывания денег

для пополнения опустевшей казны, что я спрашиваю тебя, Чинчо, разве это говорит о щедрости, а не об огромной жадности? Когда Югурта²⁶ сказал, что продажный город [Рим] сразу погибнет, если найдется покупатель, ты думаешь, он имел в виду того или другого жадного человека, а не все общество? Если этот город, в котором, говорят, имела приют добродетель, был жадным, то что же нужно думать о наших городах, в которых каждый день создаются новые законы для угнетения подданных? Обратись к правителям и королям: разве они не воплощают в себе общественную жадность, и не малую, а очень значительную.

Некий Роберто, прежний король Сицилии, пребывал в памяти наших предков и был прозван весьма жадным: он накопил огромное количество золота и серебра и был очень опытным в делах человеком. Разве что-нибудь затмевает теперь воспоминания о нем, славу, имя, блеск его подвигов? Франческо Петрарка, человек блестящего таланта и изысканной учености, не говорил бы о нем с таким уважением в своих книгах, если бы жадность уничтожила в нем славную добродетель.

Куда бы ты ни направил свой проницательный ум, повсюду найдешь великие примеры личной и общественной жадности. Так что, если ты считаешь необходимым порицать жадных, тебе следует порицать весь мир, тебе нужно изменить весь человеческий род с его обычаями и порядком жизни. Страсть к деньгам в мире настолько возросла, что мы считаем жадность не пороком, а добродетелью, и чем богаче человек, тем большим почетом он пользуется.

Немного раньше я упомянул, что люди, занимающиеся гражданским и каноническим правом, стремятся к их изучению из-за страсти к прибыли, а не к знанию. Вы можете видеть, что они заинтересованы в этой науке как в постоянном источнике золота. Когда эти люди приобретают так называемые знаки учености (хотя многие из них неучи), то есть признаки дохода и жадности, то вы знаете, как часто другие люди начинают их посещать, почитать и заботиться о них. Они носят дорогую одежду и могут с полным правом надевать золотые кольца для того, чтобы люди яснее представляли себе, что существует только такой род деятельности для получения золота. Если кто-нибудь от вас услышит, что жадность – порок более гнусный, чем остальные, я думаю, он не сдержится и "набросится на вас, утверждая, что либо это вовсе не порок, либо он весьма незначителен, обыкновенен и есть много других пороков, более отвратительных.

Воистину, я бы не согласился с высказанными незадолго до этого предположениями Бартоломео, что все пороки, соединенные вместе, не сравнимы с этим единственным. Будь это так, то

древние основатели законов и общественных установлений не имели бы перед нами большой заслуги. Они же установили наказание за каждое преступление и за каждый бесчестный поступок, из-за которого могла бы возникнуть смута в человеческом обществе, но жадность оставили безнаказанной. Они же санкционировали законом, что- воры, грабители, разбойники, прелюбодеи, убийцы и другие преступники должны быть наказуемы, жадные же люди ни в коем случае не несут наказания и защищены законом. И это потому, что мудрейшие мужи отдавали себе отчет в том, что некие семена жадности присутствуют в человеческом уме как необходимые для сохранения городов и гражданского права. Ты же хочешь изгнать из городов жадных, как будто они виновны в величайшем преступлении. Но прошу вас, скажите, если бы жадность являлась пороком и нужно было бы очистить от пороков города, то что скорее следовало бы в них уничтожить: жадность или честолюбие? Мы часто слышали о ревностной помощи государству со стороны жадности, в то время как честолюбие влечет за собой насилие. М. Кресе был жадным, а Цезарь щедрым, но он жаждал власти. Что же разрушило Рим: безмерная жадность Кресса или честолюбие Цезаря? Видите, насколько мое мнение не согласуется с вашим.

Вы считаете, что если некоторые люди жадны более, других и кроме обычной жадности испытывают страсть чрезмерную, то они должны быть изгнаны из города. Но я, наоборот, полагаю, что они должны быть привлечены как удобная опора для оказания помощи народу. Жадные в изобилии имеют деньги, которыми помогают больным и слабым и могут облегчить нужду многим людям, содействуя тем самым частным лицам и государству. Так же, как у народов и городов с хорошими традициями учреждаются общественные закрома для раздачи пшеницы при дороговизне хлеба, было бы очень удобно иметь в обществе побольше жадных людей: они явились бы частным хранилищем денег для помощи нам, а деньгами распоряжаются именно частным образом.

Деньги необходимы: они как бы нервы, поддерживающие государства. Поэтому там, где жадных очень много, их следует считать основой и фундаментом государства. Действительно, если город иной раз и нуждается в помощи, разве 'мы обратимся за ней к бедным торговцам или к тем, кто презирает богатство, а не к богачам, то есть к жадным, так как редко можно обогатиться без жадности? Итак, кто же должен 'жить в городе? Богачи, которые своими средствами заботятся о себе и о других, или бедняки, которые не могут прийти на помощь ни себе, ни другим? Мне кажется, что лучше, когда много жадных: они могут как крепость

защитить при трудных обстоятельствах. Но они помогают нам не только своим богатством, но и еще больше советом, опытом, покровительством и авторитетом. Мы сами видели немало таких, которые, считаясь жадными людьми, оказывали большую помощь государству, и, давая полезные советы, пользовались в нем высшим авторитетом.

Жадность еще, никакому делу не помешала. К тому же жадные люди часто создают красоту и приносят славу своим городам. Если не обращаться к старым примерам, то сколько в наши дни было построено на деньги жадных великолепных домов, прекрасных вилл, храмов, портиков, больниц? Без них города были бы лишены своих самых величественных и самых прекрасных украшений.

Но ты говорил, что жадные живут без друзей, что их жажда неумеренна, они – жестоки, грубы и заняты только своей собственной выгодой. Я не стану отрицать, что в некоторых людях жадность является пороком. Мы говорим, что иногда и справедливость несправедлива, и отсюда возникла старая пословица: «Высшее право — высшее беззаконие». Многих людей я даже порицаю, но это не жадные, а дураки, глупцы, бестолковые, несчастные, злобные, упрямы, презренные и грязные подонки общества. Их жестокие и свирепые нравы порождены не жадностью, а злой человеческой природой.

Наоборот, я знал многих жадных – знатных, блестящих, изящных, много тратящих, человеческих, очень остроумных людей, дом которых был полон гостей и друзей. Допустим, ты прав, говоря, что жадные никому не помогают своими деньгами. Но разве нет ничего другого, что может поддерживать дружбу, например: совет, забота, усердие, авторитет, помощь, покровительство? Сила и назначение дружбы заключаются не в деньгах, а в услужливости и в доброжелательности, и я не понимаю, почему ими в достаточной мере не могут обладать жадные люди. Для сохранения дружбы деньги имеют ничтожное значение. Разве знаменитая дружба молодых пифагорейцев так прославляется в литературе из-за того, что один помогал другому деньгами? И разве не обрекли они себя на смерть с готовностью ради спасения друга и товарища?

Ты обличил жизнь жадных за многие другие пороки. Но, как я сказал, не всех жадных, как и всех остальных людей, можно мерить одной меркой. Ты найдешь среди них много благодетельных, смиренных, кротких, радушных, честных и очень приятных людей. А если ты мне приведешь примеры многих дурных, бесчестных, порочных, злых, надменных людей, то я могу сказать то же самое о некоторых поэтах, ораторах, философах,

юристах, которые обладают многими пороками. Ты также найдешь расточителей, воров, разбойников, людей, охваченных страстью, преступников, которых никогда нельзя было заподозрить в жадности. Таким образом, если иные жадные живут в несчастье, разврате и грязи, обманывая других, то в этом виновата не жадность, а легкомыслие, расточительство, несправедливость. Если ты утверждаешь, что жадность породила много зла, я возражу, что она также породила много добра.

Что нам нужнее воды и огня? Однако мы знаем, что многие земли были опустошены разбушевавшимися водами и прекрасные города разрушены огнем. То, что жадные забывают об' общей пользе и думают только о своей собственной, как ты утверждаешь, не является особенностью жадных людей, а присуще почти всем.

На самом деле, кто пренебрегает собственной выгодой и ищет только общественного блага? Я до сегодняшнего дня не знал никого, кто мог бы позволить себе сделать это безнаказанно. Утверждения философов, что общая польза превыше всего, являются скорее обманом, чем истиной. Мы не можем измерять жизнь смертных на весах философии. То, что нас больше волнуют личные, а не общественные дела, вошло в обычай, принято всеми и повелось с основания мира. И мы все признали бы это, если бы не предпочитали обыденным словам громкие. Если же ты ненавидишь жадность потому, что она является причиной бед для многих людей и служит для обогащения лишь некоторых, ты должен ненавидеть также и торговлю и все то, что приносит прибыль. Ведь не бывает так, чтобы получение прибыли не причинило бы ущерба другому человеку, так как то, что приносит выгоду одному, делается за счет другого.

Что же касается твоего последнего утверждения, особенно оскорбительного для жадности, а именно то, что старики очень легко поддаются жадности, я считаю это похвалой и думаю, что это зависит не от возраста, а от предусмотрительности. Старики, словно люди, которые, перейдя моря, совершили трудный путь, полный бурь, учитывают подстерегающие нас невзгоды, опасности и угрожающую нам нужду и понимают, что необходимо копить деньги для защиты от всего этого, они боятся вновь испытать трудности, которые уже переживали. Накапливая деньги и экономя, они заботятся о себе и о своих близких и, наученные опытом, собирают средства, которые, как они видели, полезны для других. Следовательно, они собирают деньги не из-за слабости души, а из-за ее силы, не из заблуждения, а из-за опыта, который является их учителем, и это делается с той целью, чтобы иметь надежную защиту в случае нужды, бедности, болезни и других людских бед. Поэтому мне кажется, что старики правы,

когда откладывают деньги и экономят ил, я полагаю, что они проявляют величайшую мудрость.

Но если все же кто-то считает, что жадность стариков достойна порицания, то и тогда нужно обвинять не рассудительность людей, защищающих себя от непредвиденных случайностей, а природную слабость человека, который подвергается стольким опасностям, испытывает нужду и множество трудностей. При этом, если мы хотим размышлять о делах, а не пустословить, надодать слово богатству.

Очевидно, что жадность в человеке не только естественна, но полезна и необходима. Жадность учит людей защищать себя тем, что она считает самым надежным средством для того, чтобы поддержать слабую человеческую природу и избежать несчастья».

Когда он высказал это, все посмотрели на Андреа (который, казалось, должен был возразить Антонио), и он ответил тогда: «Нельзя больше молчать. Я возмущен недостойной защитой дерзкого чудовища, которое, по-моему, постыдно оставлять в покое».

И затем добавил, улыбаясь: «Впрочем, я думаю, что Антонио говорил так не исходя из собственных убеждений, а для удовольствия других. Когда же он защищал жадность стариков, казалось, что он защищает свое личное дело, ибо прочитал у Теренция, что с возрастом мы чуть больше, чем это необходимо, заботимся о благах.

Будучи человеком ученым и сведущим, опасаясь, что его станут подозревать в жадности (так как он старик), Антонио взял на себя защиту старческой жадности. Но мы же знаем, что некто, упражняясь в красноречии, восхвалял сицилийского тирана Дионисия, отличавшегося беспутной жизнью, а вот Платона, человека святой жизни, порицал. Точно так же я вижу, что и ты, человек очень щедрый, взял на себя защиту порока, который, как известно, следует осуждать больше всех других. Я уверен, что ты говорил это не с целью оправдания жадности, а для ее обвинения и для того, чтобы твои доводы дали мне возможность обличить и раскрыть гнусность и низость столь большого зла, о котором ты говорил. На самом деле мы знаем, что ты, Антонио, будучи человеком щедрым, не только далек от жадности, но даже . и от подозрения в ней. Но если кто-нибудь назовет тебя страстным, то он, может быть, не ошибется, ибо это не порок.

В связи с этим я хочу, чтобы ты рассмотрел два предмета. Первое: не ошибся ли ты в понимании слов «страсть» (*cupiditas*) и «жадность»? Эти термины различны по значению, но ты, видимо, их объединил, как-будто они означают одно и то же. Второе, впрочем мы обсудим это в дальнейшем, - достаточно ли

справедливо утверждение, что жадность присуща нам от природы? Одно слово выражает понятие «жадность», а совершенно другое - страсть. Каждый жадный человек одержим страстью, но не каждый страстный – жадностью. Если бы кто-нибудь назвал меня или столь же добронравных людей охваченными страстью, я бы этого не отрицал. Как утверждают философы, существуют естественные страсти, которые не порочны, такие, как: иметь все, что нужно, жить в достатке и с излишками, желать необходимую пищу и одежду. Иной стремится к деньгам, но из жизненной потребности делать добрые дела, быть щедрым и оказывать помощь бедным людям. Эта страсть не дает никакого повода для порицания, она достаточно умеренная, и ты не ошибешься, назвав ее естественной.

Но есть и другие влечения – безмерные, ненасытные: страсть иметь больше чем нужно, больше чем следует. Эта сильная страсть, превышающая всякую меру, связана с жаждой все отнять, накопить, с обожанием денег и отсутствием покоя. В ней-то и заключается жадность, которую тем сильнее надо ненавидеть, чем она больше. Не обижайся, но назвать ее естественной может лишь человек, мало разбирающийся в дарах и делах природы.

Если бы жадность действительно была присуща нам от природы, мы могли бы жаловаться на ее несправедливость. Было бы несправедливо и недостойно созидательной природы, этой матери всего сущего, если бы она сделала человека, которого она поставила преемником своих дел и даже возвысила над некоторыми, ниже того, что она создала, и человек, получивший от нее душу и разум, оказался бы хуже тварей без души и разума.

Посмотри на небо, на моря, на землю и на то, что они заключают в себе, и ты не найдешь там ни малейших следов жадности: все полно благодатной щедрости. Что представляет собой небо, дарующее нам солнце, луну и столько разнообразных звезд, влияющих на рождение и смерть? А воздух, которым мы дышим? А вода, которая дает столько видов рыб и приносит так много пользы, ничего не беря у нас взамен? А земля, которая дает человеку столько разнообразных плодов, трав, фруктов и животных? Если и мы доверим ей что-нибудь, она возвращает нам это с процентами. Так что же это, повторяю я? Разве здесь есть какие-либо признаки жадности или страсти? Совершая свои дела, природа в изобилии приносит многочисленные дары и не только предстает щедрой, но даже кажется расточительной.

Посмотри вокруг: куда бы ты ни направил свой взор, не найдешь в природе ничего, связанного с жадностью, - все ей противоположно, все очень далеко от нее. Природа богато одаривает, а жадность отнимает и обкрадывает. Первая сама

протягивает все полными руками, вторая отнимает то, что дарует первая. Одна нас кормит, другая крадет пищу. Природа наполняет все своими дарами, жадность же грабит нас и лишает всего, а все несоответствующее природе правильнее определить как существующее вопреки ей.

Прошу, обрати внимание, насколько это рассуждение направлено против тебя. Я думаю, ты не можешь отрицать, что все мы рождаемся с какими-то естественными стремлениями, присущими нашей душе. Это касается не только стремления к свободе, но и стремления к власт.ч, и, когда мы созданы природой подобающим образом, мы не хотим никому подчиняться, а, напротив, стараемся выделиться среди других. И последнее свойственно не только нам, но и животным, которые, когда вырываются из пут, разбегаются и радуются возвращенной свободе. Так следует ли природе или же нарушает ее законы тот, кто охотно покоряется рабству? Нет сомнения в том, что жадный постоянно подчинен страстному желанию (*concupiscentia*), рабом которого он является, которому он повинует, как своему повелителю. Да будет тебе известно, что говорит по этому поводу Иоанн Златоуст:

«Хуже любого тирана страстное желание денег, которое присуще жадному; оно не приносит никаких удовольствий и доставляет много неприятностей. Все враждебное добродетели оно делает своими детьми, и рабами, и хуже того: рабами не людей, а самых пагубных страстей и болезней духа, под влиянием которых творится то, что не угодно ни Богу, ни людям. О горькое рабство и дьявольская власть!».

Я хочу, чтобы ты пришел к пониманию, каково рабство жадного и насколько оно преступно. Как можешь ты утверждать, что жадность или страстное желание денег, которые подрывают & самые высшие права, даны нам от природы? Если бы жадность отвечала природе, то все рождались бы жадными. Естественные движения души возникают вместе с нами, как, например, смех или дрожь при неожиданно возникшем ужасном обстоятельстве, бледность от внезапного страха, и они таковы, что их никак не уничтожить и невозможно подавить. Но кто, будучи в здравом уме, станет утверждать, что жадность рождается вместе с нами? Жадных немного, и они не появляются на свет жадными, а становятся таковыми из-за ошибочных взглядов. Кроме того, естественное в людях не порицается. Ведь никого нельзя обвинить в пороке, если он родился на свет слепым или хромым. Но жадность всегда считалась очень серьезным преступлением для любого человека, при любом положении и достоинстве.

Мне не хватит и ночи, если я стану перечислять все то, что написано против жадности учеными и мудрейшими греческими и латинскими авторами. Не только у них, но даже у тех, кои сами прослыли жадными, ты никогда не найдешь ни похвалы, ни оправдания ей. Аристотеля, как мне известно, считают жадным человеком. Я знаю также мнение некоторых людей, полагавших, что он включал в понятие счастливой жизни богатство, не ограничивая счастье только добродетелью души, как это делал его учитель, чтобы не лишать себя возможности просить богатства у Александра, от которого много и получил³⁴. Однако вы не найдете в произведениях Аристотеля ни одного места, где бы он хвалил жадность. Наоборот, он поместил ее среди пороков и совершенно отделил от добродетели. Поэтому даже если он и был жадным, то, движимый сплоси правды, он назвал жадность злом.

Что касается Аристотеля и многих других философов, они были жадными и стремились к этому не под влиянием философии, а повинувшись привычкам своей извращенной натуры. Ведь философия – учитель и наставник правильной жизни, она отыскивает добродетель, изгоняет пороки, она не защищает безнравственные поступки, но порицает их; она не дает силы преступлению, но отнимает ее и учит, к чему мы должны стремиться и чего должны избегать. И вот почему ученых и образованных людей более других следует порицать за дурные поступки.

Посмотри, как далеко простирается сила честности и мощь природы. Ты говоришь, что жадность не только очень распространена, а обыкновенна и всем присуща. Но до настоящего дня ни один философ или писатель еще не был настолько безрассуден, чтобы осмелиться, защищать ее, и я прямо скажу, что никакой философ, заслуживающий этого названия, не был жадным. Действительно, его нельзя считать философом, если он жаден, ведь если он возлюбил мудрость — он лишен жадности. Итак, я допускаю, что жадный может быть человеком остроумным, Проницательным, образованным, талантливым, ученым, красноречивым; но никак не могу признать, что он чтит мудрость, то есть является человеком добрым, справедливым и честным.

В самом деле, противоположности не могут смешиваться, добродетель не уживается в одном доме с жадностью, которая, подобно зловонной гнусной грязи, лишена блеска добродетели. Впоследствии я поясню, что у жадного нет никаких добродетелей. Что же касается твоего аргумента, когда ты сослался на пример многих царей и правителей, а также государств, которые, по

твоим словам, были жадными, то это совсем не защита виновных, а лишь умножение преступлений.

Да не в одном этом пороке погрязли сильные мира сего. Во-первых, и здесь, как и при любых других судьбах и обстоятельствах, дурных людей, как известно, гораздо больше, чем добродетельных. И люди, занимающие высокое положение, не становятся от этого добродетельнее, и мудрость не сопутствует власти. Во-вторых, государи и могущественные лица, как правило, надменны, спесивы, вспыльчивы, жестоки, грубы, расточительны, и их власть не оправдывает подобные недостатки. Их надо больше, чем обыкновенных людей, порицать за те же самые пороки.

Есть же одна причина, почему эти пороки в какой-то мере неодинаковы. Подчинить свою власть разуму и поступать согласно ему – это великая задача, непосильная многим людям. Положение государя возбуждает ум, воспаляет душу, приводит в смятение разум, вызывает разного рода страсти, и неудивительно поэтому, что ими овладевает гнев или расточительство: ведь они думают, что им дозволено все. Ужасно быть жадным царем или жадным государем, потому что нет ничего более чудовищного, извращенного и дурного, чем жадность сильных мира сего, которая дает начало всякому злу. Обыкновенные люди оправдывают жадность боязнью нищеты, при этом они говорят, что опасаются нужды в будущем, которая заставит их нищенствовать. Но этот страх не распространяется на государей или царей, от воли, желания и власти которых зависят блага подданных. Чего еще им недостает, кроме душевной доброты? Что пробуждает в них жадность, если не мелочность и злой характер? Ведь само могущество и безграничные возможности побуждают их к щедрости. У людей, занимающих высокое положение, прочие пороки порождаются не столь значительными причинами. Расточительство, как и сладострастие, возникает вследствие извращения чувств, гнев рождается из желания отомстить, жестокость возникает от неумеренности в наказании, ненависть – от обиды. Но жадность имеет своим началом только испорченность. Жадность рождается изнутри, имеет внутренние корни и она более опасна в короле или правителе, потому что вредит многим людям.

Не будь опрометчив, считая, что их порок причиняет зло только им одним; он непременно вредит многим, нанося ущерб и развращая людей. Как и всегда, прекрасно сказал Цицерон в книгах “О законах”, что порочные страсти правителя заражают весь город³⁵. Зло заключается не столько в том, что государи грешны, хотя это само по себе является злом, сколько в

том, что многие живут, подражая правителям, и они вредят не только тем, что портят себя, но и тем, что портят других, причем вредят больше примером, чем самим пороком. Превосходно по этому поводу изречение Платона: “Каковы в государстве правители, таковы обычно и подданные”.

| В этом, Антонио, и состоит причина столь широкого и безнаказанного распространения жадности, вот почему она обрела такую силу. Невежды и неопытные люди считали благом то, в⁵ чем заключалась, по их мнению, цель помыслов их государей, подражание нравам которых считалось прекрасным и приятным самими же государями. Жадность частных лиц вредит не очень многим людям; жадность же государя несет опустошение и гибель всему обществу. Никакие законы не будут соблюдаться при жадном властелине, никакие права и никакой суд не будут действительны: безнаказанными останутся преступления, если их оплатят золотом; невинных накажут, виновные скроются. Не останется ни одного злодеяния, даже самого ужасного, которого не затмил бы блеск денег. Разбой, кража, убийства останутся безнаказанны, если они будут приносить какую-либо прибыль; все станет продаваться, как на аукционе. Чего же больше? Повсюду внесет смятение страсть, заслуживающая тем большей ненависти”, чем больший ущерб она причиняет народу.

Посуди сам, правильно ли называть таких людей королями и господами, а не жалкими рабами, достойными всякого поругания? Чем хуже и грязнее господин, тем ничтожнее и низменнее положение слуги. Ясно, что жадный – раб страсти, грязнейшей из всех волнений души. Следовательно, кто служит ей не господин, но презренный и отверженный раб. О, если бы такие короли и правители разделили судьбу Персея, македонского царя, или императора Гальбы!

Гальба (о Персее мы поговорим, в дальнейшем) – чрезвычайно жадный человек, который, в частности, заставлял сохранять чеснок или половину латука на следующий обед, тем самым принуждая себя есть овощи, и только на текущий день выдавал управляющему деньги. Этот человек заслужил такое отвращение и ненависть народа, что правил лишь несколько месяцев и был лишен и власти и жизни. Король же Роберто (если это тот, о котором ты говорил) либо был не королем, а тираном, либо, будучи достойным звания короля, не отличался жадностью.

В самом деле, король не может быть жадным. Королем называют того, кто усердно заботится об общественном благе, приносит пользу своим подданным и печется о выгоде тех, кем управляет. Поэтому он никак не может быть жадным. В противном случае его следует назвать не королем, а тираном, ибо

он не должен быть заинтересован в личной выгоде. Тем и отличается король от тирана, что первый заботится о выгоде своих подданных, а второй думает лишь о собственном интересе. Однако твое длинное рассуждение о том, что даже не многие, а все люди (слово это никого не исключает), охваченные страстью к золоту, находятся во власти жадности, эти двое [участников беседы] опровергают, так как их характер не запятнан таким пороком и они заботятся о своей репутации”.

Тогда Чинчо сказал, улыбаясь: «Когда Антонио говорил «все», он хотел намекнуть на священников, которым это зло давно уже присуще и привычно. Мне кажется, что такая зараза начала распространяться среди них уже с возникновения нашей религии. Иуда первым из учеников продал за деньги Спасителя, и от него непрестанно до наших дней распространялась на других всепоглощающая страсть к золоту. Она до такой степени укоренилась в священниках, что трудно найти кого-либо из них, не испытывающего этой страсти. Святой Августин сообщает, что святой Киприан, епископ карфагенский, жаловался на то, что в его времена в церкви были не просто жадные, но грабители и ростовщики, и это были люди не простые, а епископы. Если это случалось тогда, когда еще кипел свежий пыл веры, когда процветала добродетель мучеников, когда мир[^]был наполнен святостью праведных, что же мы можем ожидать в наши испорченные времена, при этом упадке нравов, при этой развращенности людей, при вере почти угасшей? Правильно назвал церковь «жадным Вавилоном» Франческо Петрарка; лучший, прекраснейший человек своего времени, он видел, насколько этому роду людей была свойственна жадность, .сколь безмерна была их страсть и насколько велика была их жажда получить доход. Мне более всего кажется странным, что люди, ни в чем не испытывающие недостатка (ибо они воины на жаловании Христа), живущие в вечном изобилии и по воле судьбы имеющие все блага, всегда охвачены жаждой золота, как Тантал в царстве мертвых, и чем больше они получают, тем больше овладевает ими эта страсть. Они читают Исидора, но не следуют его словам, которые повелевают им избегать любви к деньгам как источника всех преступлений; воистину, это слова, обращенные к глухим⁴⁰. Но я считаю, что *что* этому поводу лучше промолчать, чем сказать немного».

«Оставим это, - сказал Аидреа, - сейчас неподходящий случай, чтобы оплакивать наши нравы, которые, как известно, во многом могут быть лучше. Вернемся к словам Антонио, который в своей речи привел столько доводов о пользе и необходимости жадности. Подумай, насколько правдивы и серьезны эти доводы.

Ты сказал, и это смешно прозвучало в твоей речи, что жадные полезны городу, потому что помогают многим людям и стране своими деньгами. Но тогда ты должен согласиться, что для государства полезны болезни и мор, ведь многие получают наследство умерших. Следовательно, будут полезны отравители, грабители, поддельщики завещаний, потому что некоторые обогащаются с помощью грабежа и яда. Преступления иногда были полезны не только отдельным людям, но и обществу. Насилие над Лукрецией породило свободу для народа, большой мятеж дал трибунов Плебсу; однако законы жестоко карают мятеж и насилие. Из-за того что преступление принесло однажды пользу, его нельзя считать полезным. Если бы ты сказал, что нам помогает богатство Жадных людей, когда они умирают, это не было бы лишено смысла. Ведь они оставляют в пользование другим то, что собрали и не могли взять с собой. Поэтому так и мучаются те, кто против своей воли расстаётся с золотом и с вещами, сохранявшимися с таким усердием и любовью.

Был в наше время один жадный человек, который на пороге смерти велел принести себе сумку, полную золотых монет, и просил помощи у этих денег, которые он собирал и любил, словно свою душу. Он шептал им: «На кого же я вас оставляю!» Так что это не заслуга жадных, а заслуга смерти, если их состояние приносит кому-либо пользу. В этой связи известна пословица: «Жадный только тогда совершает хороший поступок, когда умирает». Разве может нам быть дорог тот, чьей смерти мы желаем больше всего? Он приходит на помощь нуждающимся, помогает деньгами бедным, но добавь, если угодно, что берет при этом проценты в ущерб тем, кому он, по-видимому, помогает.

Никто не просит помощи у жадного по собственной воле, а лишь в случае крайней нужды. Ведь люди знают, что они ищут прибежища не в гавани, а как бы бросаются на скалы, где должны лишиться своего достояния. Дело в том, что если жадные люди когда-либо и помогают городу, то делают они это с недовольством, или по принуждению, или привлекаемые какой-либо прибылью.

Если в чем-нибудь возникает необходимость, то у жадного человека можно только отнять это и вырвать силой, так как по собственной воле он никогда не отдаст, ибо он скуп, имеет мелочную душу и лишен всякой доброжелательности. А для того чтобы прийти на помощь гражданам, нужна великая, щедрая, доброжелательная и возвышенная душа. Но, клянусь бессмертным богом, кого может защитить и кому может помочь жадный, если он сам себя оставляет без помощи? Разве можно предположить, что кто-нибудь получит денежную помощь от человека, который

подчас предпочитает лишиться жизни, но не денег? Как он выкупит пленника, если такие люди вместо того, чтобы выкупить себя, скорее сами наложат на себя руки?

Очень верна стихотворная строка, приводимая Сенекой в одном письме: «Жадный ни к кому не испытывает доброты, а по отношению к себе он просто злодей». Ничто не может быть справедливее этой мысли. К себе он более жесток, чем к другим. Неудивительно, что покинет других тот, кто сам себя уже покинул. Персей, македонский царь (если, однако, он был достоин этого имени), имел воистину огромные сокровища, собранные его отцом Филиппом, чтобы противостоять власти римлян. Персей вел войну с римлянами и был побежден; когда много конных и пеших басков, нанятых за деньги, явилось к нему в помощь, он приказал отослать их обратно, чтобы не платить им денег, полагающихся по договору; а с ними он мог бы не только защитить себя, не даже отразить римлян. Жадность его была такова, что, казалось, когда он платил, то отдавал часть своей души. Когда он дал также другим воинам золотые сосуды вместо денег, то сделал вид, что выплатит им деньги позднее, если они возвратят сосуды, но, обманув воинов, получил эти сосуды обратно. В конце концов, побежденный в битве, лишенный золота и царства, он был пленен Павлом Эмилием и его провели, как пленника, перед колесницей победителя.

Что может быть отвратительнее этого жалкого животного, которого я не могу назвать царем? Он потерял царство из желания сохранить золото, словно нарочно, чтобы попасть в плен богачом. Я думаю, что римляне были ему благодарны за то, что он был заботливым стражем такого обилия золота и серебра. Итак, нельзя возлагать большие надежды на то, чтобы золотым сокровищем наделить бедных и нуждающихся, так как жадный не может использовать его даже для своей защиты. В этом его суть: умея собирать богатство, он не умеет его использовать. Жадный никогда не тратит, даже если этого требуют обстоятельства. Он стонет и плачет, словно его потрошат, когда у него отнимают деньги.

Что касается твоего суждения о том, что у жадных много друзей и дом их полон гостей, я думаю, что ты сказал это для того, чтобы после столь смехотворного заявления и остальные твои утверждения были оценены таким же образом. При этом я удивился, как ты смог сдерживать смех. На самом деле, что может быть более пустынное и одинокое, чем их дома? Несомненно, все смертные желают им всевозможного зла и проклинают их, общения с ними избегают как несчастливую дня. Если только, доброжелательность рождается из ненависти, ты сумеешь найти у

них множество друзей. Если же дружба рождается из любви, а жадный ничего не любит, кроме золота, то естественно, что и его никто не любит. О, если бы чаще он это чувствовал! Однако ты можешь возразить, что многие люди устремляются к нему, но ведь они имеют в виду не человека, а его золото. Самого человека они хотели бы видеть погибшим. Ты, конечно, не говоря уже об остальном, не станешь отрицать того, что человек, который не любит ближнего, сам не может быть любим последним, ибо привязанность друзей должна быть взаимной.

Чтобы убедиться в том, что жадный никого не любит, выслушай же слова Иоанна Златоуста, если ты не против. Он говорит, что любящий деньги принесет неизмеримое зло ближнему и вместе с тем себе самому. Он легко разгневается, устроит ссору, обвинит в глупости, поклянется и нарушит клятву, не соблюдая никакой заповеди древнего закона. Никогда не возлюбит ближнего тот, кто любит золото. Любящий деньги не только ненавидит врагов, по и к друзьям относится, как к врагам. Но что я говорю о друзьях? Те, кто любит деньги, не понимают саму природу, не признают родственных связей, они не помнят об обычаях, не почитают возраст. Жадный питает ненависть ко всем, и прежде всего к себе, не только губя свою душу, но подвергая себя бесконечным несчастьям и бедам.

Но что я, говоря с тобой, взываю к авторитетам? Сам разум, если бы он мог говорить, громко воскликнул бы, что жадный никак не может быть чьим-то другом, так как он оскорбляет всех и сеет вражду. Он целиком во власти своей страсти, думает только о собственном доходе, ничего не расточает, кроме зла. Он страстно стремится лишь к порочным делам, несущим гибель, если надеется на какую-либо выгоду. Он желает смерти родственнику, близкому, знакомому и незнакомому человеку, если рассчитывает получить от них наследство. Жадный пожелает несчастья соседу, завладеть собственностью которого стремится всей душой. Он будет содействовать банкротствам, убийствам, кораблекрушениям и пожарам, если ущерб других пойдет ему на пользу. Обрадуется неурожаю и голоду, если сам будет иметь зерно в изобилии.

Я помню, что один жадный человек имел обыкновение повторять, что необходимо беречь хлеб до того времени, когда ребенок с плачем будет просить его у своих родителей, и при этом указывал на возможность неурожая. И как еще хуже можно назвать такого человека, если не чудовищем? Что можешь ты пожелать ему, кроме гибели по причине своих желаний? Ты заявлял также, что жадный заботится о родине; но это так же неверно, как и утверждать, что присущая ему страсть не сжигает его.

Ум, подчиненный жадности, подвластный этой страсти, никогда не даст правильного совета. Все мысли, слова и поступки жадного отвечают его личному интересу. Он считает, что лучше всего складывать деньги в сундук, даже в ущерб обществу. Такой человек всегда противопоставит личную выгоду общей и не огорчится, если уменьшится богатство государства, лишь бы увеличилось его собственное. Он ни во что не верит, ничего не уважает, для него не существует никакой справедливости и законности. Он может разжечь даже несправедливую, опасную для родины войну, если понадеется извлечь из нее выгоду; будет убеждать в необходимости губительного и позорного мира в том случае, если дом его от этого обогатится. Продажными будут его дело, слово, достоинство. Он начнет строить козий против отечества и станет из-за денег его врагом. Сколько раз, даже в наше время, можно было видеть развращенных золотом, купленных за деньги людей, пытавшихся изменить отечеству!

Итак, жадность делает советы этих людей опасными, а дела – нечестивыми. О них, Антонио, ты думал и притом приглашал их в город для пользы всех. Если ты желаешь устроить убежище для преступников и злодеев, ты прав. Но ты не прав, если думаешь, что заботишься о благе города. Не безнравственные люди, но добронравные граждане должны жить в городах. Платон, самый ученый из греков, полагал, что те государства будут счастливыми, где правят или мудрецы, или стремящиеся к мудрости. У тебя же – которые наполнены жадными или людьми, склонными к жадности. Что может быть нелепее сего? Что это означает, спрашиваю я тебя, укрепление или же разрушение государства до основания? Один или двое жадных уже являются грабителями всего общества, они нарушают жизнь города. Какому же он подвергнется опустошению, если их будет много и они, словно взбунтовавшаяся толпа, нападут на нашу собственность? И ты утверждаешь, что полезны те, которые в силу своей многочисленности уничтожили бы город!

Но давайте рассмотрим немного эту «пользу» жадных. На самом деле, если бы мы получали от них некоторую пользу, это должно было бы порождаться какой-то добродетелью. Польза не может происходить от безнравственности и порока, ибо отнюдь не может быть позорной. Но поскольку жадный человек лишен всякой добродетели, он не может принести никакой пользы. А нет сомнения в том, что у него отсутствует добродетель, ибо жадный никогда не заботится о справедливости – прочной основе дел общественных и личных.

Цицерон говорит, что существуют две обязанности справедливости: одна – никому не вредить, другая – помогать

общей пользе. Однако жадному свойственно вредить всем и ненавидеть общую пользу. Обязанность справедливости состоит также в том, чтобы дать каждому по его заслугам, то есть наградить или наказать. Но жадный не дает, а грабит: он присваивает себе заслуги других, завидуя чужой собственности. Он не карает того, кто ему платит. Следовательно, он будет недобросовестным при поощрении и продажным при наказании. Защищая виновных и наказывая невинных, он посчитает справедливым то, что принесет ему прибыль в будущем. Жадный человек лишен самых привлекательных добродетелей: щедрости и благотворительности. Ведь они полностью противоположны жадности, так как, существуя, одаряют всех и оказывают услуги, а жадность только все отнимает. Жадный также будет лишен величавой щедрости. (*magnificentia*) и великодушия.

Действительно, что достойного сможет совершить ничтожный, ограниченный, слабый человек, даже будь у него возвышенная душа? Или разве способен на великие дела тот, кто содрогается при слове «расход»? Никогда не истратит денег человек, охваченный любовью к ним; ведь он – их раб, а не господин; страж, а не управитель. Раз он желает увеличить свое богатство, то-никогда не притронется к деньгам, никогда их не истратит.

Разве может показаться великодушным по отношению к своим сыновьям тот (об имени его я умолчу), кто, собрав благодаря своей жадности огромное богатство, однажды, во время роскошного обеда, при звуках музыки и песен в доме своих сыновей (сам он редко утолял голод хорошим обедом) сначала с большой тоской молчал и терпел, но, наконец, выведенный из себя голосами шумных гостей, взволнованный, вышел из комнаты, словно из тюрьмы, и с мрачным и угрожающим лицом, едва глядя на свет и с высокомерием посмотрев на сидящих за столом, громко позвал управляющего и сказал с глубоким вздохом: «Ну, вот! Так как мои сыновья продолжают растрачивать в веселых пирушках и забавах мое состояние, приобретенное потом, я также хочу о себе позаботиться и доставить себе удовольствие. Настал и мой час! Пусть сыновья сами о себе подумают, когда потеряют все, как того хотят, а я позабочусь о себе самом». И, вытащив из тощего кошелька медную монету, сказал: «Возьми, будем и мы разоряться, пока есть что тратить; купи мне латук, чтобы мы тоже могли попировать».

И поверь мне, он произнес эти слова смело и гордо, словно не боялся мнения толпы и готов был вместе с этими расходами забыть о своем состоянии. Я думаю, что он ожидал похвалы за свою умеренность, в то время как сам ни в чем не соблюдал меры,

ибо источником его ума, души, стремлений является неумеренность. Действительно, умеренность – это мера, а жадность – крайность. Какая сила может быть свойственна жадному, если жадность расслабляет мужественные душу и тело? Серьезным и авторитетным писателем в этой области является Саллюстий⁴⁶. Кроме того, жадный лишен благоразумия, поскольку, у кого отсутствуют прочие добродетели, отсутствует и эта – главная из всех. Душа, испорченная этой страстью, будет лишена возможности правильно судить о вещах. Итак, этот твой добронравный человек, лишенный всякого блеска и красоты добродетели, будет способствовать не сохранению пользы государства, а ее уничтожению, не поддержанию общества, а его разрушению. Жадность несет гибель всякому благу. Послушай, что об этом думает и как о ней судит Златоуст (к рассуждению которого я охотно обращаюсь, словно к благодатной земле). Он говорит, что жадность – это нечто пагубное; она притупляет зрение и слух, делая людей ужаснее дикого животного. Она вообще не позволяет думать ни о дружбе, ни о товариществе, ни о самом здоровье души, но, похищая все это, как жестокий тиран, она поработывает тех, кого берет в плен, и, что еще хуже, она заставляет людей любить виновника горького рабства, откуда и берет начало эта неизлечимая болезнь. Жадность породила огромное количество войн, при этом залил улицы кровью и наполнив города стенаниями. Из сказанного Златоустом ясно, насколько «полезен» будет тот, кто, не говоря об остальном, наполнит города печалью и кровью. Если такой человек тебе нравится, призови его в свое государство. Но, разумеется, наше государство охотно перенесет отсутствие такого дурного устроителя города. Я, если бы мне позволили высказать мое мнение, издал бы указ, в котором, подобно Платону, изгоняющему из описанного в его книгах государства тех, чьи слова и учение он считает пагубными для жизни молодых и для нравов граждан, тоже изгнал бы из общества всех жадных. Не только словами, но и поступками, не только учением, но и примером развращают они души граждан».

“Мы согласны, и я ручаюсь за остальных, – сказал Бартоломео, – ведь нельзя найти более священного и справедливого решения, чем это. Если его выполнять, то государства будут жить вечно”.

«О, если бы их вместе с правителями изгнали из нашего города и потом на основе вечного эдикта не допускали бы обратно, – добавил Чинчо, – тогда процветала бы до сих пор та империя, которая, пока не знала жадности, достигла высшего расцвета».

Впоследствии же жадность настолько явно завладела государством, что Югурта воскликнул: «Империю сокрушила жадность!» Меня удивляет, что Цицерон (которого святой Августин называет мастером в управлении государством) не прибавлял к законам, данным им описанной державе, положение о том, что жадных надлежит изгонять из городов. Этот закон был бы гораздо необходимее и полезнее тех, которые он установил по поводу сохранения святынь и обрядов, а также избрания должностных лиц. Всего полезней, конечно, издать один закон, который бы избавил от порока, несущего гибель всем добродетелям. Но Цицерон, как человек благоразумный, возможно, посчитал в силу ряда обстоятельств, что жадность необходимо наказывать только штрафом, не добавляя более суровой кары. Давайте же совсем исключим жадность из жизни государства, не оставив и следа от этой болезни! Давайте издадим строжайший закон: жадных не должно быть в городах, а те из них, кте там проживает, пусть будут изгнаны государственным указом».

Тогда Андреа сказал: «Я рад, что вы одобрили мою мысль и высказались против мнения Антонио. Мне остается отвергнуть его утверждение: ему кажется, что жадность похвальна у старцев и что она приходит с жизненным опытом. Впрочем, я не буду продолжать, чтобы меня не обвинили в многословии, хотя я мог бы привести множество аргументов. Против мыслей Антонио я приведу лишь одно высказывание нашего Цицерона. Оно известно всем вам, но я полагаю, что Антонио упустил его, когда говорил об этом. Цицерон писал, что не знает, в чем выражается старческая жадность; нет ничего неразумнее того, что когда меньше остается пути, то якобы больше требуется денег на дорогу⁴⁹. И не может быть, чтобы жадные, по причине своей страсти, захотели помочь другим или подумали о чьем-либо благополучии, как говорит Антонио. Этим оправданием они пользуются для того, чтобы скрыть свой порок, чтобы всем внушить, что его причина – некий расчет, а не испорченность. Что касается твоего заявления о необходимости жадности, понятно, что оно неверно: бесполезное не может быть необходимым, и нет ничего пагубнее того, что порождает все виды зла.

Апостол Павел утверждал, что все зло происходит от жадности. У него есть золотая мысль: «Корень всех зол есть страсть», и при этом под страстью он подразумевает прежде всего жадность. Можно ли встретить более справедливое высказывание? Можно ли найти что-либо более распространенное, чем зло, произрастающее из корня жадности? Итак, если бы жадность была необходима, то и все виды зла и пороков, которые в ней

заключены, вытекали бы из этой необходимости. В самом деле, нельзя найти порок, которого бы не породила жадность. Она губит душу, убивает разум, уничтожает справедливость и наводит на ложные мысли. Нажива представляется благочестием, ростовщичество – благодеянием, а прибыль – наградой за благоразумие. Эта главная порочная страсть является побудительной силой остальных страстей. Когда нет милосердия, как говорит апостол, нет и других добродетелей. И безмерно прославляя милосердие, он говорит, что оно лишено гордыни зависти, что оно преисполнено терпения и не требует ни своего, ни чуждого. Наконец, он добавляет: «Кто прегрешил в ней одной [жадности], тот виновен во всем». Это, конечно, глас неба, который заклеил порок жадности, чуждый как милосердию, так и остальным добродетелям.

По утверждению Златоуста, жадный лишен милосердия и чужд сострадания, которое не свойственно ему. Милосердие и жадность поистине враждебны друг другу. Милосердие возрастает, награждая, а жадность – отнимая, первое одевает бедняков, вторая раздевает их; первое – спасает из тюрьмы, вторая толкает в тюрьму; первое кормит голодного, вторая мучит голодом; милосердие радуется доброте, жадность любит злобу; здесь – благочестие в сердце, там – жестокость. По этому поводу Златоуст воскликнул: «Да устрашимся мы жадности, которую апостол Павел называл корнем всяческого зла, да избежим этого греха!»

Жадность делает мир неустойчивым, вносит во все смуту, отвращает нас от праведного служения Христу, ибо противоречит его наставлениям. Христос говорит: дай нуждающемуся, жадность – отними последнее у бедняка; Христос – пощади оскорбителей, жадность – покарай невиновных; Христос – будь милосерден и мягок, жадность – будь жесток и безжалостен. Итак, перестанем любить деньги. Мы сможем это сделать, если узрим, что все те, кто погряз в жадности, мертвы, что другие пожинают плоды их трудов, а они сами наказаны страданием, пыткой и всевозможными бедами. Не верх ли безумия поступать так, чтобы живым изнывать в непрерывных трудах, а мертвым страдать и терзаться?»

Тут Бартоломео добавил: «Златоуст великолепно сказал об этом, с большой убедительностью и не без изящества. Это настолько нравится мне, что я хочу поближе познакомиться с его книгами».

Андреа добавил: «Твое восхищение было бы еще большим, если бы ты его слышал на родном языке. Я читал многие сочинения этого святейшего человека – красноречивые и

содержательные. Но то, что я передал, Бургравидо, некий пизанец, человек отнюдь не красноречивый, около 260 лет назад перевел на латынь. Хотя это переведено недостаточно изысканно, важность предмета и слов столь велика, что даже под невыразительным языком можно ощутить блеск его золотой речи. Но, может быть, кто-нибудь из вас (ведь уже многие обучены греческому) переведет для нас эти его труды более богатыми и отточенными словами».

«Конечно, нам очень приятно было, - сказал Бартоломео, - слышать это от тебя, человека, сведущего в греческом, в устах которого они [слова апостола] будут звучать красноречивее, чем произнесенные нами. Нам кажется, что изречение апостола, которое ты привел, превосходит по содержанию смысла всех остальных высказываний, слышанных нами».

«Так и есть, - сказал Андреа. – Насколько эти слова апостола превосходят мнения остальных, настолько у него самого эта мысль превосходит другие. В другом же месте он сказал, что жадность – это поклонение идолам. Он разъяснил, что плоть жадного страдает в этой жизни из-за жалкого рабства, в котором она пребывает, и что душа его отдана на мучения дьяволу, которого выбрал себе покровителем в жизни. Сначала он сказал, что жадный - это раб. Но, поскольку рабство кажется более терпимым, если господин обладает достоинствами, он назвал его рабом самого дурного, скверного, злого духа. Сколько бы ни говорили другие, они не скажут ничего убедительнее и лучше.

В самом деле, можно ли найти что-либо равное по пышности слога или по глубине содержания тому, что жадность делает человека идолопоклонником, то есть тем, кто служит дьяволу. Это, конечно, так. Ведь к золоту и ко всему, что жадный собирает, почитает, сохраняет, лелеет, чему поклоняется как богу, он боится прикоснуться, словно к божественному существу. Он отступился от бога, чтобы служить идолам. По этой причине в книге, направленной против донатистов, святой Августин сравнивает жадных с еретиками. «Я спрашиваю, - сказал он, - кто грешит более: тот, кто, не ведая, впадает в ересь или кто сознательно отступает от жадности, то есть от поклонения идолам, и кто запятнан идолопоклонством».

Как еретики не войдут в царство божие, так и жадные не достигнут его. О, божественная мысль, ниспосланная божественным прорицанием! Поистине, как войдет в царство божие или сбудет спасен тот, кто враг заповедей, от которых берут начало законы и пророки? Ибо есть две заповеди, на которых зиждется всякий закон: одна — почитать бога, другая — любить ближнего его. Жадный никак не может любить бога, ибо он стал

слугой идолов. Он не чтит никого из ближних, что подтверждается разумом и свидетельствами. Итак, в чем смысл существования жадного? Мы ясно поняли из вышесказанного, что жадный — проклятый, окаянный, преисполненный злобы, стыда, позора человек. Нет ничего несчастнее его жизни, так как он всегда терзается всякими страхами и тоской. Нет ничего более жалкого, чем его смерть, так как она будет вечной. Пока они живы, они так или же могут пользоваться духовными или телесными наслаждениями, радоваться приятности жизни и ее покою. Но пусть они лишатся всякого блага и вечно страдают.

Августин сравнивает их с еретиками, апостол считает их идолопоклонниками. Златоуст называет их порочными, грязными свиньями. Они живут, если это называть жизнью, как худшие из подонков, всегда встревоженные, сомневающиеся и зависимые. Они ищут непрерывно, но не пользуются накопленным. Жалобные, стонущие, раздражительные, капризные, сами себе не доверяющие. Жизнь и нравы сарацинов мне кажутся более приемлемыми, чем жизнь и нравы жадных людей, которым лучше умереть, чем вести жалкую и презренную жизнь, в которой нет никакого покоя, никакой передышки, никакой радости, никакого удовольствия.

Что говорить о заботах, которые непрерывно гложут сердце жадных? Что говорить о пытках, которым они подвергаются из страха лишиться сокровищ? Перед их взором стоят, словно бичи фурий, воры и разбойники, которые не дают им успокоиться. Да придут на ум слова плавтова старца в «Пьесе о кубышке». Он напоминает нам, сколь изъязвлено сердце жадного, сколь оно измучено и подавлено страхом. Ночи они проводят без сна, дни — в беспокойных хлопотах, не зная никакого добра, их гложет всевозможная зависть.

Я полагаю, что нашему врагу мы не могли бы пожелать большего зла, чем стать жадным. Этим мы пожелали бы ему всяческого зла — даже бог не может сильнее наказать человека. Но почему, о, бессмертный боже, это зло безумно и стремительно увлекает людей? Неужели из-за страсти к золоту и серебру? Но эта страсть бесполезна, ни в чем не помогает, ибо ни на что не пригодна. Неужели могущество и власть богатства простираются так широко? Нет же никакой пользы для тех, чей голод нельзя утолить, хотя запасы неистощимы. Может быть, польза [жадных] в том, что они могут оставить слишком многое своим потомкам? Раз это богатство нечестно нажито, оно не будет долговечным. Стремятся ли они к покою? Копя деньги, они никогда не достигнут покоя. Может, ими движет сила властолюбия?

Недостойно желать власти над людьми тому, кто сам сделался жалким рабом.

Итак, исправьте, наконец, эту ошибку, одумайтесь и повинуйтесь велениям разума. Разум напомним, что вы люди, то есть тень и прах, как говорит Флакк, но вы наделены бессмертным духом. Только его следует возвышать, почитать, украшать, а в остальном не особенно усердствовать, хотя и следует думать о поддержании этой кратчайшей и быстротечной жизни. Что вы, негоднейшие из смертных, ищете? Эти искания так далеко уводят от истины сбившихся с пути.

Если хотите разбогатеть, достигнете этого скорее и легче, презирая богатство, а не стремясь к нему. Если вы стремитесь к покою, то его необходимо искать иным способом. Покой достигается чистым и искренним умом, а не сундуком; чем больше ты в нем накопишь, тем большими несчастьями себя опутаешь. Если вам желанна безмятежность, то не золото, а добродетель даст вам ее, лишенную всяческого страха.

Если вам угодно прославиться, то душа, возвышенная и наслаждающаяся своей добротой, принесет вам известность. Если вы стремитесь оставить большое наследство сыновьям и внукам, то не сможете завещать им ничего более прекрасного и более надежного, чем добродетель и слава. Если вас восхищает сила, то будет повелевать всеми тот, кто владеет собой. Властвуй, добрый ум! В погоне за деньгами вы станете бессильными, бесславными, боязливыми, беспокойными и бедными.

Куда же вас, сбившихся с пути, влечет дурная страсть, ослепленные которой вы не видите ничего истинного и добродетельного? Зачем вы отвергли добродетель – свойство надежное и прочное, которое зависит от воли провидения? То, что вы ищете с таким усердием и до изнеможения, то, что вы находите ценой стольких трудов, в которых растрчиваете всю жизнь, а именно: богатство, деньги, земли, дома и все остальное, то, что вы так высоко цените в этом мире, все это бrenно и хрупко, и все, чем вы завладеваете из выгоды, долго не пребудет с вами и не последует за вами.

Когда вы умрете, богатства оставят вас и вы уйдете нагие, нищие, забытые и отправитесь в царство мертвых, чтобы предстать перед судом без защитника, перед лицом грозного судьи, который неподкупен. Не явится к вам никакая помощь, никакая защита, никакое покровительство, если только добродетелью и праведными делами не подготовить их в своей жизни».

Тогда Бартоломео сказал: «Ты можешь добавить к этим словам и те, что произнес твой Лукиан, и те, которые есть у

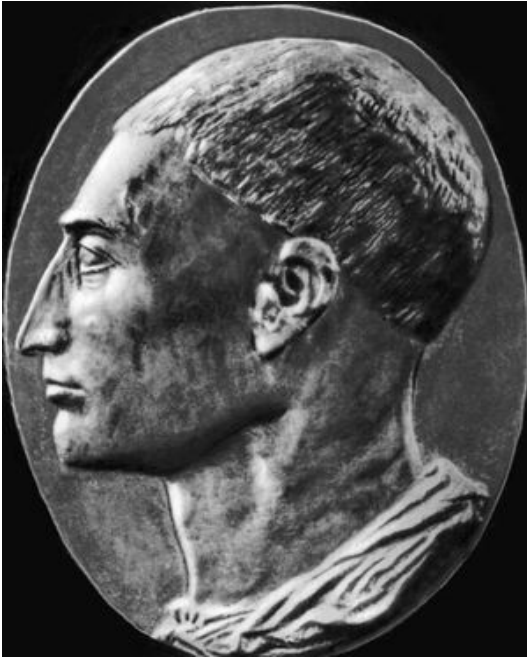
известного поэта Силия Италика. Лукиан сказал: «О глупцы, почему вас тревожат эти земные дела? Успокойтесь, ведь когда-нибудь вы умрете. Все то, что есть у вас, не вечно. Никто по смерти не уносит с собой ничего, идя в царство мертвых нагим и бедным». Силий же, упомянув о смерти на войне жадного богача, присовокупил: «Ты погиб, благородный Волюнкс, и не требуешь назад спрятанное тобой богатство, и не блистаешь сокровищами твоей страны, принадлежавшей некогда царям слоновой костью, и собранные пустяки не пойдут тебе одному на пользу. Разве помогает награбленное? Сколько золота нужно людям? Никогда вы, богатства, не исчезнете. Только исчезнет тот, кого судьба, лелея, переполнит богатствами и пышными дарами. И подземный перевозчик переправит его в лодке нагим».

Тогда Андреа сказал (и некоторые другие пишут так же):

«Это не чье-либо мнение, а голос природы и самой истины. Если люди отзовутся на него, то, отчасти прозрев, не окунутся в море страстей. Хотя у нас перед глазами столь многочисленные предостережения самых превосходных мужей, столь здравые советы, серьезные и авторитетные суждения, которыми должны руководствоваться смертные, все-таки, на удивление, находятся люди, которые пренебрегают всеми мнениями и посвящают себя страсти, как будто самому богу. Пусть они раскаются, пока есть время, и пусть держат отчет перед будущей жизнью! Пусть прислушаются к мнениям ученейших мужей и подчинятся их наизиданиям! Пусть они прежде всего сохраняют в уме и глубоко в душе это суждение М. Туллия: “Нет ничего более стесняющего и подчиняющего души, чем любовь к богатству. Нет ничего достойнее и благороднее презрения к деньгам. Имеешь ты или не имеешь, для благодеяния щедрости – все едино».

Когда Антонио сказал: «Я рад, что выступил в защиту жадных, ибо благодаря этому мы выслушали твое суждение», Андреа добавил: «Теперь появилось нечто, достойное вашего внимания. Если мое мнение вами одобрено, то мне нечего опасаться чужого приговора. А так как после продолжительной беседы наступила ночь, я думаю, что нам пора разойтись».

Все поднялись.

**Леон Батіста Альберті
(1380 – 1459)**

Видатний італійський гуманіст, письменник і збирач античних рукописів. В ідейному плані філософ близький до громадянського гуманізму, в етиці домінували принципи спільного блага, а моральний ідеал пов'язувався з активною участю у житті суспільства. Його світогляд носить явно світський характер, а філософські твори відрізняються тонкою іронією, дотепністю та злободенністю.

Леон Батиста Альберти. О семье. Книга третья. Хозяйственная

// Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. – М.:Юристъ, 1996. – С. 396 – 411.

<...>

ЛИОНАРДО. Сколько всего, что вы имели обыкновение делать молодыми, а теперь, в старости, делать не станете! И как много нравится вам сейчас из того, что, пожалуй, не казалось привлекательным.

ДЖАННОЦЦО. Много, мой Лионардо. Мне помнится, когда я был молод, устраивались в те годы, в счастливое для нашего отечества время, рыцарские турниры или подобные им публичные состязания; это-то и было предметом большого несогласия между старшими членами семьи и мной, поскольку всеми силами я хотел принимать в них участие наряду с другими, дабы показать, на что я способен. С великой славой и почестями возвращались с них те, кто принадлежал к нашему дому: Я радовался им, но одновременно меня печалило, что я не в их числе, не подвергал себя опасностям и ничего, в отличие от них, не заслужил <...> Ты бы засмеялся, если бы я стал тебе рассказывать, на какие хитрости я шел не раз, лишь бы получить разрешение от старших,

без коего ничего не смог бы сделать. Я прибегал к помощи посредников, родственников, друзей. Говорил, будто обещал участвовать, находился и такой, кто заверял, что я поклялся друзьям. Ничто не помогало. По этой причине, бывало, их я любил менее, чем должно. Я хорошо понимал, что они так поступают, ибо я им слишком дорог, и они, любя меня, опасаются, как бы со мной ни приключилась какая-нибудь беда, ведь даже людям крепкого сложения и великой доблести – их телу или чести – случается терпеть урон. Тем не менее, я на них досадовал за то, что они отговаривали меня и очень противились этой моей благородной страсти. Еще более меня огорчала мысль, что делают они это бережливости ради (*per masserizia*), поскольку были, как тебе известно, рачительными хозяевами (*buoni massaiotti*), каковым и я теперь стал. Но тогда я был молод и тратил не скупясь.

ЛИОНАРДО. Нынче же?

ДЖАННОЦЦО. Нынче, мой Лионардо, я стал благоразумнее и считаю безумцем того, кто транжирит свое достояние. Человек, не испытывавший на себе, сколь горестно и двусмысленно положение, когда в нужде приходится искать помощи у других, не ведает всей пользы денег. И кто не знает, какими трудами они добываются, легко их тратит. А кто не соблюдает меры в расходах, тот обычно очень быстро становится бедным. Бедняк же, дети мои, подвергается в этом мире всевозможным лишениям и напастям, и, пожалуй, лучше умереть, чем, бедствуя, жить несчастливо. Так что, мой Лионардо, поговорку наших крестьян я проверил на себе и готов тебе доказать собственным опытом ее совершенную правоту: «Кто не находит денег в своем кошельке, вряд ли сможет найти их в чужом». Дети мои, нужно быть людьми хозяйственными и остерегаться как смертельного врага излишних трат.

ЛИОНАРДО. Однако, Джанноццо, я не думаю, что при подобной осмотрительности в расходах вам хотелось бы быть или казаться скаредным (*avaro*).

ДЖАННОЦЦО. Боже меня сохрани! Ничто так не вредит доброй славе и благорасположенности [к тебе] людей, как скаредность. Найдется ли какая-нибудь столь чистая и благородная добродетель, которая бы не была затемнена до неузнаваемости скаредностью? Внушает великое отвращение то, что души людей крайне прижимистых и скупых пребывают постоянно в терзаниях и большой тревоге, то беспокоясь о преумножении достояния, то печалясь по поводу каких-то произведенных расходов: а эти неприятности обязательно происходят со скупыми. Никогда не вижу их радостными, никогда не наслаждаются они [хоть] чем-нибудь из своего добра.

ЛИОНАРДО. КТО не хочет выглядеть скарредным, должен быть широким в тратах.

ДЖАННОЦЦО. А кто не хочет выглядеть безумцем, тот должен быть рачительными (massaio). Ведь если Бог нам в помощь, разве он не хочет, чтобы мы скорее были рачительным, нежели широкими в тратах <...> Всякая трата, не вызванная большой необходимостью, может иметь своим источником, по-моему, только безумие. И если кто помешается на какой-то вещи, тогда он непременно является помешанным в целом, ибо считать себя помешанным [лишь] в некотором роде, это всегда значило быть помешанным вдвойне и как-то особенно. Но оставим в стороне все эти вещи, столь мало значительные по сравнению с другими, о которых мы сейчас будем говорить.

Подобные расходы на пиршества и достойный прием друзей раз или два в год могут быть произведены и сами являются лучшим лекарством, так как, кто единожды их отведал, тот, если только не будет не в себе, вторично, думаю, их нести не пожелает. Ты и сам, Лионардо, поразмышляй здесь вот о чем. Есть ли что-нибудь более способное раз рушить не только семью, но и город, и страну, нежели люди... как зовете вы их в ваших книгах, тех, кто тратит без удержу?

ЛИОНАРДО. Расточительные.

ДЖАННОЦЦО. Зовите их, как вам угодно. Если бы мне предстояло заново дать им имя, я бы назвал их по недугу, которым Бог их наградил. Порочные сами, они портят других <...> Ради краткости скажу так: насколько дурна расточительность, настолько же хороша, полезна и похвальна хозяйственность (masserizia). Хозяйственность никому не вредит и приносит выгоду семье. И, доложу тебе, только хозяйственность дает достаточную возможность, чтобы существовать и никогда ни в ком не нуждаться. Святая хозяйственность, сколько похотливых желаний, сколько бесчестных домогательств поборола она!

Расточительная и сластолюбивая молодежь, мой Лионардо, без сомнения, всегда была необыкновенно способна на то, чтобы довести до гибели любую семью. Хозяйственные и рачительные старики - спасение семьи. Стать хозяйственным можно не иначе, как держась в душе своей дивного и утешительного убеждения, что жить надо честно тем, что даровала тебе фортуна. И те, кто живет, довольствуясь тем, что имеет, по моему мнению, не должны считаться алчными. Воистину алчны те самые транжиры, которые, не зная удержу в тратах, так никогда и не могут насытиться приобретением и добыванием в разных местах того или этого. Не подумай, однако, чтобы мне была любя чрезмерная прижимистость (superchia strettezza). И все же убеждение мое

таково: мне кажется, что великого порицания заслуживает отец семейства, который ведет себя не как хозяин, но скорее как мот.

ЛИОНАРДО. Если транжиры вам, Джанноццо, не нравятся, то люди, которые не тратят, вам должны нравиться. Алчность, хотя бы она и заключалась, как утверждают эти мудрецы, в непомерной страсти приобретательства, также предполагает и нежелание тратить.

ДЖАННОЦЦО. Рассуждаешь правильно.

ЛИОНАРДО. И все же алчность вам не по нраву.

ДЖАННОЦЦО. Да, очень.

ЛИОНАРДО. Тогда что же такое эта ваша хозяйственность?

ДЖАННОЦЦО. Ты знаешь, Лионардо, что я человек необразованный. Больше на основе собственного жизненного опыта, чем со слов других, постигал я вещи, и мысли свои я вывел скорее из наблюдения действительности, чем с помощью чужих рассуждений. И пусть один из тех, кто целые дни проводит в ученых занятиях, мне скажет «дело обстоит таким образом», я ему, однако, не поверю, если не увижу очевидной причины, которая меня убедила бы, что дело именно так, нежели обязывала бы признавать это. И если кто-то другой не из ученых укажет мне сию причину, я поверю ему, пусть он даже не дает ссылки на авторитет подобно тому, кто черпал бы для меня свидетельства из книг; ибо полагаю, кто бы их ни сочинял, был он, как и я, человеком. Так что сейчас, пожалуй, я не сумею ответить тебе столь же правильно, как ты, целый день не выпускающий книги из рук, смог бы ответить мне. Однако, Лионардо, те транжиры, о коих я только что говорил, не нравятся мне, поскольку тратят они нерасчетливо (*Sanza ragione* означает также «без ума», «без основания», «без необходимости», «без удержу»), и скарედные у меня также не вызывают симпатии, потому что они не расходуют вещи, когда это необходимо, а еще потому, что именно они слишком много хотят иметь. Знаешь, какие люди мне нравятся? Те, которые расходуют ровно столько, сколько необходимо, и не более; излишек они откладывают. Их я зову хозяйственными.

ЛИОНАРДО. Понятно; те, кто умеют держаться середины между слишком малым и слишком большим.

ДЖАННОЦЦО. Да, именно.

ЛИОНАРДО. Но как узнать, когда слишком много, когда слишком мало?

ДЖАННОЦЦО. Легко, если руководствоваться установленной мерой.

ЛИОНАРДО. Горю нетерпением узнать, что это за мера.

ДЖАННОЦЦО. Установить ее очень просто и очень полезно, Лионардо, позаботившись, чтобы все расходы не были крупнее и

обременительнее того, что обусловлено необходимостью, но и не менее того, что требует достоинство (la onesta).

ЛИОНАРДО. О, Джанноццо, насколько больше пользы в делах этого мира от такого вот, как вы, человека опытного и практического, чем от ни в чем не искушенного книжника!

ДЖАННОЦЦО. Я говорил, что хозяйственность состоит не менее в том, чтобы как следует использовать вещи, нежели в том, чтобы сберегать их; не так ли? Что касается времени, то я стараюсь употреблять его умело, никогда не трата попусту. Использую время, насколько в моих возможностях, для похвальных занятий, не уделяю его вещам малозначительным; на любое дело я расходую времени не больше, чем требуется, чтобы исполнить оное как следует. И дабы не терять ни малейшей доли времени, представляющего великую ценность, я установил себе за правило никогда не сидеть без дела, уклоняться от сна, доколе не свалит в постель изнеможение, ибо считаю постыдным без сопротивления быть повергнутым или, по примеру многих, сложить оружие до схватки. Словом, я бегу сна и безделья, постоянно чем-то занимаясь. Дабы дела не путались и по этой причине не оказалось потом, что, начав несколько, я не закончил ни одного, или же при таком образе действий мне не привелось бы осуществить то, что похуже, и пренебречь лучшими занятиями, знаете, дети мои, что я делаю? Утром, прежде чем встать, я задаю себе такой вопрос: чем предстоит мне сегодня заниматься? Такими-то вещами; перебираю их в памяти, обдумываю и каждой определяю время: это — утром, то — днем, а вот то другое — вечером. Так, по порядку, я исполняю всякое дело почти без напряжения. Мессер Никколайо Альберти человек весьма проницательный и деятельный, обычно говаривал, что, по его наблюдениям, радетельный человек шествует всегда неспешно (*Никколо Альберти (умер в 1377 г.) скопил большое состояние торговой и финансовой деятельностью, принимал активное участие в управлении Флоренцией, прославился широкой благотворительностью*). Возможно, кажется, что в действительности совсем иначе, но мой собственный опыт убеждает в его правоте. У нерадивого ускользает время. Отчего нужда или желание его торопят. Упустив момент, он должен в спешке и с большими усилиями делать то, что в свое время сделать было легко. И запомните, дети мои, любую вещь, сколь обильна и легкодоступна она ни была бы, крайне сложно будет заполучить, если пропущен подходящий для этого момент. Злаки, травы, ягоды, цветы, плоды и все другое ты легко достанешь, когда наступает их время; когда оно проходит, ты их можешь обрести с превеликим трудом. Посему, дети мои, нужно учитывать

время, соответствующим образом его распределяя так, чтобы для дела никогда не пропадало ни часу. Я мог бы вам рассказать, сколь драгоценно время, но об этом следовало бы вести речь в другом месте, располагая более изысканным слогом, более сильным умом, более основательной образованностью, нежели моя. Я только призываю вас не терять времени. Поступайте так же, как и я. Утром устанавливаю себе распорядок дня, днем выполняю, что мне положено, а затем вечером, прежде чем отправиться на отдых, припоминаю совершенное за день. И если обнаруживается, что какая-то вещь сделана не так и можно было бы сейчас же ее поправить, я немедленно этим занимаюсь; ибо готов пожертвовать скорее сном, чем временем, подходящим для дел. Сон, еду и тому подобное можно наверстать, взяв свое и завтра, а вот упущенное время не вернешь. Впрочем, мне крайне редко приходится, - если я хорошо распределяю мои дела, каждому отведя его время, и не буду затем исполнять их небрежно, - повторять, крайне редко и почти никогда не приходится в таком случае упускать или откладывать что-нибудь мне нужное. И если случится, что в какой-то момент я ничто не способен поправить, я извлекаю для себя урок на будущее, дабы подобным же образом не терять более времени. Словом, как вы уже слышали, я [стараюсь] давать не иначе как хорошее употребление сим трем вещам – душе, телу и времени. С ними я обхожусь очень рачительно и, насколько в моих силах, бережно и распорядительно, ибо их я почитаю, как того они достойны, самыми дорогими и гораздо более свойственными мне, чем что-либо иное. Богатство, власть, состояние принадлежат не человеку, отнюдь нет, а фортуне, так-то; и они принадлежат человеку постольку, поскольку фортуна позволяет ему пользоваться ими.

ЛИОНАРДО. А тем, что фортуна таким вот образом вам наделила, вы распоряжаетесь по-хозяйски?

ДЖАННОЦЦО. Лионардо, не по-хозяйски распоряжаться тем, что мы используем как свое, было бы нерадивостью и ошибкой. Да, блага фортуны наши настолько, насколько она нам их уступает, а также — насколько мы умеем их использовать <...>

ЛИОНАРДО. И что бы вы сделали? Как бы вы стали хозяйствовать?

ДЖАННОЦЦО. Как можно лучше, ведя покойную жизнь, не обремененную тягостными заботами. Про себя я бы, так подумал: ну-ка, Джанноццо, покажи, чем оделила тебя фортуна. Ее милостью у меня есть дом, семья, имущество, верно? И что-то еще? Да. Что? Слава и благорасположение других людей.

ЛИОНАРДО. Может быть, вы, как иные наши сограждане, считаете, что слава приобретается должностями и положением?

ДЖАННОЦЦО. Ничего подобного, мой Лионардо; ничего подобного, дети мои. Мне кажется, что нет ничего менее достойного принести человеку славу, чем должность и положение. А знаете, дети мои, почему? Потому, что мы, Альберти, теперь чужды мечтаний о них, да и потому, что я сам из тех, кто никогда их не ценил. Любая другая жизнь мне всегда нравилась больше, нежели та, которую ведут, скажем так, государственные мужи (statuali). И кому бы она могла понравиться? Жизнь крайне беспокойная, вся в подозрениях, трудах, угодничестве (servitu). Какое отличие ты усмотришь между теми, кто изнуряет себя ради государства, и общественными рабами (servi)? Тут ты что-то затеваешь, там ищешь покровительства, перед этим гнешь спину, с тем ведешь борьбу, а того, другого, обижаешь; много подозрений и зависти, нескончаемая вражда, ненадежная дружба, щедрые посулы, широкие предложения, и все исполнено притворства, суетности, лжи. И чем больше тебе нужно, тем труднее тебе будет найти человека, который бы по отношению к тебе хранил верность и держал обещание. Таким образом, все твои труды и надежды пропадают в один миг с твоим разорением, с твоими горестями и обязательно с твоим падением. И если же тебе после бесконечных домогательств выпадет какая-то удача, что все-таки ты смог бы посчитать своим приобретением? Вот ты занимаешь должность. Какую выгоду ты от этого имеешь, кроме разве того, что можешь почти свободно грабить и насильничать? На тебя постоянно обрушиваются жалобы, бесчисленные обвинения, великие смуты, а вокруг тебя всегда роятся люди склочные, алчные, бесчестные, которые наполняют твой слух подозрениями, душу – жадностью, ум – страхом и волнениями. Тебе приходится забывать о своих собственных делах, чтобы заниматься теми, которые другие запутали. То нужно привести в порядок государственные налоги и расходы; то принять меры на случай войны; то подтвердить и возобновить законы; всегда находится множество связанных друг с другом дел и обстоятельств, в коих ни тебе одному, ни вместе с другими никогда не дозволено поступать так, как тебе бы хотелось. Каждый считает свои стремления честными, свои суждения – заслуживающими одобрения, свои мнения – лучше других. Уступая общему заблуждению или чьему-то высокомерию, ты бесчестишь себя, стремясь услужить и понравиться одному, ты вызываешь неудовольствие других. О, одержимость, которой не ведают, несчастье, которого не бегут, зло, которое не ненавидят, как оно того заслуживает; и, мне сдается, все потому, что лишь сей тип рабства предстает облаченным неким достоинством. Ах, глупость людей! Они так любят шествовать с трубами впереди и с жезлом

в руке, что предпочитают это своему покою в домашнем кругу и подлинному умиротворению души <...> Для меня достаточно быть и казаться человеком добрым и праведным, что никогда не навлечет на меня бесчестия. Лишь такая репутация остается со мной в изгнании и останется, доколе я ей не изменю. Другие исполнены суетного тщеславия, когда к ним благоволит фортуна, становятся высокомерными, пользуясь властью, печалются, если у них ее нет, трепещут в страхе ее утратить, приходят в уныние, ее потеряв, в то время как нас, довольствующихся тем, что имеем сами, и никогда не зарившихся на чужое, не огорчает, если мы не обладаем каким-либо общественным достоянием или же теряем то, что нами совсем не ценилось. И кто будет ценить это рабство, эти тяготы и бесконечные терзания души? Дети мои, будем тверды в своем выборе и постараемся стать хорошими и праведными хозяевами. Будем счастливы с нашей семьей, будем наслаждаться теми благами, кои подарила нам фортуна, уделяя часть их нашим друзьям, ибо великое почтение внушает человек, живущий беспорочно и честно.

ЛИОНАРДО. Насколько я могу судить на основании сказанного вами, Джанноццо, вам присуща та возвышенная и смелая воля, которая, как всегда мне казалось, более достойна мужественной души, нежели какая бы то ни было другая воля и страсть смертных. Вижу, что вы предпочитаете жить сам по себе (*vivere a se stessi*), цель достойная и свойственная царственной душе — живя, не иметь ни в ком нужды, удовлетворяться тем, чем фортуна тебя оделила. Имеются и такие, кого, присоединяясь к вам, я могу с полным основанием подвергнуть критике, поскольку они считают, что величие и широта души проявляются в том, чтобы возлагать на себя всякое трудоемкое и беспокойное дело с целью добиться в этом большего, нежели другие сограждане. Подобных людей как в других местах, так и в нашей земле немало; воспитанные в [традициях] стародавней свободы [нашего] отечества, исполненные в душе жестокой ненависти к любой тирании, не удовлетворенные общей всем свободой (*comune liberta*), они хотели бы большей, чем у других, свободы и вольности (*licenza*). Конечно же, Джанноццо, кто захочет занять должность и руководить общественными делами не ради того, чтобы заслужить похвалу и благодарность людей добропорядочных (*buoni*), но из одного только неумеренного стремления первенствовать и повелевать, тот, тут я согласен с вами, не покажет себя добрым гражданином и, как вы говорите, будет достоин великого порицания. И замечу вам, что добрый гражданин будет любить покой, но не столько собственный, сколько чужой, наслаждаться частным досугом, любя досуг других своих сограждан не менее

своего, стремиться к согласию, спокойствию, миру, тишине в своем собственном доме, но много более – в своем отечестве и государстве. Этого не достичь, если кто-нибудь из богатых, мудрых и знатных граждан будет претендовать на большее, чем другие свободные, но не столь благодетельствованные фортуной сограждане. Однако государства также не смогут как следует себя оберегать, если все добропорядочные граждане в них будут удовлетворяться лишь своим частным досугом. Мудрые люди говорят, что добропорядочные граждане должны заниматься государством и нести бремя трудов ради отечества, не обращая внимания на кривотолки людские, дабы содействовать общественному спокойствию и благоденствию всех и каждого, а также не допускать к власти людей негодных, кои по нерадению добропорядочных и благодаря своей порочности погубили бы все, и тогда ни частные, ни общественные дела не могли бы вестись как следует.

И далее, видите ли, Джанноццо, сие ваше весьма заслуживающее одобрения правило жить добродетельно исключительно в качестве частного лица, хотя само по себе превосходно и благородно, однако не найдет последователей у людей, жаждущих славы. А ее создает не частный досуг, но общественная деятельность; известность рождается на площадях, вскармливается народным одобрением, звучащим во мнениях многих почтенных мужей. Слава бежит всякого уединения и частного обиталища и охотно располагается и живет в общественных местах, где происходят собрания и многочисленные сходки: там становится известным и знаменитым имя того, кто, прилагая все усилия в неизменном стремлении к благим вещам, избавил себя от безвестности и забвения, от невежества и пороков. Поэтому, мне кажется, что ни в коем случае не заслуживает порицания тот, кто различными доблестными деяниями и устремлениями, а также самым ревностным следованием добрым нравам снискал бы расположение честных и добропорядочных граждан <...> Но не будем желать того, что мы еще не в состоянии осуществить на деле. Будем делать, как вы нас учите; будем дожидаться своего часа, поскольку, быть может, когда-нибудь терпение и смирение наши будут вознаграждены, а несправедливость и беззаконие злокозненных и жестокосердых, которые ничем не гнушаются, чтобы причинить нам вред и обиду, будут, по праведному приговору Божьему, наказаны какойлибо заслуженной и подобающей карой. Все свои силы, все старания и всякое умение давайте, Баттиста и ты, Карло, употребим на то, чтобы заслужить похвалу и славу, и таким образом подготовим себя быть полезными государству и отечеству нашему, дабы, когда

придет время, мы показали себя людьми, которых ни Джанноццо, ни эти благородные и осмотрительные старцы не посчитали бы недостойными занимать наиболее высокие и почетные общественные должности.

ДЖАННОЦЦО. Так поступайте, дети мои, и я буду доволен; надеюсь и жду, что вы так и будете вести себя и этим путем приобретете и. сбережете великую славу. Но все же напомним вам, чтобы вы – не скажу ради славы, потому что ради славы многими вещами нужно пренебречь, но скажу ради власти над другими — никогда не теряли власти над самими собой, ради управления чужими делами не пренебрегали своими собственными. Словом, напомним вам: у кого не будет достатка в доме, тот мало что сможет найти вне его; и общественные дела не облегчают частных нужд. Внешней славой не напитаешь семью у себя дома. О ваших домашних делах имейте заботу и попечение, как того требует необходимость, а общественными занимайтесь не поскольку вас влекут честолюбие и высокомерие, но поскольку доблесть ваша и благорасположение граждан доверяют их вам.

ЛИОНАРДО. Хорошо, Джанноццо, что вы напомнили нам об этом. Так и будем делать. Но из тех частных обстоятельств, которых, по вашим словам, всего четыре (два домашних – семья и богатство; два внешних – слава и дружба), какому бы вы отдали предпочтение?

ДЖАННОЦЦО. Естественно, любовь и преданность заставляют меня всего более ценить семью. А чтобы содержать семью, необходимо имущество; для сохранения семьи и имущества потребны друзья, от которых ты мог бы получить совет, а также помощь, дабы переносить удары фортуны или уклоняться от них; чтобы с друзьями наслаждаться выгодами, даваемыми имуществом, семьей и дружбой, нужно достичь некоторого положения и высокой репутации.

ЛИОНАРДО. Что зовете вы семьей?

ДЖАННОЦЦО. Дети, жена, другие домочадцы, дворовые люди, слуги.

ЛИОНАРДО. Понимаю.

ДЖАННОЦЦО. А знаешь, как велит хозяйственность поступать в отношении их? Не иначе, как в отношении себя самого: использовать их только в делах добропорядочных, благопристойных и полезных, стараться, чтобы они были здоровы и веселы, и пусть никто из них не теряет времени попусту. А знаешь, как сделать, чтоб никто из них не терял времени попусту?

ЛИОНАРДО. Если каждый будет чем-то занят.

ДЖАННОЦЦО. Не только. Скорее, если каждый будет делать то, что ему полагается: если жена будет заниматься детишками,

присматривать за имуществом и иметь попечение обо всех хозяйственных делах семьи; если дети будут прилежно учиться; если остальные будут хорошо и старательно заниматься тем, что было предписано им старшими. А знаешь, в каком случае они будут тратить время попусту?

ЛИОНАРДО. Думаю, если ничего не будут делать.

ДЖАННОЦЦО. Конечно, поэтому; и еще – если тем, что может сделать один, будут заняты двое или больше; и если там, где должны трудиться двое или больше, будет выбиваться из сил всего лишь один; и если одному или нескольким будет определено дело, для которого он был бы негоден и бесполезен. Ибо, где слишком много людей, там кто-то стоит без дела; а где меньше нужного и неподходящие, там еще хуже, чем если бы не трудились вовсе, поскольку в этом случае труд будет безрезультатен и разрушителен, ибо по большей части приведет к порче вещей.

ЛИОНАРДО. Хорошо сказано.

ДЖАННОЦЦО. Конечно, время не будут терять впустую в том случае, когда каждому будет назначено дело, которое он умел бы и мог бы осуществить. А чтобы все могли и хотели с большим прилежанием и старанием делать то, что им надлежит, нужно полагаящееся нам самим выполнять так, как выполняю это я. Мне же надлежит поручать моим людям праведные дела, научить осуществлять оные с прилежанием и как следует и каждому назначить такое, которое будет выполнено обязательно и наилучшим образом. Знаешь, что я делаю, чтобы лучше выполнить полагаящееся мне? Прежде я весьма долго размышляю о том, что может им понадобиться, какая вещь им могла бы лучше послужить; затем я разыскиваю ее и не щаю трудов, чтобы заполучить, потом заботливо ее берегу, а также внушаю моим беречь ее, доколе не понадобится, и уж тогда ее употребляю.

ЛИОНАРДО. Вы приобретаете вещи в том объеме, в каком, вы думаете, они вам понадобятся, и не больше?

ДЖАННОЦЦО. Некоторые вещи в большем объеме на тот случай, если какая-то часть их испарится, испортится, потеряется, дабы не было нехватки, когда возникнет в них нужда.

ЛИОНАРДО. А если бы они были в избытке?

ДЖАННОЦЦО. Я обдумываю, что было бы лучше: то ли при их помощи приобрести друга и оказать услугу, то ли, даже если в них кто и нуждается, оставить их для себя, ибо я никогда не пожелаю моей семье иметь в недостатке какой-либо пусть самый незначительный предмет. Мне всегда по душе располагать в доме всеми полезными и необходимыми для семейного обихода вещами.

ЛИОНАРДО. А что, полагаете вы, Джанноццо, нужно семье?

ДЖАННОЦЦО. Послушайте. Я люблю размышлять; рассуди также ты сам, правильного ли мнения я держусь. Видишь ли, я считаю, что расходы бывают обязательные и необязательные. Обязательными я называю такие расходы, без которых невозможно достойно содержать семью: кто от них воздерживается, тот наносит урон собственной чести и благополучию своих близких; и тем больше они обязательны, чем больше урон, если их не произвести. Их столько, что трудно перечислить; говоря в общем, это расходы на обустройство и содержание дома, имения и лавки трех оснований, обеспечивающих семью в должной мере всеми необходимыми удобствами и припасами. Расходы же необязательные производятся либо с каким-то расчетом (ragione), либо вовсе без него и впустую. Необязательные расходы, произведенные с каким-то расчетом, доставляют удовольствие, но и без них урона не будет. К ним, например, относятся украшение росписью лоджий", обзаведение серебряной посудой, стремление возвеличить себя пышным выходом, одеяниями и щедрыми подаваниями. Также малообязательны, но отнюдь не без расчета, расходы на развлечения и увеселения публики; впрочем, и без них можно хорошо и достойно прожить.

ЛИОНАРДО. Понимаю вашу мысль: например, расходы на роскошные книги, породистых скакунов и подобные прихоти благородной и великодушной натуры.

ДЖАННОЦЦО. Именно так <...>

ЛИОНАРДО. А те расходы, Джанноццо, что относятся к [разрядам] обязательных и добровольных, как нам надо их производить?

ДЖАННОЦЦО. Сам ты как полагаешь? Знаешь, как поступаю я? Обязательные расходы произвожу как можно быстрее.

ЛИОНАРДО. Не размышляя прежде о том, как было бы лучше?

ДЖАННОЦЦО. Конечно, размышляю; не думайте, что у меня в привычке приступать к любому делу впопыхах, ибо я, конечно же, стараюсь осуществлять дела быстро, но обдуманно.

ЛИОНАРДО. Почему?

ДЖАННОЦЦО. Потому что-то, что нужно сделать обязательно, мне нравится делать немедленно, дабы не беспокоиться более об этом. Таким образом, обязательные расходы я осуществляю немедленно, добровольные же я осуществляю иным способом, хорошим и полезным.

ЛИОНАРДО. Каким именно?

ДЖАННОЦЦО. Наилучшим, наиболее полезным. Я опишу тебе его. Я откладываю, мой Лионардо, откладываю по несколько раз, откладываю, доколе могу.

ЛИОНАРДО. А это зачем?

ДЖАННОЦЦО. С благой целью.

ЛИОНАРДО. Желаю знать, какой такой благой целью вы руководствуетесь, ибо мне известно, что вы ничего не предпринимаете, хорошо [наперед] не рассчитав.

ДЖАННОЦЦО. Я открою тебе: чтобы посмотреть, не пройдет ли у меня за это время желание [тратить]; а если не пройдет, то у меня все же будет возможность поразмышлять, каким образом производимый расход уменьшить; и это меня более чем удовлетворит.

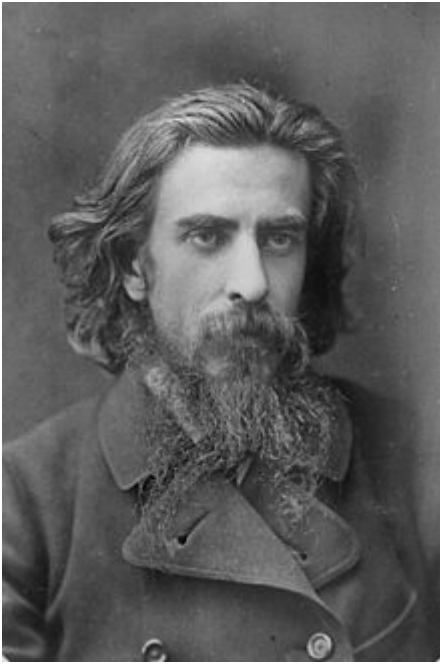
ЛИОНАРДО. Благодарю вас, Джанноццо. Вы меня сейчас научили избегать многих расходов, от коих я, как и другие молодые люди, редко когда умел удержаться.

ДЖАННОЦЦО. Поэтому-то нужно относиться к нам, старикам, с почтением, и когда вам, молодым, покажется полезным, по поводу любого вашего дела вы можете попросить и получить у нас отеческий совет. Многие вещи в этом мире лучше познаются через опыт, чем рассудочной мудростью, и мы, люди, не сведущие в науках, но имеющие практические и с годами обретаемые навыки, способные продумать и устроить жизнь наилучшим способом, можем – не сомневайся – при нашей опытности многое осуществить едва ли не лучше, нежели удалось бы вам, людям образованным, со всеми вашими учеными тонкостями и хитростями. И, скажу вам, мне всегда казалось, что кратчайший путь к тому, чтобы стать, как вы выражаетесь, настоящим философом, пролегает через беседы и постоянное общение со стариками, когда вы задаете им вопросы, выслушиваете ответы, внимаете их наставлениям; ведь время, этот наилучший учитель, делает стариков хорошими знатоками и устроителями (operatori) всего того, что в нашем смертном существовании помогает провести отпущенный нам срок в мире, покое и благоднейшем досуге.

ЛИОНАРДО. Мы очень рассчитывали услышать от вас много прекрасных мыслей, но вы на этот раз, как и в других ваших замечательных и удивительных речах, превзошли наши ожидания. Вы обучили нас столь многим вещам, о которых я никогда и помыслить не мог, что они применимы к хозяйственным делам. Впрочем, не знаю, верно ли я сужу. Ибо, Джанноццо, мне кажется, что было бы, пожалуй, весьма нелегко тому, кто пожелал бы стать таким отцом семейства, какого вы нам преподнесли: прежде всего быть хозяином самого себя, сдерживать и умерять страсти души, обуздывать и укрощать влечения тела, расчетливо использовать время, [затем] заниматься и управлять семьей, сберегать имущество, сохранять дом, [следить] за возделыванием земельных владений, за работами в лавке; каждое из этих дел

само по себе не столь уж незначительно, если проявлять в нем должное прилежание, а всеми вместе, поскольку они нелегки, я полагаю, будет почти невозможно заниматься так, чтобы на всякое дело усердия нашего достало.

ДЖАННОЦЦО. Не стоит так думать. Дела обстоят иначе, чем, возможно, тебе показалось, мой Лионардо; они не столь трудны, как ты думаешь, потому что все связаны и соединены до такой степени, что если кто, желая быть добрым отцом семейства, сумеет как следует исполнить какое-то одно, он непременно сумеет также хорошо исполнить все другие. Кто знает, как распорядиться временем, не теряет его, тот может практически все, может овладеть, чем только пожелает <...>

Володимир Соловйов
(1853 – 1900)

Ідея присутності Вищого початку пронизує усі філософські праці В.Соловйова. Він розумів виникнення християнства як найбільший злам в моральній свідомості людства. Любов, говорить мислитель, – подолання егоїзму, зміст її – створення нової людини, її народження і перетворення.

Привертають увагу моральні погляди цього християнського філософа, зокрема його твердження, що стимулом до морального способу життя є впевненість людини у розумній підставі свого існування. Моральна людина живе заради того щоб творити добро. «Виправдання добра» – одна з останніх праць В. Соловйова, у якій прийнята кантівська теза про автономію моральності і показано, як здійснюється етичний синтез.

СОЛОВЬЕВ В. ОПРАВДАНИЕ ДОБРА

Глава шестнадцатая.

Экономический вопрос с нравственной точки зрения

Соловьев В. Оправдание добра. Гл. XVI. Экономический вопрос с нравственной точки зрения. М., 1998.– С.406-440.

Ел.ресурс: <http://psylib.org.ua/books/solvs01/txt16.htm>

<http://www.vehi.net/soloviev/oprav/16.html>

1.

Если бы люди и народы научились ценить чужие национальные особенности, как свои собственные, если бы, далее, в каждом народе преступные личные элементы были по возможности исправлены перевоспитанием и разумною опекой с полным упразднением всех остатков уголовной свирепости, этим нравственным решением вопроса национального и вопроса уголовного не была бы еще устранена важная причина и народной вражды, и преступности – причина экономическая. За что американцы главным образом ненавидят китайцев? Конечно, не

за их косы и не за мораль Конфуция, а за опасное соперничество в области материального труда. То, за что преследуют китайских рабочих в Калифорнии, за то же самое бьют итальянцев в южной Франции, Швейцарии, Бразилии. И точно так же движение против евреев, каковы бы ни были его глубочайшие причины, явную опору и видимое объяснение находит в соображениях экономических. Что касается до личной преступности, то она хотя и не рождается, но по большей части питается и поддерживается средою нищеты, чрезмерного механического труда и неизбежного в этой среде одичания, так что и самые разумные и человеколюбивые пенитенциарные воздействия на личность отдельных преступников в общем оказались бы малоуспешными. Это дурное воздействие экономических условий современного человечества на состояние национального и уголовного вопроса зависит, конечно, от того, что это положение само по себе страдает нравственным недугом. Его ненормальность обнаруживается в самой экономической области, поскольку здесь все более и более выступает вражда общественных классов из-за имуществ, грозящая во многих странах Западной Европы и Америки открытою борьбою не на живот, а на смерть.

Для человека, стоящего на нравственной точке зрения, так же невозможно принимать участие в этой социально-экономической вражде, как и во вражде между нациями и племенами. И вместе с тем невозможно для него оставаться равнодушным к материальному положению его ближних. Если элементарное нравственное чувство жалости, получившее свою высшую санкцию в евангелии, требует от нас накормить голодного, напоить жаждущего и согреть зябнущего, то это требование, конечно, не теряет своей силы тогда, когда эти голодные и зябнущие считаются миллионами, а не единицами. И если я один этим миллионам помочь не могу, а следовательно, и не обязан, то я могу и обязан помогать им вместе с другими, моя личная обязанность переходит в собирательную – не в чужую, а в мою же собственную, более широкую обязанность, как участника в собирательном целом и его общей задаче.

Самый факт экономических бедствий есть свидетельство, что экономические отношения не связаны как должно с началом добра, не организованы нравственно. Целая мнимонаучная школа экономических анархистов-консерваторов прямо отрицала и еще отрицает, хотя без прежней самоуверенности, всякие этические начала и всякую организацию в области хозяйственных отношений, и ее господство немало способствовало возникновению анархизма революционного. С другой стороны, многочисленные разновидности социализма, не только

радикального, но и консервативного, более обнаруживают присутствие болезни, нежели представляют действительные сродства исцеления.

Несостоятельность ортодоксальной политической экономии (либеральной или, точнее, анархической) заключается в том, что она отделяет принципиально область хозяйственную от нравственной, а несостоятельность всякого социализма заключается в том, что он допускает между этими двумя различными, хотя и нераздельными областями более или менее полное смешение, или ложное единство.

2.

Безнравственно по существу всякое практическое утверждение чего-нибудь вне его должной связи или соотношения со всем. Так, когда частная, обусловленная и потому зависимая деятельность утверждается сама по себе, как безусловно самостоятельная и целая жизненная сфера, то такое утверждение, будучи в теории ложным, на деле безнравственно и может порождать только бедствия и грехи.

Признавать в человеке только деятеля экономического — производителя, собственника и потребителя вещественных благ — есть точка зрения ложная и безнравственная. Упомянутые функции не имеют сами по себе значения для человека и нисколько не выражают его существа и достоинства. Производительный труд, обладание и пользование его результатами представляют одну из сторон в жизни человека или одну из сфер его деятельности, но истинно человеческий интерес вызывается здесь только тем, как и для чего человек действует в этой определенной области. Как свободная игра химических процессов может происходить только в трупе, а в живом теле эти процессы связаны и определены целями органическими, так точно свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом и разлагающемся, а в живом и имеющем будущность хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными, и провозглашать здесь *laissez faire, laissez passer* — значит говорить обществу: умри и разлагайся!

Конечно, в основе всей этой экономической области лежит нечто простое и роковое, само по себе из нравственного начала не вытекающее, — необходимость труда для поддержания своего существования. Нет, однако, и не было такого неизменного состояния в жизни человечества, когда эта простая материальная необходимость не осложнялась бы нравственным вопросом. Нужда заставляет дикаря-полузверя промышлять себе средства к жизни, но при этом он может или думать только о себе одном, или

же в свою нужду включать также нужду своей самки и детенышей. Если лов был неудачен, он может поделиться с ними и скудной добычей, оставаясь сам впроголодь, или же может забрать все себе, а их бросить на произвол судьбы, или, наконец, может убить их с тем, чтобы наестся их мяса. Но на каком бы из этих способов действия он ни остановился, едва ли найдется такой правоверный служитель науки, который увидит здесь роковое действие политико-экономических «законов».

Хотя необходимость трудиться для добывания средств к жизни есть действительно нечто роковое, от человеческой воли не зависящее, но это есть только толчок, понуждающий человека к деятельности, дальнейший ход которой определяется уже причинами психологического и этического, а вовсе не экономического свойства. При некотором осложнении общественного строя не только результаты труда и способ пользования ими – не только «распределение» и «потребление», - но и самый труд вызывается кроме житейской нужды еще другими побуждениями, не имеющими в себе ничего физически принудительного или рокового, например – чтобы назвать самые распространенные – страстью к приобретению и жаждою наслаждений. Так как не только нет экономического закона, которым бы определялась степень корыстолюбия и сластолюбия для всех людей, но нет и такого закона, в силу которого эти страсти были бы вообще неизбежно присущи человеку, как роковые мотивы его поступков, то, значит, поскольку экономические деятельности и отношения определяются этими душевными расположениями, они имеют свое основание не в экономической области и никаким «экономическим законам» не подчиняются с необходимостью.

Возьмем самый элементарный и наименее спорные из этих так называемых законов, именно тот, согласно которому цена товаров определяется отношением между спросом и предложением. Это значит: чем товар больше требуется и чем его при этом меньше налицо, тем он дороже стоит, и наоборот. Представим себе, однако, богатого, но благотворительного товаровладельца, который решил при повысившемся от тех или других причин спросе на имеющийся у него в постоянном количестве предмет необходимого потребления не повышать цены или даже понизить ее для блага нуждающихся ближних, - это будет нарушением предполагаемого экономического «закона», а между тем при всей необычности такого явления, конечно, никто не найдет его невозможным или сверхъестественным.

Допустим, что если бы дело зависело только от доброй воли частных лиц, то можно было бы в области экономической смотреть

на великодушные мотивы как на *quantite negligeable* и строить все на прочном основании своекорыстия. Но мы знаем, что во всяком обществе есть общая правительственная власть, неизменное назначение которой состоит в ограничении частного своекорыстия, и мы знаем немало исторических примеров, когда в силу этого своего назначения такая власть не только отнимала у обычного и естественного (с точки зрения своекорыстия) порядка этот обычный и естественный характер, но даже превращала прежде обычное прямо в невозможное, а прежним исключениям, напротив, давала силу всеобщей необходимости. Так, например, в течение двух с половиною веков в России помещики, отпускавшие на волю своих крестьян целыми общинами и при этом снабжавшие их земельным наделом, были самым редким, в высшей степени необыкновенным исключением, тогда как обыкновенный порядок, или «закон», взаимных отношений между помещиками и крестьянами состоял в том, что последние вместе с землею составляли собственность первых. Но с замечательною быстротою и полнотою этот общий закон доброю волею правительства превращен был в практически невозможное беззаконие, а прежнее редкое исключение сделано безусловно обязательным правилом, уже не допускающим никаких исключений. Точно так же исключительный случай торговца, не повышающего цену необходимого товара при усиленном спросе, превращается в общее правило, как только правительство находит нужным регулировать цены товаров; и тут это прямое нарушение мнимого «закона» становится действительным законом, хотя не «естественным», а положительным или государственным.

Должно заметить, что при всем различии этих двух понятий – закона природы и закона положительного или государственного – этот последний, хотя и есть дело рук человеческих, уподобляется, однако, первому, поскольку в пределах своего действия имеет силу непреложную, не допуская никакого непредвиденного исключения (*И прямое нарушение закона злою волею предвидено законом же как преступление); тогда как мнимые законы экономические никогда такого значения не имеют и во всякий момент могут быть беспрепятственно нарушены и отменены нравственною волею человека. Ни один, безусловно, помещик в России, в силу закона 1861 г., не может теперь продавать или покупать крестьян иначе как в сновидении, тогда как, с другой стороны, ничто не препятствует любому добродетельному петербургскому домовладельцу даже наяву, вопреки «закону» об отношении спроса к предложению, понизить цену на квартиры в видах чисто филантропических, и если весьма немногие пользуются случаем это сделать, то это доказывает никак не силу экономики, а только

слабость добродетели у этих лиц; ибо как только этот недостаток личного человеколюбия будет восполнен требованием закона государственного, так цены сейчас же понизятся и «железная» необходимость экономических законов сразу окажется хрупкою, как стекло. Эта очевидная истина признается в настоящее время писателями, совершенно чуждыми всякого социализма, как, например, Лавеле; а еще раньше Дж. Ст. Милль, желая сохранить за политической экономией характер точной науки и вместе с тем избежать слишком явного противоречия с действительностью, сочинил такой компромисс: допуская, что экономическое распределение продуктов труда зависит от человеческой воли и может подлежать ее нравственным целям, он настаивал на том, что производство всецело подчиняется экономическим законам, имеющим здесь силу законов естественных, - как будто производство совершается не в тех же самых общих условиях и зависит не от тех же самых сил и деятелей человеческих, как и распределение. Впрочем, эта противонаучная, схоластическая дистинкция не имела успеха и была одинаково отвергнута обеими сторонами, между которыми Милль думал чрез нее занять посредствующее положение.

Само собой разумеется, что свобода человека как личности и как общества от предполагаемых естественных законов материально-экономического порядка не находится ни в какой прямой связи с метафизическим вопросом о свободе воли. Утверждая, например, свободу петербургского домовладельца от мнимого закона, определяющего цены отношением спроса к предложению, я вовсе не разумею, что всякий из этих домовладельцев, каков бы он ни был сам по себе, может сейчас понизить цену своих квартир при усилившемся спросе на них, - я стою только за ту очевидную истину, что при достаточной силе нравственных побуждений у данного лица, частного и тем более правительственного, никакая предполагаемая экономическая необходимость не помешает ему подчинить материальные соображения нравственным в том или другом деле, а отсюда логически следует, что никаких естественных законов, действующих независимо от качества воли данных лиц, в этой области вовсе не существует. Я не отрицаю закономерности человеческих действий, а возражаю только против выдуманного сто лет тому назад особого рода закономерности материально-экономической, независимой от общих условий психологической и нравственной мотивации. Все, что существует в предметах и явлениях экономической области, происходит, с одной стороны, от внешней природы и подчинено в силу этого материальной необходимости (механическим, химическим, биологическим

законам), а с другой стороны, определяется действием человека, которое подчинено необходимости психологической и нравственной; и так как никакой еще причинности, кроме природной и человеческой, нельзя найти в предметах и явлениях экономического порядка, то, значит, никакой еще особой самостоятельной необходимости и закономерности здесь нет и быть не может.

Указание на тот факт, что недостаток нравственных побуждений у частных лиц успешно восполняется государственным законодательством, которое упорядочивает экономические отношения в нравственном смысле в видах общего блага, не предрешает вопроса о том, в какой мере и в какой форме желательно такое упорядочение для будущего. Несомненно только то, что самые факты государственного воздействия в этой области (например, законодательное регулирование цен) непреложно доказывают, что данные экономические отношения не выражают собою никакой естественной необходимости; ибо ясно, что законы природы не могли бы быть отменяемы законам и государственными.

3.

Так как подчинение материальных интересов и отношений в человеческом обществе каким-то особым, от себя действующим экономическим законам есть лишь вымысел плохой метафизики, не имеющий и тени основания в действительности, то в силе остается общее требование разума и совести, чтобы и эта область подчинялась высшему нравственному началу, чтобы и в хозяйственной своей жизни общество было организованным осуществлением добра.

Никаких самостоятельных экономических законов, никакой экономической необходимости нет и быть не может, потому что явления хозяйственного порядка мыслимы только как деятельности человека – существа нравственного и способного подчинять все свои действия мотивам чистого добра. Самостоятельный и безусловный закон для человека, как такого, один – нравственный, и необходимость одна – нравственная. Особенность и самостоятельность хозяйственной сферы отношений заключается не в том, что она имеет свои роковые законы, а в том, что она представляет по существу своих отношений особое, своеобразное поприще для применения единого нравственного закона, как земля отличается от других планет не тем, что имеет какой-нибудь свой самобытный источник света (чего у нее в действительности нет), а только тем, что по своему месту в солнечной системе она особым,

определенным образом воспринимает и отражает единый общий свет солнца.

С этой истиною сталкиваются и разбиваются о нее не только теории школьных экономистов, но и противоположные им на первый взгляд стремления социалистов.

В своей критике существующего экономического строя, в своих декламациях против имущественного неравенства, против своекорыстия и бесчеловечия богатых классов социалисты как будто становятся на точку зрения нравственного начала и одушевляются добрым чувством жалости к труждающимся и обремененным. Но если обратиться к положительной стороне их воззрения, то мы легко увидим, что оно находилось сперва в двусмысленном, а затем перешло и прямо во враждебное отношение к нравственному началу.

Глубочайшая основа социализма впервые выражена в замечательном учении сен-симонистов, провозгласивших своим девизом восстановление прав (реабилитацию) материи в жизни человечества. Конечно, материя имеет права, и чем менее эти права уважаются в принципе, тем более они дают себя знать на деле. Но в чем же состоят эти права? Их можно разуметь не только в различных, но и в прямо противоположных смыслах. Область материальных отношений (ближайшим образом экономических) имеет право на то, чтобы стать предметом нравственного действия человека, имеет право на осуществление или воплощение в ней высшего, духовного начала, материя имеет право на свое одухотворение – вот первый смысл этого принципа – смысл совершенно истинный и в высшей степени важный. Было бы несправедливо утверждать, что этому смыслу оставались вполне чужды первоначальные системы социализма, но они на нем не сосредоточились, не развили его, и очень скоро этот проблеск лучшего сознания оказался только обманчивым огоньком над тем болотом плотских страстей, которое понемногу втянуло в себя столько благородных и вдохновенных душ.

По другому и более распространенному смыслу провозглашенной идеи о правах материи фактическое падение сен-симонистов получает прямое оправдание и возводится в принцип: материальная жизнь человечества не есть лишь особая область действия или применения нравственных начал, а имеет и в человеке и для него свое собственное, совершенно самостоятельное и полноправное материальное начало – инстинкта или страсти, которому должен быть предоставлен полный простор, так чтобы нормальный общественный порядок естественно вытекал из взаимного восполнения и чередования личных страстей и интересов (основная мысль Фурье) ~. При этом

уже нет ни возможности, ни надобности, чтобы этот «нормальный» порядок был порядком нравственным. Отчуждение от высших, духовных интересов становится необходимым, как только признается за материальной стороной жизни человеческой особое, самостоятельное и принципиальное значение.

Нельзя служить двум господам, и господствующее положение в социализме, естественно, достается тому началу, под знаменем которого выступило все это движение, т. е. началу материальному, ему всецело подчиняется область отношений экономических, которая затем признается главной, основной, единственно реальной, всеопределяющей в жизни человечества. В этом пункте исчезает внутреннее различие между социализмом и враждебной ему буржуазною экономией.

По правде, если современное состояние образованного мира ненормально в нравственном смысле, то виною этого не то или другое учреждение само по себе, а общее понимание и направление жизни в современном обществе, в силу которых главным делом все более и более становится вещественное богатство и сам общественный строй решительно превращается в плутократию. Общественная безнравственность заключается не в индивидуальной и наследственной собственности, не в разделении труда и капитала, но в неравенстве имуществ, а именно в плутократии, которая есть извращение должного общественного порядка, возведение низшей и служебной по существу области – экономической – на степень высшей и господствующей и низведение всего остального до значения средства и орудия материальных выгод. Но к этому извращению, только с другой стороны, приводит и социализм.

Если для представителя плутократии нормальный человек есть прежде всего капиталист, а потом уже – *per accidens* гражданин, семьянин, образованный человек, член какого-нибудь религиозного союза, то ведь и с точки зрения социализма все остальные интересы теряют значение, отступают на задний план, если не совсем исчезают, перед интересом экономическим, и здесь так же низшая (по природе своей), материальная область жизни, промышленная деятельность, становится решительно преобладающей, закрывает собою все остальное. То обстоятельство, что социализм изначала – даже в самых идеалистических своих выражениях – ставит нравственное совершенство общества в прямую и всецелую зависимость от его хозяйственного строя и хочет достигнуть нравственного преобразования или перерождения исключительно лишь путем экономического переворота, ясно показывает, что он в сущности стоит на одной и той же почве с враждебным ему мещанским

царством — на почве господства материального интереса. У обеих сторон один и тот же девиз: «О хлебе едином жив будет человек». Если для представителя плутократии значение человека зависит от обладания вещественным богатством в качестве собственника или приобретателя, то для последовательного социалиста точно так же человек имеет значение лишь как обладатель материального благосостояния, но только в качестве производителя; и здесь и там человек берется как экономический деятель, отвлеченно от других сторон его существа, и здесь и там окончательною целью и верховным благом признается экономическое благосостояние, и борьба между двумя враждебными станами не принципиальная, т. е. не из-за содержания принципа, а только из-за объема его осуществления: одних озабочивает материальный интерес капиталистического меньшинства, а других тоже материальный интерес рабочего большинства, и, насколько само это большинство, сам рабочий класс начинает заботиться исключительно о своем материальном интересе, очевидно, и этот класс оказывается столь же своекорыстным и теряет всякое нравственное преимущество перед своими противниками. При этом социализм проводит в известном отношении принцип материального интереса с большею последовательностью и полнотою, нежели противная сторона.

Если плутократия, искренно преданная лишь своему экономическому интересу, допускает, однако, хотя и с подчиненным значением, существование и других жизненных начал с соответствующими самостоятельными учреждениями, каковы государство и церковь, то социализм в своем чистом выражении решительно отрицает все это: для него человек есть исключительно только производитель и потребитель, и общество человеческое — только экономический союз — союз рабочих — хозяев без всяких других существенных различий; и если преобладание вещественных интересов — хозяйственного, промышленного и финансового элемента — составляет отличительную черту буржуазии или мещанского царства, то последовательный социализм, который хочет окончательно ограничить жизнь человечества исключительно этими низшими интересами, никак не есть антитеза, а лишь крайнее выражение, последнее заключение односторонней буржуазной цивилизации.

Социалисты и их видимые противники — представители плутократии — бессознательно подают друг другу руку в самом существенном. Плутократия своекорыстно подчиняет себе народные массы, распоряжается ими в свою пользу, потому что видит в них лишь рабочую силу, лишь производителей

вещественного богатства; социализм протестует против такой «эксплуатации», но этот протест поверхностен, лишен принципиального основания; ибо сам социализм окончательно признает в человеке только (или во всяком случае более и прежде всего) экономического деятеля, а в этом качестве нет ничего такого, что по существу должно бы было ограждать человека от всякой эксплуатации. С другой стороны, то исключительное значение, которое в современном мещанском царстве принадлежит материальному богатству, естественно побуждает прямых производителей этого богатства — рабочие классы — к требованию равномерного пользования теми благами, которые без них не могли бы существовать и на которые их приучают смотреть как на самое важное в жизни, так что сами господствующие классы своим практическим материализмом вызывают и оправдывают в подчиненных рабочих классах социалистические стремления. А когда испуг перед социальной революцией вызывает у плутократов неискреннее обращение к идеальным началам, то оно оказывается бесполезной игрой: наскоро надетые маски морали и религии не обманут народных масс, которые хорошо чувствуют, где настоящий культ их господ, и, усвоив этот культ от своих хозяев, рабочие, естественно, сами хотят быть в нем жрецами, а не жертвами.

Обе враждебные стороны обуславливают себя взаимно и не могут выйти из ложного круга, пока не признают и не примут на деле простого и несомненного, но ими забытого положения, что значение человека, а следовательно, и человеческого общества не определяется по существу экономическими отношениями, что человек не есть прежде всего производитель материальных полезностей или рыночных ценностей, а нечто гораздо более важное, а что, следовательно, и общество также есть нечто большее, чем хозяйственный союз.

4.

Для истинного решения так называемого «социального вопроса» прежде всего следует признать, что норма экономических отношений заключается не в них самих, а что они подлежат общей нравственной норме, как особая область ее приложения. Троиное нравственное начало, определяющее наше должное положение относительно Бога, людей и материальной природы, находит свое всецелое и нераздельное применение в области экономической, причем по особому свойству этой области получает особое значение последний член нравственного триединства отношение к материальной природе или к земле (в широком смысле этого слова). Нравственный

характер это третье отношение может иметь только тогда, когда оно не обособляется от двух первых, а обуславливается ими в их нормальном положении.

Область экономических отношений по содержанию своему исчерпывается общими понятиями производства (труда и капитала), распределения собственности и обмена ценностей. Разберем эти основные понятия с точки зрения нравственной, начиная с самого основного из них понятия труда. Мы знаем, что первый толчок к труду дается материальной необходимостью, но для человека, признающего над собою безусловно совершенное начало действительности, или волю Божию, всякая необходимость есть выражение этой воли. С этой стороны труд есть заповедь Божия. Эта заповедь требует, чтобы мы с усилием (в поте лица) возделывали землю, т. е. обрабатывали материальную природу. Для кого? Во-первых, для себя и для своих ближних. Этот ответ, ясный на самых элементарных ступенях нравственного состояния, конечно, сохраняет свою силу и при дальнейшем развитии, причем только понятие «ближних» расширяется в своем объеме.

Первоначально мои ближние — только те, с которыми я связан кровным родством или личным чувством, а под конец — это все. Самый талантливый из представителей экономического индивидуализма — Бастия, защищая принцип «каждый для себя», отделяется от упрека в эгоизме указанием на ту экономическую гармонию, в силу которой каждый, заботясь только о себе (и о своих), невольно, по самой природе общественных отношений, работает и на пользу всех, так что личный интерес на деле гармонирует с общим. Но это во всяком случае была бы лишь та натуральная гармония, по которой, например, известные насекомые, думая только о сладкой пище для себя, невольно способствуют оплодотворению растений, перенося их пыльцу куда следует". Такая гармония свидетельствует, конечно, о премудрости Творца, но не делает из насекомых нравственных существ. Человек же есть нравственное существо, а потому натуральная солидарность для него недостаточна: он должен не только трудиться для всех, участвовать в общем деле, но еще знать и хотеть такого участия. Кто отказывается признать эту истину в принципе, тот почувствует ее фактическую силу в финансовых крахах и хозяйственных кризисах. Ведь и виновники и жертвы этих аномалий именно такие люди, которые трудятся для себя, — отчего же естественная гармония не согласовала их интересов и не упрочила их благосостояния? Значит, для того чтобы всякий, трудящийся для себя, трудился вместе с тем и для всех, недостаточно естественной связи экономических отношений, а нужно сознательное направление их к общему благу.

Выставлять своекорыстие или личный интерес как основное побуждение труда – значит отнимать у самого труда значение всеобщей заповеди, делать его чем-то случайным. Если я тружусь только для благосостояния своего и своих, то, раз я имею возможность достигать этого благосостояния помимо труда, я тем самым теряю единственное (с этой точки зрения) побуждение к труду. А если бы оказалось, что целый класс или группа людей могут благоденствовать посредством хищений, обманов, эксплуатации чужого труда, то что же этому жно было бы противопоставить принципиально с точки зрения свободного своекорыстия? Естественную гармонию, которая упразднит такие злоупотребления? Но где же была эта естественная гармония в долгие века рабства, феодализма, крепостного права? Или, может быть, кровопролитные междоусобия, упразднившие феодализм в Европе и рабство в Америке, были именно выражением, только немного запоздалым, естественной гармонии? Но в таком случае не видно, чем же эта гармония отличается от дисгармонии и чем свобода гильотины лучше стеснений государственного социализма. Если же естественная гармония, понимаемая в серьезном смысле, оказывается недостаточной против экономических злоупотреблений свободного своекорыстия со стороны лиц и классов и приходится прибегнуть к ограничениям этой свободы во имя высшей правды, то позволительно ли и благородно ли вспоминать о правде только в крайнем случае, ставить ее в конце, а не в начале общественного устройства? Не только непозволительно и неблагородно, но и бесполезно. Ибо такая нравственность *ex machina* никакой внушительной и пленительной силы не имеет, никто ей не поверит, никого она ни от чего не удержит, и останется одно только голое принуждение – сегодня в одну сторону, завтра в другую.

Принцип индивидуалистической свободы интересов, когда усвоется сильными, не заставляет их сильнее трудиться, а порождает древнее рабовладельчество, средневековое господское право и современное экономическое кулачество, или плутократию. Усвоенный слабыми, которые, однако, сильны как большинство, как масса, этот принцип свободного своекорыстия не заставляет их дружнее работать, а создает только почву завистливого недовольства, на которой затем вырастают бомбы анархистов.

Бастиа, охотно выражавший свои мысли в популярных диалогах, если бы дожил до наших дней, мог бы сам играть главную роль в таком, например, разговоре: Анархист. Из особого благорасположения к вам, г. Бастиа, предупреждаю вас: убирайтесь отсюда куда-нибудь подальше, ибо я намерен

немедленно взорвать эту местность по случаю присутствия в ней разных тиранов и эксплуататоров.

Бастиа. Какое ужасное положение! Но подумайте: ведь вы окончательно компрометируете принцип человеческой свободы!

Анархист. Напротив — мы его осуществляем.

Бастиа. Кто внушил вам эти адские идеи?

Анархист. Вы.

Бастиа. Какая неправдоподобная клевета!

Анархист. Нет, это точная истина. Мы ваши ученики. Разве вы не доказывали, что корень всего зла есть вмешательство общественной власти в свободную игру единичных интересов, разве вы не осуждали беспощадно всякую намеренную организацию труда, всякий принудительный общественный порядок? Но то, что осуждено как зло, должно быть разрушено. Мы переводим в дело ваши слова и избавляем вас от черной работы.

Бастиа. Я боролся только против государственного вмешательства в экономическую жизнь и против искусственных организаций труда, выдумываемых социалистами. *Анархист.* Нам нет дела до социалистов; если они фантазируют, тем хуже для них. Мы не фантазируем. Мы восстаем против одной только организации,— против той, которая действительно существует и называется общественным порядком. Эти города и фабрики, биржи и академии, администрация, полиция, войско, церковь — разве все это из земли выросло, разве это не произведения искусственной организации? Значит, по-вашему же, все это есть зло и должно быть уничтожено...

Бастиа. Если бы и так, то во всяком случае не путем насилий и бедствий!

Анархист. Что такое бедствие? Вы же прекрасно объяснили, что из кажущихся бедствий выходит действительное общее благо, вы во всех случаях так остроумно различали между тем неважным, что видно, и тем важным, чего не видеть. В настоящем случае то, что видно, - это летящие коробки от сардинок, разрушенные здания, изуродованные трупы - это видно, но не важно; а то, чего не видно и что есть единственно важное, - это будущее человечество, в котором не будет уже никакого «вмешательства» и никакой «организации» - за истреблением тех лиц, учреждений и классов, которые могли бы вмешиваться и организовать. Вы проповедовали принцип анархии, мы произведем анархию на деле...

Бастиа. Жандарм, жандарм! Хватайте его скорее, пока он нас с вами не взорвал. Что же вы? О чем вы размышляете?

Жандарм. Я размышляю вот о чем. С точки зрения свободного индивидуального интереса, на которую я тоже стал, прочтя ваши красноречивые доводы, что для меня выгоднее: взять ли этого молодца за шиворот или же поскорее вступить с ним в естественную гармонию интересов?

5.

Вопреки мнимой экономической гармонии очевидность заставляет признать, что, Исходя из частного, материального интереса как цели труда, мы приходим не к общему благу, а только к общему раздору и разрушению. Напротив, идея общего блага в истинном, нравственном смысле, т. е. блага всех и каждого, а не большинства только, идея такого блага, поставленного как принцип и цель труда, включает в себе и удовлетворение всякого частного интереса в его должных пределах. Если с нравственной точки зрения всякий человек — будь он земледельцем, писателем или банкиром — должен трудиться с сознанием и желанием общепольности своего труда, если он должен смотреть на него как на обязанность исполнения воли Божией и служения всеобщему благосостоянию ближних, то эта обязанность, именно как всеобщая, предполагает, что все таким же образом должны относиться к этому человеку, т. е. ставить его не как орудие только, но и как предмет или цель общей деятельности, что общество имеет обязанность признавать и обеспечивать право каждого на самостоятельное пользование — для себя и для своих — достойным человеческим существованием) Достойное существование возможно при добровольной нищете, которую проповедывал св. Франциск и в которой живут наши странствующие богомольцы; но оно делается невозможным при такой работе, в которой все значение человека сводится к роли простого орудия для производства или перемещения вещественных богатств. Вот, например: «Смотрим на работу крючников; несчастные, полуголые татары выбиваются из сил; больно смотреть, как сразу оседает согнутая спина под грузом от 8 до 18 пудов (я не преувеличиваю в последней цифре); этот каторжный труд оплачивается пятью рублями с тысячи пудов. Крючник может заработать максимум рубль в сутки, неся работу вола и непременно надрывая свои силы; более 10 лет такой каторги редко кто выдерживает, и двуногие вьючные животные делаются калеками, паралитиками...» Кто не видал волжских «крючников», тот, наверное, видел в больших гостиницах «коридорных», которые, задыхаясь и надрываясь, тащат многопудовые сундуки на четвертый или пятый этаж. И это в век машин и всяких утонченностей! Никого не поражает наглядная

несообразность: приезжает в гостиницу постоялец с поклажей; хотя ему самому взойти на лестницу было бы только полезным упражнением, но он садится в подъемную машину, а вещи его, для которых, казалось бы, машина именно и предназначена, взваливаются на спину «коридорного», который, таким образом, оказывается даже не орудием другого человека, а орудием его вещей, орудием орудия!

Кроме тех случаев, когда труд несовместим с человеческим достоинством по своему исключительно и грубо механическому характеру и по чрезмерному напряжению мускульной силы, которого он требует, такая же несовместимость с человеческим достоинством или безнравственность работы должна быть признана и тогда, когда труд, сам по себе не тяжелый и не унижительный, по своей ежедневной продолжительности поглощает все время и все силы рабочего, так что те немногие часы, которые прерывают работу, необходимо отдаются физическому отдыху, а для мыслей и забот идеального и духовного порядка не остается времени и сил. Кроме часов отдыха существуют, конечно, целые дни отдыха – воскресенье и другие праздники. Но истощающий и притупляющий физический труд, которым заняты все будни, вызывает в праздник естественную реакцию – потребность разгула и самозабвения, которым и отдаются эти дни. «Но не будем долго останавливаться на впечатлении, которое производят отдельные, хотя бы и многочисленные факты, доступные нашему наблюдению. Обратимся к статистике и спросим ее, насколько заработная плата удовлетворяет необходимые потребности работника? Оставляя в стороне размеры заработной платы в разных видах труда, качество пищи, размеры жилища, мы спросим статистику только о продолжительности жизни людей в зависимости от их занятий. На что мы получаем такой ответ: сапожники живут в среднем 49 лет, книгопечатники – 48,3, портные – 46,6, столяры – 44,7, кузнецы – 41,8, токари – 41,6, каменотесы – 33. А средняя жизнь чиновников, капиталистов, духовных, оптовых торговцев составляет 60 – 69 лет.

Возьмем данные о смертности в зависимости от размеров жилищ и высоты квартирной платы по частям города – и мы найдем, что в местностях города, населенных бедными, преимущественно рабочими людьми с низкой квартирной платой, смертность гораздо выше, нежели в частях города с относительно большим числом богатых обитателей. Для Парижа эту связь установил Вилларме еще в 20-х годах настоящего века: он вычислил, что за пятилетие 1822 - 26 гг. во II округе Парижа, со средней годовой платой за квартиру в 605 франков, 1 умерший

приходился на 71 жителя, а в X11, со средней квартирной платой в 148 фр., умирал 1 из 44. Однородные данные имеем мы и для многих других городов, в том числе и для Петербурга». Отсюда выводится следующее справедливое заключение: «Кто не считает работника орудием производства, а признает в нем, как и в каждом человеке, свободную и самоцельную личность, тот не может считать нормальной среднюю жизнь в 40 лет, если люди зажиточных классов доживают в среднем до 60 – 70. Эту возможно долгую в современных общественных условиях жизнь мы считаем нормальной. Всякое отклонение от этого уровня вниз, если оно не может быть объяснено особенностями данных занятий, должно быть приписано только чрезмерному труду и 'недостаточному доходу, не позволяющему покрыть самые необходимые потребности, удовлетворить наименьшие требования гигиены относительно пищи, одежды и жилища».

Безусловное значение человека основано, как Мы знаем, на лежащей в его разуме и воле возможности бесконечного совершенствования, или, по выражению отцов церкви, обожествления. Эта возможность не переходит у нас в действительность непосредственно, одним полным актом, потому что тогда человек был бы уже равен Богу, что противно истине, эта внутренняя потенция становится все более и более действительностью, для чего требуются определенные реальные условия. Обыкновенный человек, на многие годы оставленный на необитаемом острове или в абсолютно одиночном заключении, не только лишен возможности улучшаться умственно и нравственно, но обнаруживает, как известно, быстрый прогресс в направлении к явному звероподобию. Так же, в сущности, и человек, всецело поглощенный материальной работой, если не впадает в полное одичание, то во всяком случае не может уже думать о деятельном осуществлении своего высшего человеческого значения. Итак, с нравственной точки зрения требуется, чтобы всякий человек имел не только обеспеченные средства к существованию (т. е. пищу, одежду и жилище с теплом и воздухом) и достаточный физический отдых, но чтобы он мог также пользоваться и досугом для своего духовного совершенствования. Это и только это требуется безусловно для всякого крестьянина и рабочего, лишнее же от лукавого.

Противники нравственного улучшения социально-экономических отношений утверждают, что так как для доставления рабочим сверх обеспеченного материального существования еще досуга для возможного обеспечения их умственного и нравственного развития потребуется, не понижая заработной платы, сократить число рабочих часов, то это приведет

и к сокращению производства, т. е. к экономическому упадку или регрессу. Допустим пока, что сокращение рабочих часов при той же заработной плате действительно ведет неизбежно к сокращению производства. Но почему временное (однократное) сокращение производства есть непременно упадок или регресс? Ведь после приведения рабочего времени к известной норме положительные причины, обуславливающие увеличение производства, каковы: технические усовершенствования, пространственное сближение областей и стран вследствие новых путей сообщения и бытовое сближение различных классов все эти причины, вполне или отчасти независимые от заработной платы и рабочего времени, будут продолжать свое действие, и общее количество производства опять начнет возрастать; даже и в то время, когда это возрастание еще не достигнет прежнего уровня, производство предметов жизненной необходимости для отдельных людей и для государства, очевидно, не сократится, и все сокращение падет только на предметы роскоши. Но какая же грозит беда обществу от того, что золотые часы, атласные юбки и бархатные стулья будут вдвое или хотя бы втрое дороже? Но, скажут, уменьшение рабочего времени при той же плате есть прямой убыток для предпринимателей. Без убытков для кого-нибудь нельзя вообще ничего сделать, но можно ли считать бедствием и обидой то обстоятельство, что некоторые капиталисты-фабриканты вместо миллиона будут получать пол-миллиона, вместо ста тысяч пятьдесят? Разве этот, без сомнения, необходимый и важный общественный класс непременно должен состоять из людей скупых, жадных и своекорыстных? Я знаю капиталистов, совершенно свободных от такого порока, а те, которые ему подвержены, имеют право на то, чтобы общество их пожалело и не потворствовало такому ненормальному и опасному состоянию их душ.

Ходячие социалистические декламации против богатых, внушаемые низменной завистью, противны до тошноты, требования уравнивания имуществ неосновательны до нелепости*. (*Диаметральная противоположность между социализмом и христианством была много раз отмечаема, но ее сущность большею частью ошибочно понимается. Более остроумно, нежели глубоко, ходячее замечание, что социализм требует, чтобы бедные отнимали у богатых, тогда как евангелие хочет, чтобы богатые давали бедным. Противоположность лежит гораздо глубже – в нравственном отношении к самим богатым: социализм им завидует, а евангелие их жалеет, жалеет в виду тех препятствий, которые связь с Маммоном полагает для нравственного совершенствования: трудно богатым войти в Царствие Божие.

Между тем социализм самое это царствие, т. е. высшее благо и блаженство, полагает не в чем ином, как именно в богатстве, только иначе распределенном. То, что для одного есть препятствие, то для другого есть цель: если это не антитеза, то я не знаю, что назвать этим именем.).

Но одно дело – нападать на частное богатство как на какое-то зло само по себе, и другое дело – требовать, чтобы это богатство, как благо относительное, было согласовано с общим благом в смысле безусловного нравственного начала; одно дело стремиться к невозможному и ненужному уравниванию имуществ, а другое дело – при сохранении имущественного превосходства за тем, кто его имеет, признавать за всеми право на необходимые средства для достойного человеческого существования.

Помимо неверных заключений, которые выводятся противниками нравственного упорядочения хозяйственных отношений из их основного утверждения, правы ли они в самом этом утверждении, то есть нормирование рабочего времени и заработной платы непременно ли сокращает на некоторое время данное производство (хотя бы предметов роскоши) и причиняет соответствующий убыток фабрикантам? Это было бы так, если бы количество (не говоря уже о качестве) производства зависело всецело от числа часов, на него потраченных. Но какой же мыслящий и добросовестный политико-эконом решится серьезно утверждать такую чудовищную нелепость? Легко понять, что истощенный, оупелый и ожесточенный от непосильного труда работник может произвести в 16 часов меньше, чем тот же работник произведет в 8 часов, если он будет работать бодро, усердно, с сознанием своего человеческого достоинства и с уверенностью в своей нравственной солидарной связи с обществом или государством, которое не эксплуатирует его, а заботится о нем. Таким образом, Нравственное упорядочение экономических отношений было бы вместе с тем и экономическим прогрессом.

6.

Нравственная философия, занимаясь организацией человеческих отношений, в настоящем случае экономических, имеет в виду не те или другие частные определения и формы, которые будут затребованы самою жизнью и осуществлены деятельностью людей профессиональных и властных, теоретиков и практиков, нравственная философия имеет в виду только те непреложные, из самой идеи добра вытекающие условия, без исполнения которых никакая данная организация не может быть нравственною. Для нас всякая общественная организация

интересна и желательна, лишь поскольку в ней воплощается нравственное начало, поскольку ею оправдывается добро. Прожектерство и прорицательство не есть дело философской науки, она не может ни предлагать определенных планов общественного устройства, ни даже знать, захотят ли вообще люди и народы устроить свои отношения согласно требованиям безусловного нравственного начала. Ее задача по своей ясности и независимости от каких-нибудь внешних обстоятельств равна задачам чистой математики. При каких условиях отрезок трехугольной призмы равен трем пирамидам? При каких условиях общественные отношения в данной сфере соответствуют требованиям нравственного начала и обеспечивают данному обществу прочное существование и постоянное совершенствование?

Мы уже знаем два условия, при которых общественные отношения в области материального труда становятся нравственными. Первое, общее условие состоит в том, чтобы область экономической деятельности не обособлялась и не утверждалась как самостоятельная, себедовлеющая.

Второе условие, более специальное, состоит в том, чтобы производство совершалось не на счет человеческого достоинства производителей, чтобы ни один из них не становился только орудием производства, чтобы каждому были обеспечены материальные средства к достойному существованию и развитию. Первое требование имеет характер религиозный: не ставить Маммона на место Бога, не признавать вещественное богатство самостоятельным благом и окончательною целью человеческой деятельности, хотя бы в сфере хозяйственной *(Признание материального богатства целью экономической деятельности может быть названо первородным грехом политической экономии, так как в этом виновен еще Адам Смит.); второе есть требование человеколюбия: жалеть труждающихся и обремененных и не ценить их ниже бездушных вещей. К этим двум присоединяется необходимо еще третье условие, на которое, насколько мне известно, еще никто не обращал серьезного внимания в этом порядке идей. Разумею обязанности человека как хозяйственного деятеля относительно той самой материальной природы, которую он призван в этой сфере обрабатывать. Эта обязанность прямо указана в заповеди труда: возделывать землю **. (**«Еврейские слова «лаобод эф гадаама» (Быт. 111 23) значат буквально «чтобы служить земле» - служить, разумеется, не в смысле религиозного культа (хотя слово обод употребительно и в этом значении), а в том смысле, в каком ангелы служат человечеству или воспитатель служит детям и т. п.). Возделывать землю – не значит

злоупотреблять ею, истощать и разрушать ее, а значит улучшать ее, вводить ее в большую силу и полноту бытия.

Итак, не только наши ближние, но и материальная природа не должна быть лишь страдательным и безразличным орудием экономического производства или эксплуатации. Она не есть сама по себе, или отдельно взятая, цель нашей деятельности, но она входит как особый, самостоятельный член в эту цель. Ее подчиненное положение относительно Божества и человечества не делает ее бесправною: она имеет право на нашу помощь для ее преобразования и возвышения. Вещи не имеют прав, но природа или земля не есть только вещь, она есть овеществленная сущность, которой мы можем, а потому и должны способствовать в ее одухотворении. Цель труда по отношению к материальной природе не есть пользование ею для добывания вещей и денег, а совершенствование ее самой – оживление в ней мертвого, одухотворение вещественного. Способы этой деятельности не могут быть здесь указаны, они составляют задачу искусства (в широком смысле греческой *тхнэ*). Но прежде всего важно отношение к самому предмету, внутреннее настроение и вытекающее из него направление деятельности. Без любви к природе для нее самой нельзя осуществить нравственную организацию материальной жизни.

Возможно троякое отношение человека к внешней природе: страдательное подчинение ей в том виде, как она существует, затем деятельная борьба с нею, покорение ее и пользование ею как безразличным орудием и, наконец, утверждение ее идеального состояния — того, чем она должна стать через человека. Первое отношение несправедливо вполне и к человеку, и к природе: к человеку потому, что отнимает у него его духовное достоинство, делая его рабом материи; к природе потому, что, преклоняясь перед нею в ее данном несовершенном и извращенном состоянии, человек тем самым отнимает у нее надежду совершенства.

Второе, отрицательное отношение к природе должно быть признано относительно нормальным в смысле временного или переходного; ибо ясно, что для сообщения природе должного вида необходимо прежде отнестись к ней отрицательно в ее нынешнем, недолжном виде. Но безусловно нормальным и окончательным следует, разумеется, признать только третье, положительное отношение, в котором человек пользуется своим превосходством над природою не для своего только, но и для ее собственного возвышения. Легко заметить, что троякое отношение человека к земной природе вне его есть только расширенное повторение такого же отношения его к собственной его материальной природе. И здесь мы необходимо различаем отношение

ненормальное (страдательное), нормальное (положительно-деятельное) и переход от первого ко второму (отрицательно-деятельное): плотский человек подчиняется и отдается своей материальной жизни в ее недолжном, извращенном виде; аскет борется с плотью, чтобы подавить ее; совершенный праведник, пройдя через такую борьбу, достигает не уничтожения своей телесности, а ее преобразования, воскресения и вознесения. Как в личной жизни аскетизм, или подавление плоти, так точно в общей жизни человечества борьба с внешнею, земною природой и покорение ее есть только необходимый переход, а не окончательная норма деятельности: нормальная деятельность здесь есть культивирование земли, ухаживание за нею ввиду ее будущего обновления и возрождения.

7.

Действующая или производящая причина труда дана в потребностях человека; эта причина имеет силу для всех факторов производства, являющихся попеременно то подлежащими, то предметами потребности: рабочий, как живое существо, имеет потребность в средствах к существованию, и он же, как рабочая сила, есть предмет потребности для предпринимателя или капиталиста, который в свою очередь, как наниматель, есть предмет потребности для рабочего и в этом смысле ближайшая действующая причина, определяющая его к труду; в подобном же взаимодействии те же люди, как производители вообще, находятся к потребителям и т. д. Материальная (и инструментальная) причина труда и производства дана в силах природы, с одной стороны, в различных способностях и силах человека – с другой. Но эти экономические причины двоякого рода (т. е. действующие и материальные), с разных сторон изучаемые политической экономией и статистикой, имеют свойство физической безграничности и нравственной неопределенности. Потребности могут возрастать и осложняться до бесконечности; кроме того, и потребности, и способности могут быть разного достоинства, наконец, силы природы могут быть употребляемы в самых различных направлениях. Все это вызывает практические вопросы, на которые политическая экономия сама по себе, как наука, ограниченная материальною и фактической стороною дела, не может дать никакого ответа. Многие люди имеют потребность в порнографии; должна ли эта потребность удовлетворяться производством непристойных книг, картин, безнравственных зрелищ? Иные потребности, а равно и способности имеют явно извращенный характер; так, у многих известные положительные качества ума и воли вырождаются в

особую способность к ловкому устройству мошеннических афер на легальной почве; следует ли допускать свободное развитие этой способности и образование из нее особой профессии или отрасли труда? На подобные вопросы политическая экономия, как такая, очевидно, ничего не может отвечать, это ее вовсе не касается; однако это прямо касается признанных интересов общества, которое и здесь не может ограничиться одною материальною и фактическою стороною явлений, а должно подчинить их высшей причинности, различая между нормальными и ненормальными потребностями и способностями, между нормальным и ненормальным употреблением сил природы.

Так как фактическое существование потребностей, с одной стороны, сил и способностей – с другой, не решает практического вопроса, в какой мере следует удовлетворять первые и в каком смысле пользоваться вторыми, то за решением приходится обратиться к нравственному началу, как определяющему именно то, что должно делаться. Оно не создает факторов и элементов труда, но указывает, как поступать с данными. Отсюда новое понятие труда, при всей своей общности более определенное, чем то, которое дается политическою экономіею самою по себе, или отдельно взятою. Для нее труд есть деятельность человека, вытекающая из его потребностей, обусловленная его способностями, прилагаемыми к силам природы, и имеющая целью произведение наибольшего богатства. А с точки зрения нравственной труд есть взаимодействие людей в области материальной, которое, в согласии с нравственными требованиями, должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должно преобразовать и одухотворить материальную природу. Такова сущность труда со стороны его высшей причинности, формальной и конечной, без которых две низшие остаются практически неопределенными. Дальнейшие условия нормальной экономической жизни выясняются при разборе понятий собственности и обмена.

8.

Все острые вопросы экономической жизни тесно связаны с понятием собственности, которое, однако, само по себе более принадлежит к области права, нравственности и психологии, нежели к области отношений хозяйственных. Уже это обстоятельство ясно показывает, как ошибочно стремление обособить экономические явления в совершенно самостоятельную и себе довлеющую сферу.

Неотъемлемое основание собственности, как справедливо признают все серьезные философы новых времен, заключается в самом существе человеческой личности. Уже в содержании внутреннего, психического опыта мы необходимо различаем себя от своего, все являющиеся в нас мысли, чувства и желания мы различаем как свои от того, кому они принадлежат, т. е. от себя, как мыслящего, чувствующего, желающего. Притом отношение здесь двоякое. С одной стороны, мы непременно ставим себя выше своего, ибо мы признаем, что наше существование никак не исчерпывается и не ограничивается теми или другими душевными состояниями, что эта мысль, это чувство, это желание могут исчезнуть, а мы сами остаемся. Это есть основное выражение человеческой личности в ее формальной безусловности, совершенно независимо от метафизического вопроса о душе как субстанции. Но, с другой стороны, мы сознаем, что если у нас отнять все душевные состояния вообще, то мы сами превратимся в пустое место, так что для действительности и полноты бытия недостаточно «себя», а необходимо иметь «свое». Причем уже в этой внутренней, психической сфере это «свое» не всегда есть безусловная принадлежность лица и не находится с ним в одинаково тесной связи. Есть душевные состояния, которые по содержанию своему выражают ближайшим, прямым или непосредственным образом нечто существенное и основное в данной индивидуальности и потому в известном смысле с нею нераздельны. Так, когда кто имеет непоколебимую, убежденную веру в Бога, то эта вера есть уже неременная его принадлежность — не в том смысле, чтобы он должен был всегда актуально иметь в уме своем утвердительную мысль о Боге, с соответствующими чувствами и стремлениями, а только в том смысле, что каждый раз, как идея Бога действительно возникает в его душе, или каждый раз, как ставится перед ним вопрос о Боге, непременно следует определенный, положительный ответ, сопровождаемый соответственными состояниями чувства и воли.

Другие душевные состояния, напротив, суть лишь поверхностные и преходящие реакций личного существа на внешние воздействия — случайные как по их содержанию, так и по возникновению, хотя бы и обусловленные более или менее сложною ассоциацией идей и другими душевными и телесными процессами; так, когда в ком-нибудь возникает мысль о пользе или вреде велосипедов, желание выпить пива, чувство негодования по поводу какого-нибудь лживого сообщения в газетах и т. п., совершенно ясно, что такие случайные состояния весьма слабо связаны с тем, кому они принадлежат, и что с их

исчезновением он ничего не теряет и никакой существенной перемены не испытывает. То есть, наконец, и такие душевные явления, в которых, независимо от их содержания и поводов возникновения, нельзя вовсе усмотреть действительной реакции того индивидуального существа, которое их испытывает, так что самая эта их принадлежность ему должна быть признана мнимой. Таковы весьма трудные для теоретического объяснения, но совершенно несомненные факты внушенных (гипнотически или иначе) мыслей, чувств и желаний с вытекающими из них действиями. Впрочем, помимо этих необыкновенных явлений достаточно указать на общепризнанную в науке и жизни неменяемость известных поступков лицам, явно их совершившим; так как большая часть подобных поступков все-таки обусловлена со стороны действующего соответствующими представлениями, чувствами и стремлениями, то признание неменяемости предполагает, что известные душевные состояния не суть свои. или собственные, для лица, их испытывающего.

Итак, уже в области внутренней, психологической жизни мы находим только относительную и неодинаковую собственность, начиная от того «сокровища», в которое человек «полагает душу свою» " и которое. однако, может быть у него отнято, и кончая такими состояниями, которых принадлежность ему оказывается совершенно мнимой.

Подобную же относительность находим мы и в сфере внешней собственности. Ближайший предмет ее есть собственное тело, которое, однако, лишь более или менее принадлежит человеку, во-первых, в том естественном смысле, что само лицо не может считать в одинаковой степени своими и такие органы или части тела, без которых земная жизнь вовсе невозможна (как голова или сердце), и такие, без которых она хотя возможна, но не красна (как, напр., «зеница ока»), и, наконец, такие, которых потеря не составляет никакой беды (как ампутированный палец или вырванный зуб, не говоря уже о ногтях, волосах и т. п.), но если, таким образом, реальная связь лица с его телом есть относительная и неравномерная, то, значит, нет естественного основания для абсолютной собственности на тело, или для абсолютной телесной неприкосновенности. А с точки зрения безусловного нравственного начала телесная неприкосновенность каждого не есть что-нибудь отдельное, а связана с общими нормами, обязательными для всех, и, следовательно, несовместима с нарушением этих норм. Если я имею не только право, но и обязанность насильно удерживать человека, наносящего обиду незащитному существу, то я тем самым признаю и за другим

такое же право и такую же обязанность телесного принуждения надо мною в подобном случае.

С другой стороны, если понимать собственность в строгом смысле, как *jus utendi et abutendi re sua* (право употребления и злоупотребления своею вещью), то по отношению к своему телу такое право не признается безусловным: оно и с этой стороны ограничено справедливыми соображениями общего блага, которые нашли себе выражение в уголовном законодательстве всех времен и стран. Если полнота физических сил человека нужна, например, для защиты отечества, то даже такое легкое «злоупотребление» своим телом, как отрезание пальца, уже признается преступлением. Но и вне таких особых условий далеко не всякое распоряжение человека своим телом признается дозволенным.

Каковы бы, впрочем, ни были нравственно-социальные ограничения в праве собственности человека на его тело, во всяком случае эта собственность (так же, как и принадлежность человеку его душевных состояний) основана прямо на естественной, произвольной существующей связи между собою и своим и вообще не подлежит спору. Что касается до внешних вещей, то здесь самое основание принадлежности их тому или другому лицу или их усвоения им не дано непосредственно и требует объяснения. Даже в тех случаях, когда, по-видимому, между лицом и вещью существует самая тесная связь, как, например, между необходимым платьем и тем, на ком оно в данную минуту надето, вопрос о собственности все-таки остается открытым, так как это платье может быть вовсе не свое, а чужое, украденное. С другой стороны, человек, живущий в Петербурге или Лондоне, может иметь в Восточной Сибири недвижимое имущество, которого он никогда не видал и не увидит. Если, таким образом, присутствие теснейшей реальной связи между лицом и вещью (как в первом случае) нисколько не ручается за собственность, а отсутствие всякой реальной связи (как во втором случае) не препятствует собственности, то, значит, реальная связь здесь вообще ни при чем и собственность на вещи должна иметь идеальное основание. По общепринятому философскому определению, собственность есть идеальное продолжение личности в вещах, или ее перенесение на вещи.

Но каким же образом и на каком основании совершается это перенесение себя на другое, в силу чего это другое делается своим? Это не может быть сделано одним актом личной воли; его вообще достаточно только для перемещения уже существующего права собственности (через завещание, дар и т. п.), а никак не для создания самого права. Создается же оно, как обыкновенно принимают, только двумя прямыми и первоначальными

способами: завладением и трудом. Завладение в собственном смысле, т. е. без всякого специального труда (напр., военного), одним, из простого акта воли вытекающим, захватом, создает особое право собственности, или «право первого занимающего» (*jus primi occupantis*), только в тех исключительных и все реже и реже встречающихся случаях, когда захватываемое есть предмет никому не принадлежащий (*res nullius*).

Существенным основанием собственности, по общему мнению, остается труд. Производство своего труда и усилия, естественно, становится своим, делается собственностью. Однако и это основание хромает. Если бы оно было достаточным, то следовало бы признать детей собственностью матери, которая их произвела не без труда и усилий.

Приходится допустить ограничение и заранее исключить из числа предметов собственности человеческие существа, что может быть сделано только в силу принципов, совершенно посторонних экономической области, как такой. Но тут является новое и более важное затруднение. Предметом собственности могут быть только вещи, а основанием собственности признается труд, их производящий. Это было бы хорошо, если бы труд мог производить какие-нибудь вещи, между тем труд никаких вещей не производит, а производит только полезности в вещах, но полезности, будучи только отношениями, а не реальностями, не могут быть предметом собственности. Хотя в житейском словоупотреблении, установившемся во времена наивные, и принято говорить о разных вещах, сделанных работниками, но всякий и не обучавшийся политической экономии понимает, что работники только производят в данном материале такие перемены, которые сообщают ему некоторые новые относительные свойства, соответствующие тем или другим потребностям человеческим. Что они производят этот труд не только для других людей, но и для себя, что этот труд должен давать удовлетворение их собственным потребностям,— это несомненно. «Трудящийся достоин пропитания» — это нравственная аксиома, против которой никто по совести не станет спорить. Но на чем может быть основано право собственности рабочего на так называемый продукт труда? На самом деле, труд, производящий не вещь, а только некоторое частное свойство в ней, неотделимое, однако, от целой вещи, не может давать права собственности на то, чего он не производил и что от него не зависит. Но в таком же положении, как рабочий, находится и предприниматель, от которого зависел только труд рабочего, а не реальность продукта.

Итак, реального основания, по которому производство труда должно быть предметом чьей-нибудь собственности, не существует, и нужно обратиться к основаниям идеальным.

9.

Всякий человек, в силу безусловного значения личности, имеет право на средства для достойного существования; так как у единичного человека самого по себе это право существует только в возможности, действительное же осуществление или обеспечение этого права зависит от общества, то отсюда следует соответственная обязанность лица перед обществом — быть ему полезным, или трудиться для общего блага. Только в этом смысле труд есть источник собственности: трудившийся имеет неотъемлемое право собственности на то, что им заработано. Но так как заработная плата может быть только регулируема обществом (т. е. общою властью или правительством) в известных пределах, требуемых нравственным началом (т. е. не ниже некоторого минимального уровня), а никак не предписывается с безусловною точностью и так как, с другой стороны, потребности и условия достойного существования представляют и в нормальном обществе лишь приблизительно определенную и постоянную величину, то для отдельных лиц является возможность сбережения или накопления материальных средств, т. е. образование капитала. Видимой, реальной связи между капиталом и человеком, его накопившим, конечно, еще меньше, нежели между рабочим и тою вещью, над которой он работал, но тесная и всецелая идеальная связь здесь очевидна: капитал, как такой, по общему существу своему (а не по обстоятельствам своего происхождения в единичных случаях) есть чистое произведение человеческой воли, ибо первоначально от нее зависело отложить часть заработка или же употребить и эту долю на текущие потребности. Поэтому капитал по справедливости должен быть признан собственностью по преимуществу *. (Я указал на источник капитала в простейшей нормальной схеме. Но и при всевозможных аномалиях, сопровождающих возникновение и образование капиталов в действительности, существенное значение воли, или практической силы духа, остается. Раз несомненно, что всякое богатство можно промотать, то один факт его сохранения есть для сохранившего очевидная заслуга воли, исчезающая в сравнении с заслугами иного, высшего порядка. Но при отсутствии таковых, несомненно, имеющая свою важность.

В понятии собственности заключается понятие свободного распоряжения предметом собственности. Должна ли эта свобода быть допущена безусловно, покрывая безразлично и употребление

и злоупотребление имуществом? Так как вообще осуществление какого бы то ни было права возможно только при обеспечении его обществом, то не видно, во имя чего общество стало бы обеспечивать личное злоупотребление правом, идущее вразрез с общим благом. Из того, что личность, согласно нравственному началу, имеет безусловные и неотъемлемые права, никак не следует, что-бы всякий акт ее воли был выражением такого неприкосновенного права. Подобное допущение помимо отсутствия для него разумных оснований практически само себя уничтожает, ибо воля, нарушающая всякое право, оказалась бы тоже неприкосновенною, и, следовательно, никакого неприкосновенного права не осталось бы. А если позволительно и даже должно мешать человеку злоупотреблять своими руками (например, для убийства), то так же позволительно и должно мешать ему злоупотреблять своим имуществом в ущерб общему благу, или общественной правде * ((Даже римское право при всем своем индивидуализме в этой области не оставляет вышеприведенную абсолютную формулу без существенного ограничения: *proprietas est jus utendi et abuteudire sua quantenus juris ratio patitur*, собственность есть право употребления и злоупотребления своею вещью, насколько терпит смысла (или разумное основание) права. Но смысл права именно требует ограничения частного произвола в пользу общего блага.)

Вопрос только в том, что считать злоупотреблением, вызывающим вмешательство общественной власти? Социализм признает таким злоупотреблением всякую передачу заработанного имущества другому лицу по наследству или по завещанию. Эта передача экономических преимуществ тем, кто их лично не заслужил, выставляется как главная неправда и источник всех социальных бедствий. Но если преемственная собственность и имеет действительные неудобства, то они исчезают перед положительною стороною этого учреждения, необходимо вытекающего из самой природы человека. Непрерывная цепь прогресса в человечестве держится сознательною преемственностью ее звеньев. Пока еще только создается будущее всецелое единство, самый прогресс его создания требует взаимной нравственной связи поколений, в силу которой одно не только следует за другим, но и наследует ему. Без намеренной и добровольной передачи нажитого будет только физическая смена поколений, повторяющих прежнюю жизнь, как у животных. Всего важнее, конечно, непрерывное умножение духовного наследия, но так как лишь немногим людям суждено завещать всемирному потомству прочные духовные приобретения – а нравственные требования одинаковы для всех, то за большинством людей

остается право и обязанность заботы о материальном улучшении жизненных условий для своих личных преемников. Кто прямо отдается всемирной будущности и уже предваряет ее идеально, тот вправе ссылаться на евангельскую беззаботность. Для подражания лилиям нужно иметь их чистоту и для подражания птицам небесным нужно иметь высоту их полета. А при недостатке того или другого житейская беззаботность может уподобить нас не лилиям и птицам небесным, а разве лишь тому животному, которое в своей беззаботности о будущем не только подкапывает корни благодетельного дуба, но при случае вместо желудей пожирает и свои собственные порождения.

Когда ставится вопрос об учреждении не безнравственном, имеющем идеальные основания, хотя соответствующем лишь среднему нравственному уровню, непозволительно серьезному моралисту забывать ту несомненную истину, что для общества гораздо труднее подняться над этим уровнем, нежели спуститься ниже его. Если бы социализм и сродные ему учения даже имели в виду сделать всякого человека ангелом, то это все равно им не удалось бы, а между тем привести людскую массу в скотское состояние вовсе не трудно. Отрицать во имя безусловного нравственного идеала необходимые общественные условия нравственного прогресса – значит, во-первых, вопреки логике смешивать абсолютное и вечное достоинство осуществляемого с относительным достоинством степеней осуществления как временного процесса; во-вторых, это означает несерьезное отношение к абсолютному идеалу, который без действительных условий своего осуществления сводится для человека к пустословию; и, в-третьих, наконец, эта мнимо нравственная прямолинейность и непримиримость изобличает отсутствие самого основного и элементарного нравственного побуждения – жалости, и именно жалости к тем, кто ее более всего требует... Проповедь абсолютной морали с отрицанием всех морализующих учреждений, возложение бремен неудобноносных на слабые и беспомощные плечи среднего человечества – это есть дело и нелогичное, и несерьезное, и безнравственное.

Наследственная собственность есть пребывающая реализация нравственного взаимоотношения в самой тесной, но зато и в самой коренной общественной сфере – семейной. Наследственное состояние есть, с одной стороны, воплощение, переживающей, чрез могильной жалости родителей к детям, а с другой стороны, реальная точка опоры для благочестивой памяти об отшедших родителях. Но с этим, по крайней мере в важнейшем отделе собственности – земельной, связан и третий нравственный момент: в отношении человека к внешней природе, т. е. земле.

Для большинства человечества это отношение может стать нравственным только под условием наследственной земельной собственности. Понимать земную природу и любить ее для нее самой дано немногим; но всякий, естественно, привязывается к своему родному уголку земли, к родным могилам и колыбелям; это есть связь нравственная и притом распространяющая человеческую солидарность на материальную природу и этим полагающая начало ее одухотворению. Здесь заключается не только оправдание существующей наследственной собственности (недвижимой), но и основание для ее дальнейшего нравственного упорядочения. Недостаточно признать в этой собственности очевидно присущее ей идеальное свойство, но необходимо укрепить и воспитать это свойство, ограждая его от слишком естественного, в данном состоянии человечества, перевеса низменных, своекорыстных побуждений. Должны быть положены решительные препятствия обращению с землею как с безразличным орудием хищнической эксплуатации и должна быть установлена в принципе неотчуждаемость наследственных земельных участков, достаточных для поддержания в каждом нравственного отношения к земле.

Но, скажут, откуда при непрерывно возрастающем народонаселении взять столько земли, чтобы не только за каждым имеющим можно было сохранить (хотя бы отчасти) то, что он имеет, но еще осталось что дать и не имеющим? Это возражение при всей своей кажущейся серьезности на самом деле или недостаточно обдуманно, или не совсем добросовестно. Предлагать обеспечение за всеми и каждым неотчуждаемых земельных участков, как безусловную, отдельную и самостоятельную меру, было бы, конечно, большою нелепостью. Эта мера может и должна быть принята лишь в связи с другим преобразованием – прекращением того хищнического хозяйства, при котором земли не только на всех, но, наконец, и ни на кого не хватит. А при установлении нравственного отношения к земле, при действительном за нею уходе, как за любимым существом. минимальный размер участка, достаточного для каждого человека, может сократиться до такого предела, что без обиды для имущих хватит земли и для всех неимущих.

Что касается до беспредельного размножения людей, то оно не утверждается ни на каком физическом, а тем менее нравственном законе. Само собою разумеется, что нормальное хозяйство возможно только при нормальной семье, которая основывается на разумном аскетизме, а не на безмерности плотских инстинктов. Безнравственная эксплуатация земли не может прекратиться, пока продолжается безнравственная

эксплуатация женщины. При недолжном отношении к своему внутреннему дому (так в писании называется жена) возможно ли должное – к дому внешнему? Может ли как следует ухаживать за землею человек, который бьет свою жену? Вообще же сущность нравственного решения экономического вопроса заключается во внутренней его связи с целою жизненною задачей человека и человечества.

10.

Как жизнь физиологическая невозможна без обмена веществ, так жизнь общественная невозможна без обмена вещей (и знаков, их представляющих). Эта важная область материально-человеческих отношений изучается в своей технике политическою экономией, финансовым и торговым правом, нравственной же философии она подлежит лишь в том пункте, в котором обмен становится обманом. Оценивать эти экономические явления и отношения сами по себе, как это делают иные моралисты, утверждать, например, что деньги – зло, что торговля не должна существовать, что банки должны быть уничтожены и т. п., есть непростительное ребячество. Осуждаемые таким образом предметы, очевидно, безразличны в нравственном отношении, или суть «вещи средние», а становятся добром и злом лишь от качества и направления воли, их употребляющей. Если нужно отказаться от денег как от зла, потому что многие люди делают зло через деньги, то необходимо также отказаться и от дара членораздельной речи, так как многие пользуются ею для сквернословия, празднословия и лжесвидетельства; пришлось бы также отказаться от огня ради пожаров и от воды ради утопленников. Но на самом деле деньги, торговля и банки не суть зло, а становятся злом или, точнее, следствием зла уже существующего и причиною нового, когда вместо необходимого обмена служат корыстному обману.

Корень зла здесь, как и во всей экономической сфере, один и тот же: превращение материального интереса из служебного в господствующий, из зависимого в самостоятельный, из средства в цель. От этого ядовитого корня идут в области обмена три зловерных ствола: фальсификация, спекуляция и ростовщичество. «Под торговлей, читаем в новейшем руководстве политической экономии, принято разуметь промыслообразное занятие покупкой и продажей товаров с целью получения прибыли». Что торговля есть покупка и продажа товаров – это лишь словесное определение, сущность дела в цели, каковою здесь признается только прибыль торговца.

Но если торговля должна быть только прибыльной, - то этим узаконяется всякая выгодная подделка товаров и всякая успешная спекуляция; и если прибыль есть цель торговли, то, конечно, она же есть и цель такой операции, как ссуда денег, а так как ссуда тем прибыльнее, чем выше процент, то этим узаконятся и неограниченное ростовщичество. Признавая же, напротив, такие явления ненормальными, необходимо признать и то, что торговля и вообще обмен может быть орудием частной прибыли лишь под неперемennым условием быть первее того общественным служением, или исполнением общественной функции для блага всех.

С этой точки зрения указанные экономические аномалии могут быть окончательно истреблены только в своем нравственном корне. А всякий понимает, что беспрепятственное увеличение растения укрепляет и его корень и распространяет его и вширь, и вглубь, и если корни очень глубоки, то прежде всего нужно рубить по стволу. Говоря без иносказаний, помимо внутренней, чисто идеальной словесной борьбы с пороком своекорыстия нормальное общество может и должно решительно противодействовать нынешними, реальными морями таким пышным произрастаниям безмерного корыстолюбия, как торговая фальсификация, спекуляция и ростовщичество.

Подделка товаров, в особенности предметов необходимого потребления, грозит общественной безопасности и есть не только безнравственное дело, но прямо уголовное преступление. Таким оно в иных случаях признается и теперь, но этот взгляд должен быть проведен более решительно. При общем преобразовании уголовного процесса и пенитенциарной системы усиленное преследование этих специальных злодеяний будет не жестоко, а только справедливо. При этом не должно забывать еще двух вещей: во-первых, что от этого зла более всего страдают люди бедные и темные, и без того обездоленные, а во-вторых, что беспрепятственное процветание этих преступлений, как и всех прочих, обидно не только для их жертв, но и для самих преступников, которые в таком общественном попустительстве могут видеть оправдание и поощрение своей безнравственности.

Финансовые операции с мнимыми ценностями (так называемые «спекуляцией») представляют, конечно, не столько личное преступление, сколько общественную болезнь, и здесь прежде всего необходимо безусловное недопущение тех учреждений, которыми эта болезнь питается. — Что касается, наконец, до ростовщичества, то единственный верный путь к его уничтожению есть, очевидно, повсеместное развитие нормального

кредита как учреждения благотворительного, а не своекорыстного.

Говоря о должных экономических отношениях в области труда, собственности и обмена, мы все время говорили о справедливости и праве, так же как эти понятия предполагались нами и в рассуждении уголовного вопроса. При этом большею частью под справедливостью и правом можно было разуметь одно и то же. Между тем понятие справедливости выражает чисто нравственное требование и, следовательно, принадлежит к области этической, тогда как правом определяется особая область отношений – юридических. Есть ли это различие только недоразумение, если же оно основательно, то в каком смысле и в какой мере? Обращаясь теперь к этому вопросу об отношении нравственности и права и ничего не предрешая о содержании нашего исследования, заметим только, что объем вопроса весьма широк, ибо с понятием права неизбежно связывается неразрывная цепь других понятий: закона, власти, правомерного принуждения, государства. Эти понятия уже подразумевались нами, когда мы говорили об организации справедливых общественных отношений, ибо ясно, что одною нравственною проповедью такая организация осуществлена быть не может.

**Булгаков
Сергій Миколайович**
(1871 – 1944)

– філософ, економіст, прихильник релігійно-ідеалістичної метафізики всеєдності. Світоглядну еволюцію мислителя цілком виразно передає заголовок його книги „Від марксизму до ідеалізму” (1903).

Його філософсько-економічна позиція знайшла цілком послідовне вираження у творі «Філософія господарства» (1912). У 1922 р. був висланий з Росії. Викладав у Празі, а з 1924 – Парижі, де очолив Православний Богословський інститут.

Булгаков С. Философия хозяйства
Глава третья
ЗНАЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

Булгаков С. Философия хозяйства. – М., Наука, 1990. – С.64 – 90.
[Ел.ресурс] <http://magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak01.htm>

І. ПОТРЕБЛЕНИЕ

Хозяйственная жизнь сводится к обмену веществ, к некоторому круговороту или чередованию вдыханий и выдыханий. На языке политической экономии вдыханиям соответствует производство, а выдыханиям – потребление. Хозяйственный круговорот складывается из этих двух актов, производства и потребления, это суть основные функции хозяйства. Поэтому общий вопрос как возможно хозяйство? распадается на два более частных вопроса, а именно: как возможно производство и как возможно потребление?

Начнем с потребления.

Всякий живой организм, как тело, как организованная материя, находится в неразрывной связи со всей вселенной в качестве ее части, ибо вселенная есть система сил, взаимно

связанных и взаимно проникающих одна другую, и нельзя сдвинуть песчинку, уничтожить хотя один атом без того, чтобы не подвиглась - в той или иной форме и степени - вся вселенная. Мыслим ли мы вселенную как систему сил или энергий, динамически, или же рассматриваем ее как находящуюся в состоянии неустойчивого равновесия, статически, все равно, в силу этой непрерывной связности всех ее частей, она является для нас единой. Предположение нескольких вселенных необходимо включало бы и их взаимодействие, т. е. только расширяло бы понятие вселенной, превращая ее в систему нескольких миров, образующих единство космоса, или же вводило бы противоречивое понятие двух (или более) систем сил, существующих рядом, но почему-то совершенно изолированных одна от другой, взаимно непроницаемых. Такая непроницаемость, такой космологический плюрализм мог бы быть допущен лишь для качественно различных миров, представляющих собой различные метафизические ступени бытия, как, напр., мир духовный и наш мир, "небо и земля", или же загробное существование человека по отношению к земному. Единство вселенной имеет аксиоматический характер для всего мироведения, им обосновывается непрерывность причинной связи, ее проникающей и устанавливающей физический коммунизм бытия. То, что я вожу сейчас пером по бумаге и произвожу новое размещение атомов чернил, бумаги, стали пера и пр., рассуждая принципиально, есть такое же космическое событие, как астрономические или геологические катастрофы, ибо изменяет физическую картину мира так же, хотя и с меньшей силой (впрочем, даже и этого нельзя сказать, ибо отсутствует соизмеримость этих событий), как и эти катастрофы. Сейчас, когда я сижу за этим столом, я испытываю на себе всю бесконечную сложность положительных и отрицательных влияний космических сил, и не только отдаленного от нас миллионами километров солнца, но и всех видимых и невидимых нам мировых солнц. Неуловимое для меня по причинам своего возникновения космическое изменение может вызвать такое состояние атмосферы, такую жару, которая оказывается способна скосить дорогую для меня жизнь или сделать мое собственное существование невозможным:

Есть некоторая космологическая карма сущего. Единство мироздания, физический коммунизм бытия, делает то, что физически все находит себя или есть во всем, каждый атом мироздания связан со всей вселенной, или, если приравнять вселенную организму, то можно сказать, что он входит в состав мирового тела.

Нельзя остановиться только на признании этого физического коммунизма бытия, ибо вселенная характеризуется не только всеобщей соотносительностью, непрерывностью и связностью мира физического вещества, но также и определенным соотношением между живым или организованным веществом и неживым или мертвым, или, иначе можно выразиться, между органическими телами и неодушевленной материей. Чрез всю вселенную проходит грань, разделяющая ее на два царства: живого и неживого. Пускай наука истощается в попытках как-нибудь перешагнуть или стереть эту грань и, не найдя ее, начинает ее порой и совсем отвергать. Она все-таки если не теоретически, то фактически существует, как есть живое и неживое. И общее соотношение между обеими областями характеризуется тем, что царство жизни делает постоянно натиск на царство безжизненности, своими теплыми щупальцами оно захватывает и уносит с собой холодные, безжизненные вещества и превращает их в живую ткань, организует мертвую материю в живое тело. Но и наоборот, не навеки сильно оно закрепить это превращение, жизнь не в состоянии прогреть своей теплотой мертвую материю настолько, чтобы она уже никогда не остывала. Приходит время, и тела - по частям или целиком - снова превращаются в мертвую материю, в первоначальную метафизическую "землю", относительно которой сказано человеку, а в лице его, конечно, всему живому: "Земля еси, и в землю отыдеши" (**Быт.** III, 19). Плотина, разделяющая воды жизни и смерти, оказывается не непроницаема: постоянно просачиваются и смешиваются они между собой. Этот коммунизм жизни и смерти, это загадочное тождество живого и мертвого, смертность всякой жизни, но и, по-видимому, жизнеспособность всего неживого, принадлежит к самым основным устоям нашего земного бытия, на которые и опирается возможность хозяйственного отношения к миру. Жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь, так гласит формула этого тождества. В развернутом и более точном виде ее следует выразить так: жизнь переходит в принципиально для себя новое или ей трансцендентное состояние безжизненности, смерти, а неживое, мертвое, возводится в иное, высшее, тоже трансцендентное для него состояние жизни. Самое это тождество, развертывающееся постоянно пред нами в неисчислимом количестве потенций и актов, есть опытный, для всех самоочевидный факт. Но философское истолкование этого факта ставит пред сознанием неразрешимую загадку жизни и смерти: как можно мыслить это тождество и этот transcensus? И что подлиннее, что изначальнее, что субстанциальнее: жизнь или смерть, начало живое или мертвое? Есть ли жизнь только

эпифеномен смерти, красивые узоры на ней, мираж, вызываемый игрой физических сил? Но тогда самое чувство жизни, самосознание ее (которое задолго предшествует самосознанию личного я) становится непостижимым чудом, к которому нет научного или логического пути, и остается только перепрыгнуть через пропасть, как это и делают догматические материалисты. Или же справедливо обратное; нет смерти, а есть только жизнь, то замирающая и как бы совсем исчезающая, но сохраняющаяся в потенции, находящаяся только как бы в обмороке, и вселенная представляет собой только развитие бесконечных потенций жизни, лестницу из ее ступеней? Этот монизм жизни, панзоизм, в противоположность монизму смерти или пантанатизму материалистов, вслед за древними мыслителями (Платоном и особенно Платином), Бёме и Баадером, Шеллингом и Вл. Соловьевым, мы считаем метафизической гипотезой, единственно способной вывести из затруднения, и материалисты, впадая в пантеистический гилозоизм, одушевляя природу, приписывая ей целесообразность, даже эстетику, ее обожествляя (как Геккель), в сущности уже отказываются от пантанатизма и приближаются к панзоизму.

Материя, организованная жизнью, есть уже *тело*; тело же есть совокупность органов, посредством которых жизнь овладевает мертвым веществом. Через тело, благодаря связности универса, жизнь в разных ее проявлениях внедряется в целый космос. Космос есть в этом смысле потенциальное тело живого существа, организм *in potentia*. Эта потенциальность может, конечно, и совсем не перейти в актуальность или же может переходить в нее по частям. Она существует в двояком смысле.

Во-первых, всякое живое тело есть организация материи, не только данного количества материи, как представляется это статически, но материи вообще, ибо динамически существует *одна* материя, *prima materia*, и эта материя («матерь жизни», *Μητηρ ζωης*, платоновский мэон), как система сил, едина и непрерывна. Животворящее начало, овладевающее этой материей, так сказать, образует в ней узелки жизни не изолированные, но динамически связанные, как система сил, находящихся в известном отношении между собою; это не отдельные и обособленные сферы жизни, но жизнь вообще, лишь в различных ее проявлениях. В бесчисленных точках и центрах жизнь организует материю, активным, мужественным началом оплодотворяет рецептивное, женственное начало, безжизненный Мэон. Эрос жизни рождается от Пороса и Пении, богатства и скудости, активности и пассивности. Идеи-формы, энтелехии, воплощаются в бесформенной пассивной материи и образуют монады. Вне этого оформления материя

находится на самой грани небытия, понимаемого в смысле метафизического несуществования (oúk óv), пребывая в состоянии полубытия, неосуществленного бытия, как чистая потенция ($\mu\eta \acute{o}\nu$).

Во-вторых, кроме этого общего и отвлеченного единства жизни и материи, активного и пассивного начала, существует еще и конкретная универсальность жизни. Она дана не только в логическом сознании, в котором идеально содержится вселенная, но и в возможном расширении чувственности живого существа, для которой принципиально нет границ, или, точнее, они совпадают лишь с границами вселенной. Органы нашего тела представляют собой как бы двери и окна во всю вселенную, и все, что входит в нас через эти окна и эти двери, и делается предметом нашего "вчувствования", а, становясь для нас ощутимым, в известном смысле есть уже наше тело. Все, что выходит из мэонически-темной области полубытия и освещается жизнью, становится уже как бы периферией нашего тела: все, что мы видим под микроскопом и чрез телескоп, - мир микроскопический, удаленный от нас глубиной пространства, и небесные светила, удаленные от нас его широтою, - все, доступное нашему познанию и так или иначе аффицирующее нашу чувственность и чрез то входящее в освещенное поле жизни, все это, т. е. потенциально вся вселенная, способно становиться нашим телом, делаться его внешним периферическим продолжением. Поэтому в пределе вся вселенная, которая, как мир внежизненного, мэонического, лишь по себе, но не для себя бытия, представляется нам под покровом механизма и под маскою безжизненного вещества, по снятии этого покрова и по удалении этой маски есть, вернее, может становиться организмом. В таком смысле следует понимать глубокомысленное выражение Шеллинга о том, что "вселенная для интеллекта (согласно нашей дедукции - для жизни) есть только более грубый и отдельный орган самосознания, так же как индивидуальный организм есть более тонкий и непосредственный его орган", и что "организм есть в общем не что иное, как уменьшенный (*zusammengezogenes*) образ вселенной". В этом смысле получает новое истолкование часто повторяемая мысль о том, что с каждым человеком рождается и умирает вселенная. Это означает, между прочим, что вселенная есть вообще поле зрения жизни, которая освещает своим светом мэоническую тьму, потенциальность материального бытия. Это выражение поэтому надо понимать гораздо буквальное, нежели это делается. Оно требует ограничения лишь с той стороны, что, благодаря множественности форм и центров жизни, она не может быть совершенно побеждена смертью, разрушающей только эти

отдельные ее центры, поэтому вселенная не может совершенно умереть, т. е. погрузиться в пустоту и бесформенность мзонического полубытия, в котором ничего не совершается и не происходит никаких событий. Итак, Жизнь и Материя (Мэон) противостоят друг другу как два полярные начала, друг друга притягивающие, обуславливающие, но вместе с тем и взаимно отталкивающиеся. Жизнь необходимо нуждается в основе, в субстрате, в косном начале, которое бы побеждалось и активировалось ее остротой, как свет предполагает тьму, тепло - холод, а радость - печаль для преодоления. Абсолютный организм вселенной, окончательная победа Жизни над Мэоном, после которой на него навсегда был бы брошен покров жизни и тем была бы окончательно изгнана смерть, и абсолютный механизм Мэона, "земля невидимая и пустая" до творческого глагола Бытия (I, 1), - вот два метафизических предела, два полюса мирового бытия. В теперешнюю мировую эпоху устойчивость не достигнута ни в ту, ни в другую форму, - ни в сторону Хаоса, Пустоты и Механизма, ни в сторону Организма, бессмертной Жизни, Полноты. Между Жизнью и Смертью идет поединок...

Однако такая борьба возможна между началами хотя и различными, даже противоположными, но все-таки между собою сродными. Точнее, следует сказать, что это борьба не двух начал, но *двух состояний* одной и той же вселенной, причем самая эта борьба есть лишь симптом болезненного состояния бытия, хотя и болезни роста: сила небытия, стихия мзонического, восстала и обособилась от силы Жизни, которой, однако, она может быть покорена. Потому только и возможно это постоянно и непрерывно происходящее частичное воскрешение или оживотворение мертвой материи, как бы приведение ее в чувство, хотя по истечении некоторого времени она снова впадает в тот же обморок. Возможность борьбы между одушевленным и неодушевленным обуславливается их существенным тождеством при различии их как состояний. Это изначальное тождество живого и неживого выражается в питании и связанном с ним росте и размножении жизни. Под питанием в широком смысле можно разуметь самый общий обмен веществ между живым организмом и окружающей его средой, так что сюда относится не только собственно еда, но и дыхание, воздействие атмосферы, света, электричества, химизма и других сил природы на наш организм, насколько в результате его получается жизнетворный обмен веществ. Питание, еще шире понимаемое, включает в себя не только обмен веществ в указанном значении, но и всю нашу «чувственность» (в кантовском смысле), т. е. способность аффицироваться внешним миром, получать от него впечатления

или раздражения чувств. Мы едим мир, приобщаемся плоти мира не только устами или органами пищеварения, не только легкими и кожей в процессе дыхания, но и в процессе зрения, обоняния, слуха, осязания, общего мускульного чувства. Мир входит в нас чрез все окна и двери наших чувств и, входя, воспринимается и ассимилируется нами. В своей совокупности это потребление мира, бытийственное общение с ним, коммунизм бытия, обосновывает все наши жизненные процессы. Сама жизнь в этом смысле есть способность потреблять мир, приобщаться к нему, а смерть есть выход за пределы этого мира, утрата способности общения с ним, и, наконец, воскресение есть возвращение в мир с восстановлением этой способности хотя бы в бесконечно расширенной степени.

Чтобы не усложнять вопроса различением частных форм питания (я сознаю, что употребляю этот термин в необычном для физиологии смысле, однако он с достаточной точностью передает требуемый оттенок мысли, именно о поддержании живого организма неживой средой), остановим внимание на питании в узком смысле, т. е. на еде. Что значит есть? Мы не свободны в выборе еды, в ней можем мы вкусить не только жизнь, но и смерть, в еде сосредоточивается борьба за жизнь и смерть или борьба за существование во всем животном мире. Без еды невозможна жизнь, нам не дано питаться через атмосферу, за нашей спиной стоит костлявая смерть и погоняет нас на поиски за едой. Что же такое еда? Для естествоиспытателя вопрос об еде есть, конечно, сложная проблема физиологических функций нашего организма, учение о питании есть глава физиологии. Однако, каковы бы ни были физиологические органы питания, биологической наукой отнюдь не устраняется и не разрешается более общий, метафизический вопрос о значении еды. Каким образом чуждая моему организму материя становится моей плотью, входит в мое тело? Или можно поставить тот же вопрос и в обратной форме: каким образом моя плоть, живое тело, превращается в мертвую материю, целиком после смерти, а по частям непрерывно в течение всей жизни в виде экскрементов, падающих волос, ногтей, испарений и т. д.? Мы имеем здесь перед собой самое яркое проявление того космического коммунизма, о котором была речь выше. В еде граница между живым и неживым реально снимается. *Еда есть натуральное причащение, - приобщение плоти мира.* Когда я принимаю пищу, я ем мировую материю вообще, я приобщаюсь плоти мира и тем самым реально, самым делом нахожу мир в себе, а себя в мире, становлюсь его частью. Непосредственно я ем вот этот хлеб. Но динамически, в силу указанного единства и связности космоса, я под видом этого

хлеба вкушаю плоть всего мира вообще. Ибо в истории этого хлеба, как и всякой частицы вещества, заключена история всей вселенной. Для того, чтобы он мог вырасти и получить теперешнюю форму, необходимо совокупное действие всего мирового механизма в его прошлом и настоящем. И не только этот хлеб, но и каждая частица нашей пищи (и каждый атом вдыхаемого нами воздуха) принципиально есть плоть мира вообще. И лишь как мировые существа, дети этого самого мира, способны мы причащаться его плоти, поддерживать ею свою жизнь, способны есть. Еда в этом смысле является обнаружением нашего существенного, метафизического единства с миром. Существа, трансцендентные этому миру, внемирные, были бы неспособны к еде, а потому и неспособны к непосредственному, прямому воздействию на этот мир; для того, чтобы получить эту способность, им надо было бы предварительно воплотиться (или "материализоваться", как это будто бы делают загробные духи на спиритических сеансах). Для мира духов, светлых или темных, так же как и для отшедших из нашего мира и находящихся в загробном состоянии душ, мир наш остается трансцендентен, для действия в нем и на него они лишены точки опоры в этом мире. Он остается для них отвлеченным представлением, а не реальностью, так же как для нас загробная жизнь. И для Бога, почтившего этот мир свободой и автономностью и потому создавшего его как вне Себя существующее, внебожественное бытие, возможно воздействовать на него только внешним, трансцендентным принуждением, как *Deus ex machina*, или новым творением. Для того же, чтобы воздействовать изнутри, как сила внутримировая и перерождающая, и Бог должен был воплотиться в мир. "И Слово плоть бысть". Бог-Слово совершает *transcensus*, из внемирного бытия Он приобщается к бытию мировому ("и с человеки поживе"), с тем чтобы, подняв его до Себя, тем спасти мир.

Если еда есть причащение плоти мира, независимо от своей формы и количества, то вкушение Тела и Крови Христовой под видом хлеба и вина есть причащение плоти Сына Божия, обоженной мировой плоти, которое тоже можно мыслить только динамически. И как пища поддерживает смертную жизнь, так евхаристическая трапеза есть приобщение к бессмертной жизни, в которой окончательно побеждена смерть и преодолена мертвенная непроницаемость материи. Она имманентна нашему миру, как обоженная плоть его, но она и трансцендентна его теперешнему состоянию. Воплощением Бога создана новая, духовная плоть, - мировая плоть возведена в высшую, бессмертную потенцию, и предварение ее грядущего

преображения ощутимо в таинстве. В этом смысле можно сказать, что священная пища Евхаристии, "лекарство бессмертия" (φάρμακον τῆς ἀθανασίας), есть пища, но потенцированная, она питает в жизнь бессмертную, отделенную от теперешней порогом смерти и воскресения. "Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне и Я в нем... ядущий Меня жить будет Мною" (**Ин.** VI, 56-57). Подобно тому, как, вкушая плоть мира, мы принимаем в себя мир с смертной его жизнью, и вкушающие эту пищу умирают, так вкушающие "хлеб, сшедший с небес", принимают в себя его животворящую силу. "И Я воскрешу его в последний день" (**Ин.** VI, 54), дает им обетование Христос. В этом смысле можно сказать, что самое великое христианское таинство предваряется столь основным актом жизни, как еда, или причащение плоти мира; предварение этого таинства, стремление получить в натуральном приобщении плоти мира благодатное, исцеляющее причащение объясняет происхождение и языческих натуральных таинств, напр., греческих мистерий.

Итак, возможность *потребления* принципиально основана на метафизическом коммунизме мироздания, на изначальном тождестве всего сущего, благодаря которому возможен обмен веществ и их круговорот, и прежде всего предполагает единство живого и неживого, универсальность жизни. Только потому, что вся вселенная есть живое тело, возможно возникновение жизни, ее питание и размножение. Конечно, это утверждение нельзя понимать как положение научного естествознания, ибо оно противоречит основным его фактам и устоям. Естествознание исходит - и по-своему вполне справедливо - из различения живого и неживого, а не отождествления. Для него грань, разделяющая органическое и неорганическое, живое и мертвое, остается незыблемой, и этим обуславливается твердость его позиции. Однако выставленное здесь утверждение нисколько не вторгается в компетенцию естествознания, оно идет, так сказать, *поверх* этих частных истин естествознания. Оно вытекает из такого миропонимания, которое отлично мирится со всеми раздроблениями и расщеплениями природы в естествознании. Естествознание во всем сложном составе своих дисциплин, в интересах изучения и самой возможности его, расщепляет природу, из единого целого создает массу отдельных препаратов и ставит по поводу их великое множество проблем. Элементы природы, устанавливаемые естествознанием, обладают в высшей степени различными свойствами и почти непреходимы один в другой, Целое природы в его непосредственности улечивается бесследно, природа умирает в естествознании. Она подобна трупу, мускулы и нервы которого изучаются в анатомическом театре. И

как после обособленного изучения всех органов труп обратным сложением их не удастся собрать даже мертвого, а не только живого тела, так и естествознание, существующее только в отдельных отраслях - ибо природоведения как целого нет, - не в состоянии синтетически сложить мир из своих разрозненных элементов. Он остается рассыпанным и мертвым. Идеалом естествознания, конечно, является преодоление этой обособленности изучения, теоретического природо-убийства, благодаря которому изучается только труп природы.

Если бы совершилось такое преодоление, тем самым была бы побеждена и обособляющая деятельность отдельных естественнонаучных дисциплин и была бы показана вся относительность этих различий, которая не уничтожает изначального единства или тождества природы. Но то, что является лишь идеалом природоведения, которому теперешнее его состояние не только не соответствует, но и прямо противоречит, все-таки остается бесспорно, как априорное, метафизическое предположение всякого научного опыта. Но это же изначальное тождество или единство природы получает наглядное и, можно сказать, аподиктическое удостоверение в факте *потребления*, в котором снимается грань между живым и мертвым, одушевленным и неодушевленным. В нем природа имеет удостоверение в возможности всеобщего одушевления. Следовательно, при всем различии и своеобразии элементов природы, форм материи и ее состояний, при полном признании *principium individuationis et differentiae*, природа едина, и это единство просвечивает в основной функции хозяйства - в потреблении. Очевидно, все различия продуктов *natura naturata*, которые для обособляющего естествознания представляются далее уже неразложимыми, непереходимыми, не доходят в действительности до дна бытия, не даны в *natura naturans*, суть только состояния природы или, точнее, ее продукты, но не вяжут собой творческие силы *natura naturans*, которая возвышается над каждым из отдельных своих продуктов, а вместе с тем объединяет их своим единством и самотождеством.

Итак, компетенция естествознания и его учений остается нисколько не затронутой выставленным положением об единстве или тождестве природы, но и, с другой стороны, никакие возражения со стороны анатомизирующего естествознания не могут опровергнуть этого общего натурфилософского тезиса, который представляет собой лишь философское выражение основных и элементарных жизненных фактов, обладающих характером непосредственной данности и потому притязающих на аподиктическую убедительность (ведь исходя из подобных

фактов или данностей аксиоматического характера строится и математика, и гносеология). Можно сказать, что потребление не только свидетельствует о тождестве природы, но оно есть само это тождество, проявляемое в действии, тождество *in actu*. Так в жизни своего тела все его изменения как нормального, так и патологического характера я отношу к деятельности одной и той же самотождественной силы или энергии - моего телесного организма, в котором возникают, развиваются и исчезают все эти столь различные, иногда одно другому противоречащие и даже как будто взаимно исключающиеся явления, причем, однако, единство и самотождество силы организма, его энтелехия, остается в полной силе, как *natura naturans* по отношению к *natura naturata*. И то, что мы наблюдаем, как в модели, в организме, этой "стянутой вселенной", то в отношениях между живым и неживым мы наблюдаем в жизни всей вселенной, *natura naturans*, которой мы не можем же отрицать только потому, что, производя все и не будучи поэтому сама продуктом, она не может быть открыта и изучена ни под анатомическим ножом, ни под микроскопом (как, впрочем, не поддается такому анатомизирующему изучению, пригодному лишь для *natura naturata*, для статики вселенной, все, что касается живой силы организмов, *natura naturans*, динамики жизни).

Между идеалом знания живой природы, единой *natura naturans*, и естествознанием, совокупностью наук об ее продуктах, *natura naturata*, должно происходить - и силою вещей происходит - сближение, наряду с аналитической деятельностью идет синтезирующая. К установлению единства природы ведет и само опытное естествознание в своих специальных исследованиях. Второй этаж над ним, хотя и в виде легкой и неустойчивой постройки, надстраивает натурфилософия. Идеалом здесь является такое слияние натурфилософии с естествознанием, при котором спекулятивная натурфилософия покрывала бы естествознание, а последнее непосредственно приводило бы к философии.

II. ПРОИЗВОДСТВО

Теперь обратимся ко второму из тех двух частных вопросов, на которые распадается наш общий вопрос: как возможно хозяйство? Пред нами стоит сейчас вопрос: *как возможно производство?* Производство есть такое активное воздействие субъекта на объект, или человека на природу, при котором хозяйствующий субъект отпечатлевает, осуществляет в предмете своего хозяйственного воздействия свою идею, объективирует свои цели. Стало быть, производство есть, прежде всего, система

объективных действий, субъективное здесь объективируется, грань, лежащая между субъектом и объектом, снимается, субъект актуально выходит из себя в объект.

Продукт хозяйства есть субъект-объект, нечто такое, в чем погашено различие субъекта и объекта, это предмет природы, мира объектов, не-я, но в то же время совершенно пропитанный человеческой телеологией, воплощающий в себе субъективную цель, осуществляющий заранее проектированную в субъекте модель или идею. С этой стороны продукт всякого законченного производственного акта подобен художественному произведению, которое характеризуется взаимным проникновением материи и формы или идеи. Различие между хозяйством и искусством относится к их задачам, к их метафизической природе, но в этом формальном моменте, в субъект-объектности их продуктов, они сходны. И там и здесь с мира частично снимается лежащий на нем покров отчужденности от человека или от субъекта, объектности или вещности, и в вещи внедряются и начинают просвечивать в них идеи, цели, механизм уступает телеологии, точнее, с ней неразрывно и даже неразличимо отождествляется.

Итак, что же мы имеем в производстве как объективном действии? Прежде всего выход субъекта в объект и притом не призрачный, но реальный, входящий в состав объективного, всеобщего «опыта». Кант поставил вопрос о том, каким образом возможно объективное знание, опыт, однако только в смысле пассивного, зеркального отображения действительности. Шеллинг задавался уже вопросом, каким образом я созерцающее, познающее, кантовское, может созерцать себя же и действующим, фихтевским, или как возможно тождество Я познающего и действующего. Наша проблема представляет собой видоизменение и некоторую спецификацию общей проблемы Шеллинга, который сам ставит ее (в "Системе трансцендентального идеализма") все-таки преимущественно гносеологически, хотя сам же дает возможность и натурфилософской, онтологической ее постановки. Проблема здесь в том, как возможно транссубъективное действие, действие над объектом, которое мы имеем в производстве? Без сомнения, оно констатируется и по-своему учитывается и гносеологически, но оно необходимо переводит нас в онтологию. От этого перехода будет отбиваться, может быть, лишь самый отчаянный солипсизм и акосмизм, который, впрочем, тоже представляет собой лишь особую, скептическую онтологию, и для него все-таки остается задача, как объяснить появление, хотя бы и в грезящем сознании, идеи объективного действия в отличие от субъективных представлений. Следует указать, что производство совершенно не вмещается в созерцательном понятии кантовского

опыта: хотя он и оформляется гносеологическим субъектом или категориями разума, но при этом совершенно не предусматривается, заранее даже исключается такой случай, когда субъект, оставляя свою гносеологическую обсерваторию, сам оказывается агентом в космическом потоке. Кантовский субъект мог бы лишь зарегистрировать такой случай, извне наблюдая его в своем опыте, он приравнял бы человеческие действия движущемуся вертелу (по известному сравнению Канта), поместив их под категорию причинности и рассматривая их только как механически закономерные объекты опыта, «явления», но и только всего. Потому кантовской философии, с ее спокойным кабинетным солипсизмом, остается так недоступен вопрос о реальном существовании или несуществовании внешнего мира, ибо для чистого созерцания безразлично, нарисован ли этот мир или же сделан из папье-маше, лишь бы он давал одну и ту же картину опыта, имеет ли оно перед собой говорящие статуи Кондильяка или же живых людей. Ему нет нужды ощупать эти объекты или постучать об эту действительность. Только для философии объективного действия, т. е. для философии хозяйства, получает всю свою жгучесть и неустрашимость вопрос о жизненной реальности внешнего мира, ибо она предполагает выход в эту объективную действительность. Как прекрасно говорит Шеллинг, «только в действии для нас самих мир становится объективным. Мы действуем свободно, а мир существует независимо от нас – оба эти положения должны быть соединены синтетически». Мир возникает для нас лишь как объект нашего действия. Поле, видимое нами во сне и наяву, может не отличаться одно от другого по зрительному впечатлению, и однако разница между ними та, что одно может быть лишь созерцаемо пассивным, дремотным сознанием, второе же может быть предметом воздействия бодрствующего, активного, живого сознания.

Привидение или призрак может быть прокалываем во всевозможных направлениях, как тень отца Гамлета, оставляя лишь одно ощущение – пустоты, небытия, обмана. Мир же непризрачной, реальной действительности опознается нами как предмет нашего воздействия и, вместе, как сила противодействия, сопротивления, т. е. как объект хозяйства. Действенный выход нашего я в область не-я и, обратно, давление этого не-я на я, вся практика взаимодействия я и не-я, устанавливают реальность внешнего мира и заполняют пустую и холодную область не-я силой, теплом, телами, превращают мираж не-я в природу, а вместе с тем и само я помещают в природу, органически сливая я и не-я в единое мироздание. В этом

деятельном, хозяйственном отношении к миру и заключается жизненное обоснование того "наивного реализма", который составляет всеобщую естественную гносеологию человечества ранее всякой философской рефлексии, который практически сохраняется, невзирая ни на какие разрушительные, скептические выводы философского солипсизма. Внушить человечеству настоящее сомнение в существовании природы или собственного тела как органа я в природе, конечно, не удавалось и не удастся ни одному критическому философу, и это в силу непосредственного хозяйственного отношения к миру, постоянного выхода из я в не-я. Хозяйство, как постоянное моделирование или проектирование действительности, а вместе и объективирование своих идей, есть реальный мост из я в не-я, из субъекта в объект, их живое и непосредственное единство, которое не нужно уже доказывать, напротив, оно само должно, в качестве непосредственнейшего показания нашего хозяйственного опыта, лечь в основу дальнейших построений. Отношение между я и не-я есть отношение двух миров или двух энергий, находящихся в постоянном взаимодействии. И лишь при свете хозяйственного отношения к миру может быть правильно понята и самая функция познания, природа чистого разума, теоретического я. Того чистого разума, или гносеологического, т. е. отвлеченно теоретизирующего субъекта, для которого проблемой прежде всего становится самое существование действительности и которое истощается в бесконечных сомнениях по этому поводу, в непосредственной жизни просто не существует. Вся гносеологическая или теоретическая постановка вопроса об отношении субъекта к объекту сочинена в кабинете и есть порождение логической фантазии, своего рода пангеометрия; эта гносеология имеет в виду не человека, но миф, она утопична в самом злейшем смысле слова, как отрицание действительности. Если в ней и устанавливаются важные истины, то лишь постольку, поскольку она изменяет своей собственной позиции, переходя к реализму. Этому обособлению разума теоретического вполне соответствует и обособление практического разума, который, впрочем, понимается лишь в этическом, а не хозяйственном смысле. В действительности не существует ни того, ни другого в их раздельности, есть лишь живое единство теоретически-практического разума. Между тем для них заведено как бы два "стола", и в каждом ведется по особому "делу": "дело о теоретическом разуме" и "дело о практическом разуме". А далее то, что оказывается неразрешимо в столе разума теоретического, просто отсылается в стол разума практического, и в этом столе удостоверяется то, что не могло быть удостоверено в первом. В

этом состоит основная особенность неокантианской схоластики наших дней, порожденной Кантом с его "коперниковским деянием", которое состоит в убиении живого, действенного я и в рассечении его трупа на две части - с той целью, чтобы из двух мертвых половин потом сложить живое тело. Чистый разум у Канта принадлежит не живому я, воплощенному в теле, а чрез тело жизненно связанному со всем мирозданием, но анатомическому препарату познавательных форм, скелету, составленному из костей и сухожилий. Практический же разум вовсе не ведает о том, что делает теоретический, он теоретически глух и слеп, но именно поэтому он и не может быть практическим *разумом*.

Итак, хозяйственное отношение человека к миру, теоретически-практическое, проективно-деятельное, идеально-реальное, субъект-объектное, имеет первостепенное как гносеологическое, так и общефилософское значение. Философия должна исходить не из ложного представления о гносеологическом, совершенно фиктивном субъекте, но из единственно данного нам в опыте представления о хозяйственном, деятельном субъекте. Вся дальнейшая философская ориентировка, характер возникающих отсюда проблем, будет при этом совершенно иная, и целая серия ложных проблем и призрачных затруднений субъективного идеализма отпадет сама собою.

Итак, не мир или опыт дан нам в я или есть представление нашего я, не объект полагается в субъекте, как учит субъективный идеализм, и не субъект есть порождение объекта, как учит догматический материализм, утверждая нечто совершенно иррациональное, недомыслимое и в самом абсурдном смысле чудесное, но субъект дан нам лишь во взаимодействии с объектом, субъект-объект: я в мире или в природе, а природа во мне. Потому и самое я не есть законченное, неизменное, данное, абстрактное, как в субъективном идеализме, но непрерывно растущее, развивающееся, живущее. Это изменяющееся отношение между субъектом и объектом, развитие я в природе, есть *жизнь*, т. е. рост, движение, не статика, но динамика. Это живое, действенное, хозяйственное я и должно быть исходным понятием философии. К этой идее чрезвычайно близко подходит современный прагматизм, поскольку он не соединяется с скептическим релятивизмом, а особенно философия Бергсона.

Анализируя хозяйство как производство, мы снова пришли к той же философской идее - необходимого тождества субъекта и объекта, я и не-я, сознания и природы, актуально отождествляющихся в хозяйстве. Только на этом предположении

обосновывается возможность производства. Действительно, возможность объективного действия, активного выхода я в не-я, или распространения области я в не-я, становится понятна лишь в том случае, если между ними существует известная одноприродность, если они находятся, так сказать, в одной и той же метафизической плоскости. Нельзя переместить в этом мире даже одного атома иначе, как находясь в этом же мире и имея в нем точку опоры. Нельзя при предположении чуждости между я и не-я объяснить их взаимодействие. Мы приходим поэтому к выводу о метафизической одноприродности я и не-я, или единстве в них хозяйственного логоса, которое выражается в практической уступчивости природы, ее рецептивности по отношению к заданиям и проектам я. Тот же самый хозяйственный логос, который в природе действует как слепая организующая сила, а в мире животном проявляется полусознательно как инстинкт, лишь в человеке получает сознательность, благодаря чему идея и материя, только слитно существовавшие в природе, получают раздельное бытие в субъекте и объекте. В субъект-объекте природа видит себя, сознает себя, воздействует на себя, создает себя. Слепой, стихийный или инстинктивный труд природы становится сознательным трудом человека.

Итак, живой связью между субъектом и объектом, мостом, выводящим я в мир реальностей и неразрывно соединяющим его с этим миром, является *труд*, человеческая актуальность, объективирующаяся вовне и тем объективирующая для нас этот мир. Благодаря труду не может быть ни только-субъекта, как принимает субъективный идеализм, ни только-объекта, как принимает материализм, но есть их живое единство, субъект-объект, и лишь при рассмотрении его в том или другом отношении посредством методологической абстракции выделяются из него субъект или объект. Эта полярность бытия, его раздвоение погашается только в Абсолютном, которое есть одновременно и субъект и объект для самого себя. Поэтому для него *выход* субъекта в объект исключен по самому понятию, и субъект-объектность полагается в едином, тождественном, вневременном акте: тайна святой Троицы и внутритроичной жизни!

Труд, занимающий так много места в учениях политической экономии, получает таким образом первостепенное значение и в гносеологии, хотя эта последняя с ним никогда как следует не считалась, не "ориентировалась" на факте труда, живой энергии, спаивающей неразрывно субъект и объект, хотя именно это значило бы ориентироваться на наиболее непосредственной данности. Напротив, политическая экономия хотя и с самого

своего возникновения не расставалась с принципом труда, но, вследствие низкой степени философской сознательности и ограниченности ее духовных горизонтов, она не знала, как ей воспользоваться этим принципом, какое отвести ему место. И ему было отведено место, совершенно не соответствующее философскому значению этого принципа. Прежде всего, политическая экономия - принципиально в лице Ад. Смита, фактически же в лице большинства своих представителей - сузила понятие труда до "производительного" труда, выражающегося в материальных благах. Следовательно, все внимание было сосредоточено только на одной, объективной, стороне труда, на его периферии, и было оставлено без внимания и вне рассмотрения его значение в качестве моста между субъектом и объектом, по которому субъект вообще выходит в объект и осуществляет в нем свои идеи, проекты или модели. Здесь молчаливо уже предполагается технология (в самом широком смысле) как способность проектирования или моделирования, причем политическая экономия, как наука историческая, сосредоточивающая свое внимание на конкретном и изменяющемся, гораздо охотнее останавливается на истории технологии, нежели на ее общей принципиальной проблеме, которая остается одна и та же как относительно машины Уатта или сложнейшей современной машины, так и относительно примитивного молотка или каменного топора, а именно: как возможен трудовой выход субъекта в объект, как возможно моделирование и проектирование, как возможно объективное действие или же целая система таких действий, т. е. технология? Мимо этого вопроса проходит и научная технология, сосредоточивающаяся всецело на разработке детальных прикладных проблем.

Но если политическая экономия, в силу своего «экономического материализма», знает труд только в его продуктах, в объекте, и просматривает его в субъекте, то аналогичная ошибка повторяется и на противоположном полюсе - в кантовском субъективном идеализме. Кантовский, а еще более неокантианский субъект празден, он абсолютно пассивен и лишен всякой трудовой энергии. Поэтому он лишен и здорового самосознания своей субъективности, реальности я, почему и может, вместе с Юмом, оспаривать существование личности, сводя ее к "пучку представлений" или, вместе с Кантом, сводя ее лишь к формальному единству сознания ("единству трансцендентальной апперцепции"). Отсюда фатальный и беспросветный детерминизм этой философии, как выражение

полной пассивности субъекта, отсутствия в нем актуальности, самостоятельности, асепизма.

Перед таким субъектом или, точнее, в нем самом, в его сознании, происходит театральное представление, разворачивается жизнь, которой он только зритель, смотрящий с своего кресла, сам ни в чем не участвуя. И самое это созерцание дается как будто само собой, не требуя затраты энергии и труда. Но такой праздности, такой даровщины не существует в познании, она выдумана или "постулирована". Познание, как волевая деятельность, тоже требует энергии, напряжения, труда, и этот трудовой его характер должен также освобождать от чувства зеркальности я и призрачности мира, как и хозяйство. В этом смысле и познание есть трудовая, хозяйственная деятельность, преодолевающая раздвоение субъекта и объекта и приводящая к их взаимнопроникновению. Нельзя усомниться в реальности я, когда оно обнаруживает себя как актуальная энергия, или если оно, употребляя выражение Лейбница, осуществляет себя как монада. И как всякий проект в хозяйственном акте содержит уже в себе модель будущего продукта, так и в процессе познания уже имеется налицо модель будущего знания или его проект в виде вопроса, тревоги, искания: без вопросов нет и ответов, и все наше знание суть ответы природы на запросы нашего духа. Все знание есть хозяйственное моделирование в ставимых вопросах будущих ответов. Объектом трудового воздействия является здесь внешний мир, но не в смысле пространственном или топографическом, а в идеальном: то, что находится сейчас вне сознания или под сознанием, но может быть освещено им, присоединено к его богатствам, есть объект познания, полный столь же безграничных возможностей, как и мир внешний в качестве объекта хозяйства. В этом смысле знание есть хозяйственная деятельность, выход субъекта я в не-я (точнее, в еще-не-я), и в каждом познавательном акте осуществляется изначальное тождество я и не-я, субъекта и объекта. То, что было в дремлющем, потенциальном состоянии как бессознательное, как возможность знания, актуализируется в сознании. Я обогащается не из самого себя как сознания, или как субъекта, но из самого себя как бессознательного, или как объекта, иначе нельзя понять познавательного процесса как постоянного взаимоотношения между субъектом и объектом. Субъект сдирает кожу бессознательности, прорывается к своему объекту трудовым процессом, таким же точно или вполне аналогичным тому, какой мы имеем в производстве благ материальных. Можно сказать, что хозяйство есть процесс знания, сделавшийся чувственно-осознательным, выведенный наружу, а познание есть тот же процесс, но в идеальной, нечувственной форме. И там и здесь по-

своему преодолевается противопоставление субъекта и объекта, в обоих процессах обнаруживается одна и та же метафизическая основа, именно *тождество* субъекта и объекта, и жизнь раскрывается как постоянное выявление, углубление и обнаружение этого тождества вместе с преодолением этой полярности. И путь этого преодоления, он же и путь жизни, есть труд. Всякое сознательное, преднамеренное преодоление противоположности субъекта и объекта в сфере идеальной или чувственной есть трудовое действие. Даром дается только или инстинктивное, до-сознательное, или бессознательно-целесообразное, вполне объектное действие (напр., работа нашего сердца), или же, наоборот, высшее созерцание, откровение художественное или религиозное, при котором я само отдается объекту, сливаясь с ним, теряет себя, погружаясь в полноту переживаемого. Конечно, обе эти области трудовой деятельности, идеальная и чувственная, проявляющиеся в мире идеальных образов и овеществленных идей, так резко различаются между собой только в крайних своих проявлениях, действительность же представляет собой постепенные смещения обеих областей. Во всяком случае, ни познание, или производство продуктов идеальных, ни хозяйство, или производство продуктов материальных, как трудовые процессы, в которых осуществляется затрата сил, по непосредственному характеру своему не допускают серьезного и искреннего сомнения в существовании одинаково как субъекта, так и объекта, а также их взаимодействия или взаимопроницаемости друг для друга, т. е. реальности и причинной связи. Этим устанавливается та точка зрения, которая в «критической» философии надменно обозначается как "наивный реализм", на самом же деле это есть жизненный или, точнее, *хозяйственный реализм*. Труд как основание гносеологии снимает поэтому проблему существования внешнего мира (а также и чужого я) как идеалистическое измышление, фантом отвлеченной мысли.

Значение труда, не оцененное по достоинству в гносеологии, нашло некоторую оценку в политической экономии. Но она является здесь, в соответствии специальному характеру экономической науки, условной и ограниченной. Именно, в учении о производстве материальных благ труд помещается обыкновенно в числе "факторов производства", причем рядом с ним фигурируют земля и капитал. Однако эта классификация, может быть, и имеющая специальный смысл, совершенно лишена общепhilosophического значения. Гораздо любопытнее в этом отношении оценка труда, которая выражается в так называемых «трудовых» теориях ценности. Здесь труд не помещается лишь

наряду с другими факторами производства, напротив, ему приписывается исключительное значение, как основы ценности благ.

Однако тщетно мы стали бы искать здесь философского углубления или истолкования этой идеи. Она понимается в высшей степени узко, лишь в применении к объяснению механизма цен, к учению о меновой ценности товаров. Благодаря этому и самое понятие труда суживается в политической экономии до смитовского определения производственного труда, т. е. труда, выражающегося лишь в материальных продуктах. Например, Маркс определяет ценности как сгустки или кристаллы труда, труд же как затрату человеческой энергии, а последняя с грубым и наивным материализмом определяется им как трата нервов, мускулов, костей, физиологической энергии. Но - можно возразить против столь узкого понимания труда - ведь и сама трудовая теория ценности есть тоже трудовой и в этом смысле хозяйственный продукт, ведь выработка и усвоение ее тоже предполагает затрату интеллектуального труда или, на языке Маркса, затраты нервной и мозговой энергии. И притом как трудовая теория ценности, так и теории, построенные для ее ниспровержения и отрицающие универсальное значение трудового начала, одинаково суть продукты труда, совершенно так же, как и материальные блага, и так же различаются по качеству, полезности и пригодности, как и они. Но при всей узости понимания нельзя отрицать за трудовой теорией ценности того общеполитического значения, что в ней с совершенно исключительной силой было выдвинуто значение трудового начала, столь недостаточно оцененное в философии. В ней отразилось, хотя и недостаточно осознанное, чувство актуальности человека, трудовая или хозяйственная природа жизни. В этом смысле то зерно истины, которое содержится в трудовых теориях ценности, сохраняет жизнеспособность, хотя и в ином истолковании, чем давали ей творцы ее, облекшие это зерно в совершенно закрывающую его шелуху. Основную мысль теории меновой ценности можно истолковать так. *Большая посылка*: труд есть высшее начало хозяйственной жизни, ее собой устанавливающее; *меньшая посылка*: эта роль труда должна соответственным образом проявляться и в феноменологии хозяйственной жизни, на поверхности ее явлений; *вывод*: поэтому меновые пропорции, или ценности товаров, определяются количеством труда, затраченного на их производство. Очевидно, однако, что ее творцы в стремлении возвеличить труд (отчасти по мотивам социалистического человекобожия) совершенно затемняют свою идею, придают ей мелочное, уродливое

выражение, которое оказывается не защитимым и в специально научном смысле. Цены товаров, даже по признанию самих творцов трудовой теории ценности (Рикардо, Родбертуса и Маркса), не соответствуют трудовым ценностям, им приписывается почетная роль идеального, теоретического мерила ценностей, - вовсе лишить труд этого значения они, очевидно, не считали возможным. Но в действительности для оценки значения труда в хозяйстве как его основы совершенно несущественно и, пожалуй, даже неинтересно, в каком отношении рыночные цены стоят к трудовым ценностям. Цены могут никогда не соответствовать трудовым ценностям (последние, впрочем, и не допускают даже теоретического исчисления иначе, как путем логических скачков и неразрешимых уравнений со многими неизвестными), и тем не менее значение труда как основы хозяйства останется в полной силе. Если верна большая посылка трудовой теории ценности, и до некоторой степени верна даже и малая, то вывод из них, который делает трудовая теория ценности, совершенно не соответствует ни большой, ни малой посылке, потому что переносит вопрос с принципиальной высоты в меркантильную практику, на рынок. Если трудовая теория ценности, по крайней мере, в строгой форме давно уже не защитима даже и в политической экономии, то философская ее идея, вернее, выраженное в ней предчувствие чрезвычайно ценно и, освобожденное от несоответствующей и уродливой формы, может получить дальнейшее развитие. И в этом политическая экономия оказалась впереди философии.

Из предыдущего выяснилось, что вопрос о том, как возможно производство, равнозначащ с вопросом, как возможен хозяйственный труд. Если обозначить совокупность всевозможных способов воздействия человека на природу в определенных, наперед намеченных целях как *технологию*, то занимающий нас вопрос может быть формулирован и так: как возможна технология? Чем характеризуется техническое отношение субъекта к объекту, человека к природе? Возможность технологии, очевидно, предполагает принципиальную доступность природы человеческому воздействию, ее восприимчивость человеческим целям. Вследствие всеобщей связности природы, единства космоса, приходится говорить о доступности или послушности человеку природы вообще. Хотя человек остается неизмеримо далек от обладания природой, но ему открыт путь к нему. Природа есть пассивное, рецептивное, женственное начало, человек - активное, мужественное, сознательное. Таким образом, природа, с господствующим в ней слепым интеллектом или инстинктом, только в человеке осознает себя, становится зрячею.

Природа очеловечивается, она способна стать периферическим телом человека, подчиняясь его сознанию и в нем осознавая себя. В этом смысле человек есть центр мироздания, он дает имена животным и, уж разумеется, растениям и минералам, в нем осознает себя логос мира, и это его потенциальное мировладение (некогда утерянное) частично и постепенно осуществляется в хозяйственном процессе. Таким образом, мы снова приходим к центральной идее натурфилософии Шеллинга о тождестве субъекта и объекта, или, что то же, о тождестве природы, как бессознательного творчества духа и как сознательного его воспроизведения. Только это тождество, это глубочайшее интимное сродство природы и духа, делает возможным как потребление, так и производство, вообще хозяйство как субъективно-объективный процесс, тождество in actu. Шеллинг называет историю природы историей самосознания, она заканчивается появлением сознания. Но, достигнув этого порога борением бессознательных и слепых, хотя и целесообразных, ибо все-таки разумных, сил, природа как бы перерастает себя. Бессознательный рост восполняется, а отчасти и заменяется сознательным воспроизведением, даровое и инстинктивное становится сознательным и трудовым, «естественное» заменяется «искусственным», т. е. хозяйственно-сознательным. Природа, достигнув в человеке самосознания и способности труда над собой, вступает в новую эпоху своего существования. Хозяйственный труд есть уже как бы новая сила природы, новый мирообразующий, космогонический фактор, принципиально отличный притом от всех остальных сил природы. Эпоха хозяйства есть столь же характерная и определенная эпоха в истории земли, а чрез нее и в истории космоса, что можно с этой точки зрения всю космогонию поделить на два периода: инстинктивный, до-сознательный или до-хозяйственный, - до появления человека, и сознательный, хозяйственный, - после его появления. Разумеется, мы говорим это не в смысле современного эволюционизма, но подразумеваем выявление живых сил, изначально вложенных в мироздание Творцом. Мир в собранном, законченном виде с Адамом-человечеством в центре создан Творцом, и то, что развивается во времени и составляет содержание истории, лишь воспроизводит внутреннюю связь и соотношение элементов мира, нарушенную грехопадением.

Можно также сказать, что в человеке осознает себя *natura naturans*, лежащая в основе *natura naturata*, но ею закрытая и как бы придавленная. Человек, медленно и постепенно освобождаясь от рабства вещей, продуктов *natura naturata*, снимает мертвый покров с природы и опознает творящие ее силы. Он понимает, что

природа как продукт есть лишь порождение *natura naturans*, хотя и искаженное злым владычеством "князя этого мира", для которого, однако, остается недоступна сама *natura naturans*, непорочная душа мира. И *naturata natura*, наши теперешние земля и небо, которые суть несовершенный продукт *natura naturans*, «прейдут с шумом», имеют быть пересозданы, явится новая земля и небо, новая плоть, но прежде этого с мира должен быть снят этот тяжелый, свинцовый покров вещности и безжизненной окаменелости. Здесь мы вступаем, однако, уже в эсхатологию хозяйства, которая остается пока вне нашего рассмотрения. В хозяйстве, в сознательном воспроизводстве природы, можно видеть некий прообраз, предварение того освобождения *natura naturans* от оков теперешней *natura naturata*, о которой сказано у апостола, что «вся тварь повиновалась суеде тления не по своей воле, но по воле повинувшего ее», падшего человека, души мира, и что «вся тварь стенает и чает своего освобождения» от плена вещности, от тяжелого оцепенения, в дреме которого она грезит о своем освобождении.

ЗМІСТ

Вступ.....	3
Розділ 1. Методика самостійної роботи з вивчення навчальної дисципліни «Філософія господарювання».....	5
1. Місце самостійної роботи у навчальному процесі.....	5
2. Методика вивчення першоджерел	8
Розділ 2. Додатки	
Ксенофонт «Ойкономія»	11
Браччоліні П. «Про жадібність».....	28
Альберті Л. «Про сім'ю»	65
Соловйов В. «Виправдання добра».....	73
Булгаков С. «Філософія господарства»	113

Навчальне видання

Методичні вказівки до організації самостійної роботи
з дисципліни
«ФІЛОСОФІЯ ГОСПОДАРЮВАННЯ»
(для студентів 2, 3 курсів денної та заочної форм навчання за
напрямами підготовки 6.030504 «Економіка підприємства»,
6.030509 «Облік і аудит»)

Укладачі: **ФЕСЕНКО** Галина Григорівна,
РЯБЧЕНКО Ольга Леонідівна,
ЯЦЮК Микола Володимирович,
ЖВАНКО Любов Миколаївна

В авторській редакції

Комп'ютерний набір і верстання Г. Г. Фесенко

План 2011, поз. 234М

Підп. до друку 03.11.2011

Друк на ризографі

Тираж 50 пр.

Формат 60*84 1/16

Ум. друк. арк. 7,7

Зам. №

Видавець і виготовлювач:

Харківська національна академія міського господарства,
вул. Революції, 12, Харків, 61002

Електронна адреса: rectorat@ksame.kharkov.ua

Свідоцтво суб'єкта видавничої справи: ДК № 4064 від 12.05.2011